Российская Коммунистическая Партия (Большевиков).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

АГИТАТОР

непериодический орган агитационно-пропагандистского отдела Гомельского Губернск. Комитета Р. К. П.

ВЫПУСК ПЯТЫЙ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ГОМГАЗЕТА“.
ГОМЕЛЬ 1922 г.

ТИПОГРАФИЯ № 1 „ГОМПЕЧАТЬ“.
Заказ № 3094—2000 экз. Р. Б. Ц. № 604.

ИТОГИ СУДА НАД ЭС-ЭРАМИ.

РЕЧЬ тов. ЛУНАЧАРСКОГО.

Вся деятельность партии соц.-рев. от начала до конца—сплошное политическое преступление. Поэтому политическая характеристика партии имеет огромное значение для исхода процесса. Эта общая характеристика послужит фоном, на котором государственный обвинитель т. Крыленко будет обосновывать индивидуальную виновность каждого подсудимого.

— Я буду рассматривать,—партию эсеров, как марксист, исключительно с марксистской точки зрения. С марксистской точки зрения мы подходим к каждому судебному процессу, даже к самому мелкому. И настоящий, большой процесс, мы должны подвергнуть марксистскому анализу.

Наши учителя Маркс и Энгельс 50 лет назад предсказали, в какой роли должны будут выступить те или иные общественные группировки в период социальной революции. Если мы проследим деятельность партии эсеров, то мы увидим, что эти предсказания вполне оправдались.

Деятельность партии эсеров в точности отразила и осуществила предсказания Маркса и Энгельса, сделанные 50 лет назад.

Партия эсеров—партия мелко-буржуазная. Историческая роль мелко-буржуазных партий делится на два периода. Первый период, когда пролетариат недостаточно еще окреп, не оформился или совсем не существует, или же существует как класс больше для других, чем для себя, и поэтому не может быть руководителем движения. В этот период в роли руководителя всякого революционного движения выступает мелко-буржуазная революционная партия. Мелко-буржуазная партия не есть нечто единое—классовое. Она включает в себя самые разнородные элементы. Левое крыло ее вплотную примыкает к пролетариату, а правое упирается в крупную буржуазию. В первый период революционной борьбы мелко-буржуазные партии опираются на народные массы и отчасти на пролетариат, к которому примыкает и левое крыло. В этот период мелко-буржуазная партия играет положительную, социальную роль.

Но как только пролетариат оформляется и выступает на сцену, как революционная сила, он сейчас же становится в роли руководителя революционного движения. С этого момента мелко-буржуазные партии становятся вредными. Чуждые пролетариату и его идеям, мелко буржуазные партии становятся на пути к социальным революциям и из партии революционных превращаются в партии контр-революционные.

Такое положение наблюдается и в деятельности партии соц.-революц. и ее идейных предшественников. В первый период революционного движения работали

народники и народовольцы, которые считали себя не только революционерами, но и социалистами. По своей природе они не были подлинными социалистами, так-как стояли вне пролетариата. Они позаимствовали идеи социализма и до известной степени их исказили. Идеи социализма они приспособляли к мелко-буржуазным интересам. Такова идеология народников и народовольцев.

Само собою разумеется, такая теория ошибочна, ибо социализм немыслим вне пролетариата и без пролетариата. Но народники и народовольцы были искренни, и их нельзя винить за те ошибки, которые были ими допущены. Виноваты исторические условия того времени. В то время и коммунисты, если бы они работали в России, вынуждены были бы держаться, приблизительно, той же самой тактики, какой держались народники и народовольцы. Таковы были об'ективные исторические условия.

Но когда организовалась партия пролетариата, роль народников, выродившихся в партию эсеров, резко изменилась. Партия эсеров вступила на путь конкуренции с партией пролетариата. В противовес чисто пролетарской позиции последней, она попрежнему выдвигала об'единение разнообразных элементов. Союз пролетариата с крестьянством, интеллигенцией и мелко-буржуазными элементами. Такой тактикой партия эсеров отвращала пролетариат от прямых его задач. Революционная роль мелко-буржуазной партии кончилась. Но эта мертвая для революции партия хотела взять в свои руки живой пролетарский организм и остановить его движение по пути социальной революции. С этого момента партия эсеров играет роль контр-революции.

Если бы партия эсеров хотела оставаться революционной, то она должна была бы или „подать в отставку", или примкнуть к пролетариату. Она этого не сделала. Она от старого отстала, а к новому не пристала. При таких условиях, дальнейшее существование партии, с точки зрения революции, стало вредным.

Характерной особенностью партии социалистов-революционеров, как и всякой мелко-буржуазной партии, является ее внутренняя развинченность. Она об'единяет самые различные элементы, которые не в состоянии подчинить единой руководящей роли, единой силе. Входящие в ее состав элементы действуют по разному.

Здесь, на суде, Гоц и другие подсудимые не раз заявляли с гордостью, что партия эсеров не такая партия, как партия коммунистов. Она не диктует своей воли отдельным членам и предоставляет им известную свободу действий. По существу это верно. Но было бы правильнее, если бы Гоц и другие сказали: „Мы не стальная партия, мы партия кисельная, мы болотная партия". Это ближе к действительности. Это верно, но с точки зрения революции, такая внутренняя развинченность партии—бедствие. Но эсеры использовали даже свою собственную развинченность, как для них выгодно. Они по-разному играли своим правым и левым крылом, используя их в различных направлениях и для различных целей. В результате и получилось двурушничество, фразерство и политиканство.

Ярким выразителем такой тактики можно считать Виктора Чернова. Недаром другой видный эсер, Авксентьев, характеризует Чернова, как „рокового для партии косоглазого человека". Виктор Чернов действительно все время косит то направо, то налево.

Тов. Луночарский приводит ряд выдержек из Маркса и сопоставляет их с деятельностью партии эсеров, которая точь-в-точь повторила все то, что предсказывал Маркс 50 лет назад.

Партия эсеров, как мелко-буржуазная и внеклассовая, не понимала и не признавала борьбы классов. Определенному и точному понятию „класс" она противопоставляла расплывчатое и бесформенное понятие „народ", „национальность". Здесь, на суде, Евгения Ратнер заявляла, что эсеры вынуждены были принести социализм в жертву общенациональным интересам. Общенациональные интересы были для них выше интересов классовых. Эсеры заявляли даже, что когда шла война с поляками, они во имя общенациональных интересов готовы были вступать в ряды

Красной армии. Во имя национальности они были готовы бороться с кем угодно и когда угодно. Но когда шла борьба классов, они стояли в стороне. Так и должна была держать себя мелко-буржуазная, бесклассовая партия.

Не борьба классов, а „борьба народа“ с угнетателями—вот идеология мелко-буржуазной эсеровской партии. Народ бросится на угнетателей и сметет их. Такой тактики они держались во время февральской революции. Такой же тактики они держатся и теперь по отношению к советской власти, которую они считают угнетателем. Они и теперь все еще ждут, что народ бросится на угнетателей, т.-е на коммунистов. Но так как никакого народа в сущности нет, а есть классы, то тактика эсеров никогда не имела под собой реального основания. Поэтому все их неудачи неизбежны. Эсеры до сих пор еще не могут понять этой основной причины своих неудач. Они об'ясняют их различными случайностями, тем, что „народ“ до сих пор не дозрел, но рано или поздно он дозреет. Эсеры и до сих пор надеются, что „народ, когда-нибудь дозреет“.

Все это предсказывал Маркс 50 лет назад, когда говорил о роли мелко-буржуазных партий. Все это точь-в-точь повторилось в русской революции партией эсеров.

Тов. Луначарский приводит выдержку из Энгельса, который характеризует мелко-буржуазные партии, как неспособные на революционное дело. Отличительная черта мелко-буржуазной партии—робость. Она боится всего, боится власти, боится пролетариата, боится восставшего народа. Достаточно вспомнить июльские дни в Петрограде, что-бы понять, что эта характеристика Энгельсом мелко-буржуазных партий вполне оправдалась партией социалистов-революционеров.

В июльские дни,—пролетариат пришел к эсерам и потребовал от них, чтобы они взяли власть в свои руки. Но эсеры с ужасом отказались от власти. Они испугались власти, испугались пролетариата и предпочли коалицию с буржуазными партиями.

Тут опять-таки оправдалось предсказание Энгельса, который говорил, что мелко-буржуазные партии боятся, что пролетариат рано или поздно выгонит их с должностей, и опрокинет их политику. Так и случилось с нашими эсерами. Пролетариат пришел в октябре, выгнал их с должностей и опрокинул их политику.

Тов. Луначарский цитирует еще одну выдержку из Маркса, который предостерегает рабочих не итти ни на какие об'единения с буржуазными партиями. Такое об'единение выгодно не для рабочих, а для врагов рабочих. Вместо об'единения с буржуазными партиями Маркс рекомендовал рабочим создавать свои рабочие советы, свои рабочие клубы и другие рабочие организации, за которыми должна стоять реальная рабочая сила.

— Мы,—выполнили это завещание нашего учителя. Мы не пошли ни на какие соглашения, мы организовали рабочие советы, мы не боялись взять власть в свои руки, в руки пролетариата.

А что делали эсеры после февральской революции? Они призывали пролетариат к мирному труду, к спокойствию, вступили на путь соглашательства и готовы были свести на нет все плоды побед пролетарата.

В 1881 г. Энгельс предсказывал, что в период революции мелко буржуазная партия может стать у власти. Она может входить во временное правительство и даже иметь там большинство. И это вполне естественно. Мелко буржуазная партия, прикрывающаяся социалистическим флагом,—самая революционная партия из всех буржуазных партий. Поэтому в первый период революции за нею иногда идут народные массы. С другой стороны, за нее хватается крупная буржуазия, как за наименьшее зло. Эти два фактора и выдвигают мелко-буржуазные партии к власти.

Это предсказание Энгельса оправдалось на партии эсеров. Она получила большинство в учредительном собрании. Но к моменту созыва учредительного собрания социальные условия изменились и это большинство повисло в воздухе, не имея под собой никакой реальной опоры. На сцену высту-

пил вооруженный резерв рабочего пролетариата и это дало возможность партии пролетариата захватить власть и перескочить через период чистой демократии. Так именно и случилось в России.

Рабочий класс с крестьянским резервом перескочил через чистую демократию, через партию социалистов-революционеров.

Между партией социалистов-революционеров и пролетариатом образовалась громадная пропасть. Падение эсеровской власти и разгон Учредительного собрания явились исторически неизбежными.

Образовались два враждебных класса: класс буржуазии, на стороне которого стоят подсудимые, и класс пролетарский, который держит в настоящее время власть в своих руках. Между этими двумя классами началась упорная и длительная борьба.

Классовая борьба превращается в гражданскую войну. Для гражданской войны необходимо, чтобы обе борющиеся стороны имели в своем распоряжении необходимые для открытой борьбы реальные силы. Если у одной из борющихся сторон нет этой силы, то от гражданской войны она переходит к другому способу борьбы. Слабая партия прибегает к террору. Путем террористических актов она стремится дезорганизовать противную сторону. Наступает период белого террора.

В противовес правящий пролетариат тоже выдвигает террор. Орудием террора у нас является Революционный трибунал. Это—классовый суд. Но внеклассового суда вообще не бывает. Буржуазный суд—тоже классовый суд, суд буржуазии. Внеклассовый суд может мыслить в фантазии только такая партия, как партия эсеров. Когда идет борьба классов, внеклассовый суд немыслим.

На первых порах, когда пролетарская власть была недостаточна сильна, мы применяли террор непосредственно на поле сражения. Когда же пролетарская власть становится сильной и прочной, она вводит террор в определенные рамки, через посредство трибунала. Революционный трибунал точно устанавливает индивидуальную виновность и карает виновных. Вот почему мы 38 дней занимались здесь выяснением всех деталей процесса, всех действительных виновников в том или ином преступлении против Советской Республики.

Мы проверяли все детали процесса не для „буржуазного общественного мнения“. Убеждать буржуазию не стоит, так как ее все равно не убедят никакие факты. Убеждать рабочих-коммунистов тоже не стоит, так как они и без того убеждены в виновности эсеров. Об‘ективное выяснение истины необходимо для беспартийных рабочих, а также для международного пролетариата, суд которого для нас важен.

Тактика руководящих верхов партии—тактика шатаний. Здесь Евгения Ратнер признавала, что за партией много ошибок и что обвиняемые не хотят их скрывать. Но она об‘ясняла ошибки оторваностью организаций на окраинах от партийного центра. Но когда член ЦК приезжал и видел на месте явные нарушения партийных директив, он не имел мужества их осудить. Ратнер говорила, что она не могла ни морально, ни политически удержать юговосточных эсеров от поддержки доброармии. И фактически получалось так, что руководящие круги партии все время свой социализм жертвенно приносили на алтарь черносотенных идей...

В рядах партии ясно определились два течения. Правое, которое характеризуют такие вожди, как Авксентьев и Бунаков, и левое, которое представляют боевики. Посредине находится центр с Гоцем и Черновым. Усов очень удачно обмолвился, характеризуя это положение—по бокам два крыла, а посередине Чернов без крыльев.

Опора правого крыла—кулаки, кооператоры, наиболее крепкая часть мелкой буржуазии. Мы никогда не считали эту эсеровскую опору пустым местом. Кряжистые кулаки и кооператоры, это тот камень на борозде, который никак не об‘едешь. Через эту главную опору, правое крыло тесно связано со всей крупной буржуазией—отечественной и международной—и с Антантой.

Эсеры никогда не могли отказаться от поддержки этих сил. Если бы они отказались, то исчез бы всякий смысл существования эсеровской партии.

Политическая работа ЦК ПСР заключается не в том, что он попускал своему центру, в лице Чернова, балансировать и через Зензинова и Авксентьева держать связь с послами, монархистами и Антантой, а в том, что он никогда не имел мужества признать эти действия выражающими его подлинную тактику.

Во всякой революции, а тем более в такой, где столкнувшиеся классы достигли значительной зрелости, в борьбу вовлекаются массы. Они выделяют из себя людей великой решимости и мужества. Зажигаясь революционной пропагандой, эти люди с великой готовностью бросают свою жизнь и судьбу в горнило революции. Именно из них составляются кадры командиров революционных армий и боевые партийные дружины. В этом вихре поднимается много и мути. Одни из членов с.-р. боевых дружин пошли прямым путем к коммунизму, другие направляются в отряды Савинкова и очутились в армии Врангеля.

Члены эсеровского ЦК здесь все время говорили, что тактика боевиков не была тактикой самого ЦК. Казалось бы так, что если боевой элемент не подходил для задачи партии, боевые организации должны были бы быть распущены. Но фактически этого не было. ЦК не мог отказаться от этих элементов, потому что именно через них он поддерживал связь с другой силой слева, которую хотел держать в своем распоряжении про черный день.

Как они относились к террору? Единой и четкой линии у них не было. Иванов говорил, что в самом воздухе носились идеи террора, и именно потому, что они носились, ЦК считал ненужным об'явить во всеобщее сведение, что террористические акты им запрещены. Не менее характерно отношение Донского к эксам.

Для эсеров было необходимо лавировать между своим правым и левым крылом. Евгения Ратнер сказала: наше спасение в уменьи лавировать, и только благодаря этому мы можем считаться в лагере пролетариата. Но к чему привело это лавирование? Даже Вандервельде, вернувшись из России, в оценке нашего положения должен был признать, что в условиях русской революции большевистская власть держится прочно, и для эсеров нет более места.

Как лавировали эсеры в вопросе о терроре? В заседании трибунала оглашались речи Авксентьева и Чернова, которые гордо заявляли, что партия возьмется за свое старое оружие и прибегнет к террору, если кто-либо посягнет на Учредительное собрание. Эти угрозы взволновали сердца рабочих-боевиков. Там люди боевых настроений, люди дела. Но вот Учредительное собрание было распущено, и со всех сторон в ЦК начинают поступать предложения об организации террора. Но ЦК не отвечает ни согласием, ни отказом.

В день созыва Учредительного собрания устраивается эсерами «мирная демонстрация», но с участием вооруженных сил. Предполагается, что войска поступят в распоряжение Учредительного собрания, но Гоц, накануне ночью, дает распоряжение войска не выводить. По его мнению, надо погодить и посмотреть. Если стихия разбушуется, только тогда эсеры выступят. Ему хотелось умыться, не замочивши рук.

Это не трусость. Это особенность эсеровской тактики. Эсеры желают ждать, когда обстоятельства будут особенно благоприятными, когда плод созреет и сам упадает в руки. Но рабочие низы в их рядах не желают ждать и готовы броситься в бой. Центр партии это знает и в этом случае также сохраняет свою выжидательную тактику—не выйдет ли чего благоприятного. Его задача только в том, чтобы, употребляя любимое эсеровское выражение, «сохранить свои ризы в чистоте».

Как они относились к террору? Единой и четкой линии у них не было. Иванов говорил, что в самом воздухе носились идеи террора, и именно потому, что они носились, ЦК считал ненужным об'явить во всеобщее сведение, что террористические акты им запрещены. Не менее характерно отношение Донского к эксам.

Он говорил: мы не запрещаем эксов, чтобы не подать к ним повода. Получается так, что стоило ЦК опубликовать такое постановление о запрещении эксов, чтобы получился обратный результат.

Когда пришла к Гоцу Коноплева и предложила организацию террористического акта, он не сказал ей, что ЦК категорически запрещает такие акты, и не выпроводил ее от себя. Почему? Гоц об'ясняет: ему показалось, что Коноплева—взвинченный человек. Когда Коноплева пришла с тем же предложением еще раз, он посоветовал ей уехать и отдохнуть.

Каплан из другого теста, и Донской разговаривает с ней по-другому. Он ей говорит: помните, что, совершая акт, вы перестанете быть членом партии. Смысл, конечно, такой—вы должны взять все дело на себя. Хотя мы вас благословляем, но умываем руки, а затем воспользуемся всеми выводами из вашего акта.

Фанни Каплан сдержала свое слово и трогательно лойяльно заявила на допросе: «я вне партии». И этими словами обвиняемые считают теперь возможным прикрываться. Лихач трижды от нее отрекался и договорился до того, что связал Каплан с Савинковым.

Очень интересен разговор Донского с Семеновым. Семенов предложил выступить отдельной автономной группой ПСР. Но Донской сказал—нет, этого мало, назовитесь группой каких-нибудь «черных воронов».

Когда Дашевский спрашивал Гоца здесь, в трибунале: „почему вы не опубликовали февральскую резолюцию о запрещении террора?"—мы слышали целый ряд последовательных об'яснений. Сначала Гоц сказал, что помешали конспиративные соображения. Когда же никаких конспиративных соображений он привести не мог, Гоц сделал второе об'яснение—нельзя было опубликовать многих подробностей.

Когда и это об'яснение оказалось негодным, он привел третье: террористические настроения были массовым явлением, и отгородиться от них бумажкой было невозможно. А через день Тимофеев говорил совсем другое: все разговоры о террористических настроениях ни на чем не основаны.

Так в самом важном вопросе своей тактики ЦК отмолчался, как будто набрал воды в рот. Между тем, по их же словам, все зло террора шло от одного Семенова. Таким образом, никакой террористической волны, от которой нужно было бы строить целую плотину,—не было. Было не больше, как горлышко бутылки, которую легко было заткнуть пробкой. И если это не было сделано, то только потому, что хотели в полной мере использовать боевиков до террора и эксов включительно, при условии отсутствия официальной связи с партией.

Эсеры стремились быть пролетарской рабочей партией. Отсюда их желание найти для совершения террористического акта „химически чистого пролетария", в котором не было бы ни капли буржуйности. Это было для них нужно, чтобы произвести наибольший фурор. Но вот эсеровская беда—химически чистый пролетарий совершенно не годится для эсеровского террора. Оказалось, что нельзя рабочему поручать убить вождя рабочих, ибо не поднимается на такое убийство рабочая рука. На этом факте ярче всего, из-под эсеровской шелухи, выдвигается гранитная основа пролетарской революции.

В суде было установлено, как Семенов обошел Савинкова. Эсеры били себя кулаком в грудь и выражали негодование по поводу нарушения Семеновым честного слова и т. д. Но их нисколько не возмущает, что полковник Махин, вступивший в Красную армию, совершил такое предательство, после которого пролились целые фонтаны крови. Между тем, совершенно очевидно, что военный человек не должен пренебрегать своей шкурой, ибо она является казенным имуществом. И если Семенов принял защитный цвет, то это такая же военная хитрость, как окраска танков в защитный цвет.

Не мешает напомнить один случай из истории ПСР, когда ЦК в 1907 г. поручил Рутенбергу изобразить из себя провокатора, вкрасться в доверие охранки и убить Гапона. Ведь не напрасно Савинков, бывший эсер, говорит, что революционер должен уметь лгать. Но сделавши Рутенбергу такое поручение, ЦК ПСР от

него отрекся. И в „Былом“ был напечатан протест Рутенберга, который обвинял ЦК в том, что он отрекся от убийства Гапона, совершенного членом партии по ее прямому распоряжению.

Правое крыло ПСР играло роль политической косметики для самых черносотенных течений. Реакционная мораль подкрашивала себя красками, взятыми с эсеровской палитры. И это очень нравилось эсерам. Но когда косметика для реакции оказывалась ненужной, она смывала с себя эсеровские краски и выбрасывала самих эсеров. Так было решительно везде, где эсеры вступали с реакцией в коалицию.

Расцветом коалиционной политики эсеров были времена Керенского. Тогда эсеры думали, что они ведут за собой всю коалицию, хотя на самом деле буржуазия вела их за собой. Третий с'езд ПСР дал директиву ЦК направлять и контролировать деятельность временного правительства. Но очень скоро IV с'езд в своей резолюции установил, что ЦК не только не руководил деятельностью правительства, но не был даже в ней осведомлен. Политика правительства не соответствовала партийной программе и воле партии и дискредитировала партийные лозунги. Сам ЦК это отлично знал и еще более ярко, чем с'езд, обрисовал положение в своем циркуляре. Так оправдывается положение, что каждая партия только пожинает плоды своей тактики.

Партия эсеров—партия половинчатая. Давно известно, что для таких именно партий уготовано царствие небесное в виде Двухсполовинного Интернационала. Но эсеры даже среди половинчатых партий—партия самая половинчатая и они не нашли себе места и в половинчатом Интернационале.

Известное письмо ЦК ПСР, в котором он осуждает тактику Второго Интернационала, ставит ему в вину поддержку войны, раскол в пролетарских рядах, версальский, сен-жерменский и прочие договоры, заключенные в результате империалистической войны. Поэтому они заявляют, что им не по дороге со вторым Интернационалом и сообщают о выходе из него. Второй Интернационал, по заявлению эсеровского ЦК, умер морально во время войны. Таким образом, тот самый Вандервельде, который являлся их защищать и говорил о миллионах рабочих, которых он представляет,—не больше как Чичиков с его мертвыми душами. Так следует из заявления с.-р. ЦК.

Но выйдя из Второго Интернационала, эсеры не могут войти в Двухсполовинный. По заявлению „Социалистического Вестника“ меньшевиков, эсеры находятся во враждебных отношениях к деятельности венского Интернационала и высказались против берлинского совещания. Они организовали попытку созыва в Париже членов Учредительного Собрания, которую, по словам той же меньшевистской газеты, за границей все поняли, как новую попытку коалиции с монархическими течениями.

Эс-эры систематически проводили коалицию—„действительный союз всей реакции против пролетарских сил“. Хотя Евгения Ратнер здесь заявляла, что по постановлению ЦК каждый эсер, входивший в «Союз Возрождения», должен был считать себя выбывшим из ПСР, но мы отлично знаем, что Бунаков, входивший в этот союз считает себя попрежнему эсером и до сих пор из партии не вышел.

Но эсеры принимали участие не только в „Союзе Возрождения“, они тянулись к каждой черносотенно-монархической организации.

Даже такой махровый черносотенец, как генерал Краснов, не вызывал у них брезгливости. Мы знаем документ, в котором член самарского правительства Веденяпин в телеграмме французскому министру Пишону, перечисляя те силы, на которые могут рассчитывать союзники, с прискорбием писал, что Краснов „все еще держится германской ориентации“, но, по всей вероятности, изменит ее с изменением положения на фронте. Даже в красновский колодезь эсеры не хотели плюнуть, рассчитывая, что и он может пригодиться.

Но, фактически об'единяясь с буржуазными элементами, эсеры немедленно отрекаются от связи с ними, когда это находят более выгодным. Когда юнкерское

восстание, поднятое эсерами, было бито, Авксентьев и Гоц заявили в печати, что ни одного документа из тех, которые были опубликованы в целях руководства восстанием, они не подписывали.

Эпоха защиты Учредительного Собрания выдвинула своеобразную эсеровскую теорию, по которой члены Учредительного Собрания не имеют права защищать его сами. Это продукт особенной формы социально-политического мышления, свойственного только эсерам. Некоторые подобия в истории мы находим только на примере римских сенаторов, которые остались сидеть неподвижно на своих креслах в сенате, когда в Капитолий ворвались галлы.

По этой теории не могла быть властью ни фракция партии с.-р. Учредительного Собрания, ни даже совещание фракций. Настоящим рыцарем и хранителем Учредительного Собрания имела право быть только партия с.-р. Но этот рыцарь не смог защитить учредилки ни в первый ее разгон, ни во второй, когда учредилка в Екатеринбурге должна была разойтись по „приказу" начальницы женской гимназии.

Когда накануне 5 января в рядах партии с.-р. вспыхивала решимость выступить на защиту Учредительного Собрания, Гоц немедленно постарался потушить эту решимость. Ненависти и желания выступить против большевиков было сколько угодно. Но в данном случае оправдывалась поговорка, что „бодливой корове бог рог не даст". Семенов предлагал ЦК маленькие рожки, но ЦК искал большие рога и впоследствии нашел их у Антанты и ее наемников—чехо-словаков. Свои русские доморощенные рога эсеры думали найти также у крестьянства.

Эсеры всегда выдавали себя за крестьянскую партию, но они не были такой партией. Тимофеев признался, что эсеры не сумели организовать крестьянства, когда, по их же словам, вся Россия была против большевиков. Какая же это крестьянская партия?

Силы крестьянства могли быть использованы в трех направлениях. И во всех этих направлениях силу крестьянства использовали большевики.

При свете крестьянских восстаний большевики разогнали Учредительное Собрание, из крестьянской массы пролетариат создал свою армию, которая разбила всех врагов Республики, и даже на экономическом фронте крестьянство полностью было использовано большевиками. Здесь наша партия действовала самым рискованным образом, прибегая не только к убеждению, но и к принуждению, ибо иначе нельзя было создать экономическую базу для революции. Но как только оказалось возможным, экономическая политика была изменена.

Вот почему в Самаре, где у с.-р. были и деньги и силы, рабочие и крестьяне, которые, по словам с.-р., так не любили большевиков, будучи организованы в Красную армию, разбили тех крестьян и рабочих, которые очень любили, якобы, эсеров... В об'яснение этого факта обвиняемые говорили, что у них было много черносотенцев. Но большевики этих черносотенцев не боялись, против них действовали органы ЧК, а у эсеров полковники Галкины стояли во главе армии.

Связь с Антантой была организована эсерами во имя патриотизма. Было сказано много хороших слов: Брестский мир, немецкая опасность, предательство большевиков, организация западного фронта и проч. Эсеры звали против немцев, против внешнего врага. Но к их ужасу никакой ненависти к немцам в массах не было. Активные силы шли за большевиками, а пассивные—хотели, чтобы эсеры оставили их в покое, и разбегались из народной армии.

Мы думали, что эсеры получали много денег от Антанты, и получали прямо. На суде мы убедились, что они получали мало, и притом косвенно через „Союз Возрождения". Но гордиться здесь эсерам нечем. Не получали только потому, что Антанта не давала, ибо не за что было давать, а если давала, то мало, в роде как на чаек.

Это не мешало эсерам служить Антанте со всем благородством на челе и полной уверенностью, что эта служба против немцев. Что Антанта такая же империалистская сила, как и немцы, их очень мало трогало.

Готовность эсеров служить вызвала у Антанты естественное желание их использовать и, в первую очередь, в целях провокаторских. Из провокации ничего не вышло, но зато Антанте вполне удалось окончательно толкнуть эсеров на вооруженную борьбу с Советской властью. Приемы Антанты очень хорошо характеризует история ее отношений с Савинковым. Ему было сказано: мы вам платим деньги, но где же ваши люди и силы? Чтобы показать себя, Савинков вызвал тогда ярославскую бойню.

Здесь Тимофеев, эсеровский министр иностранных дел без портфеля, рассказывал, как охотно эсеры шли на взрыв мира с Германией. Эсерам не было никакого дела до того, что немцы тогда обладали полнотой сил и могли задавить совершенно русскую революцию. По счастью, планы эсеров не удались, и наша дипломатия с честью вышла из этого испытания, предотвратив вмешательство. Брестский мир спас российскую революцию и подготовил германскую.

Непосредственные сношения с союзниками об'ясняют непонятную, на первый взгляд, эсеровскую теорию, по которой Учредительное Собрание не могло выступать на защиту собственной власти. Оказывается, они боялись, чтобы настоящая власть т.-е. власть советов, не посадила в тюрьму этой призрачной власти. Но договор об интервенции французы хотели заключить только с настоящей властью. И вот здесь была создана новая, столь же хитроумная теория. Договор было решено заключить не с властью, а с Россией. Совещание фракций Учредительного Собрания, которое не могло представлять из себя власть, на этот случай было признано в праве представлять всю Россию и заключить нужный договор.

Несмотря на все усердие эсеров, Антанта их услугами пренебрегала и предпочитала иметь дело непосредственно с Колчаком и ему подобными. В письме к министру иностранных дел с портфелем Веденяпину Пишон писал, что Антанта не считает себя в праве делать выбор между русскими политическими партиями, разумея здесь, конечно, только монархистов, кадетов, и эсеров, ибо выбор в отношении большевиков был ею уже сделан. Дальше Пишон писал, что он вступит с самарским правительством в сношения только тогда, если оно докажет, что у него в руках находится власть. Но высшим выражением взаимоотношений Антанты и эсеров является известное постановление архангельского правительства относительно интервенции, оно ярко выражает все подобострастие, бессилие и страх эсеров перед Антантой. Ясно видя, что Антанта не хочет их признать, эсеры хотели, чтобы хотя приказы Антанты издавались через них.

Другая сила, которой пользовались эсеры в борьбе с Советской властью,—черносотенное и получерносотенное офицерство. Здесь, на суде, подсудимые цекисты говорили, что они отправляли на восточный фронт офицеров с высоким чином, но с малым политическим багажем. Когда их спрашивали, почему,—они отвечали, что им нужны не социалисты, а специалисты. Какие получились от этого результаты —всем известно.

Ошибочно уверение, что армию можно рассматривать как внеклассовый аппарат. Армия может состоять из представителей разных классов, но она—классовый аппарат. Когда классовая власть черпает людской состав для армии из другого класса, то она подвергает этот состав соответствующей обработке в специальной лаборатории—в казарме. Так обрабатывало армию царское правительство. Проводниками воли правящего класса в ряды армии являются офицерские кадры. Они были наиболее пропитаны этой волею. Поэтому генералы и офицеры, в течение многих лет служившие проводниками в армию воли буржуазии, являлись наиболее реакционной силой. Опыт и у нас и за границей вполне подтверждает правильность этого положения.

Офицерскими кадрами, как специалистами, пользоваться можно, но только в том случае, если пользующаяся ими революционная власть обладает твердостью и силой. Мы тоже пользовались старыми царскими офицерами, как специалистами. Но мы взяли их в крепкие железные руки. Мы направляли работу кадровых офицеров. Мы их использовали, но не они нас. Они нас не использовали ни в какой

мере. Рыхлая, кислая партия эсеров не смогла этого сделать. Не они использовала кадровое офицерство, не она направляла его работу, а наоборот: попавшее к эсерам кадровое офицерство преследовало свои реакционные цели и в этих целях использовало партию эсеров. Оно желало восстановить старый режим в армии, а в связи с этим и старый режим в обществе и государстве. К этому оно стремилось и для достижения этой цели пользовалось партией эсеров. Не партия эсеров держала в руках кадровое офицерство, а Колчаки, Чаплины и Галкины взяли в железные руки партию эсеров.

Это доказывается всем ходом событий. На севере офицерство, то самое офицерство, которое переправляли туда Гоц и Тимофеев, быстро стало на сторону Антанты. Когда эсеры убедились в действительной своей роли, они сбежали из Архангельска. Заварили кашу, а расхлебывать ее не хотели.

Еще более ярко проявила бессилие партия эсеров в Самаре. Самарская эпопея—сплошная иллюстрация полного бессилия комитета членов Учредительного Собрания. Политическая власть осуществлялась в Самаре не учредиловцами, а царскими генералам Галкиным и другими.

Эсеры утверждали, что у большевиков нет силы, на которую они могли бы опереться. Все были против них, все их ненавидели: и рабочие, и крестьяне, и интеллигенция, и даже красноармейцы. С одной стороны 400 тысяч коммунистов, большинство которых эсеры характеризуют, как проходимцев, а с другой стороны, полтораста миллионов населения России.

Как же это случилось,—спрашивает тов. Луначарский,—что эти 400 тысяч проходимцев, против которых стояла вся Россия, с влиятельной и сильной партией эсеров во главе, сумели выйти победителями из борьбы и укрепить свою власть? Как это случилось, что те самые красноармейцы, которые, будто бы, ненавидели коммунистов, дрались, как львы, с теми самыми крестьянскими и рабочими дружинами, которые стояли на стороне эсеров?

Как случилось такое чудо? Может быть, коммунисты—дьяволы, обладающие сверх-естественной силой, или же они гении?

У эсеров было все. У них были запасы хлеба, боевые снаряды, помощь союзников, преданная им народная армия, чехословаки и т. п. Вообще, прекрасная база. И вдруг эта прекрасная база растаяла, как воск, под натиском тех самых красноармейцев, которые, по уверению эсеров, ненавидели коммунистов. Как случилось такое чудо?

Очень просто. Коммунисты—сильная классовая партия с единой революционной волей, сумевшая сорганизовать вокруг себя народные массы. А эсеры—рыхлая интелигентская партия, не способная ни к какой органической работе, не имевшая под собой никакой реальной почвы.

До какой степени докатилась эта рыхлая, безвольная и дезорганизованная партия эсеров, показывает суд над Зензиновым и Авксентьевым в период колчаковщины. Зензинов и Авксентьев обвинялись в том, что будучи серами и находясь в то же время у власти, они осмелились сноситься со своим партийным Центральным Комитетом.

Как же держали себя Зензинов и Авксентьев? Они оправдывались. Они отрицали свое подчинение ЦК партии. Они утверждали, что они не признали циркуляра ЦК, подчинение которому ставилось им в вину. И не только не признали этого циркуляра, но и назначили особую комиссию для расследования и выяснения поведения ЦК. Иными словами, отдали под суд свой ЦК за революционные действия.

Зензинов и Авксентьев оправдывались, что они, как члены правительства, сносились с различными организациями, сносились со всем миром: сносились иногда, так, между прочим, и со своим ЦК. Большой вины в этом Зензинов и Авксентьев не видят. Еще более характерен случай с английским генералом Ноксом, который предложил эсерам расстрелять Виктора Чернова на всякий случай за циркуляр ЦК.

Эсеры не возмутились этим предложением. А когда генерал Болдырев спросил в Вологде Зензинова и Авксентьева, как они отнесутся к аресту ЦК, они ответили, что в этом должна разобраться судебная власть.

— Можно ли расстреливать тех, кто на фронте будет распространять воззвание Ц. К.?—спросил генерал Авксентьева.

— Да,—ответил Авксентьев.

А вот еще случай. Какой-то черносотенный полк арестовал всех членов Учредительного Собрания и повез их неизвестно куда Как в сказке говорится: «несет меня лиса, за темны леса»...

Пришлось обратиться к защите чехо-словаков, которые освободили членов Учред. Собрания от черносотенного полка и повезли их под своей охраной форсированным маршем.

Оживляя этот случай, Святицкий замечает:

«От кого бежали члены Учред. Собрания? От своих солдат. Под чьей охраной? Под охраной чужеземцев. Куда и зачем? Будущее было темно и неизвестно».

Это такой разгон Учред. Собрания, перед которым разгон учредиловки Советской властью меркнет.

Несмотря на такое надругательство, эсеры и после этого продолжали заискивать перед офицерщиной. Они пытались вступить в контракт с Деникиным. Но Деникин, по образному выражению, ткнул их солдатским сапогом. Одновременно от эсеров отвернулись и союзники. Из Парижа они получили более мягкий и деликатный пинок лакированным ботинком министра Пишона.

После этого начинается период раскаяния. Кающиеся эсеры удивлялись, как это случилось, что черносотенцы могли безболезнено взять у них власть. Между тем, ничего удивительного в этом нет. Хорошо еще, что все это случилось на небольшой территории. Плохо было бы если бы во власть эсеров попала вся Россия и они потом где-нибудь в Ницце каялись бы и сожалели, что власть на всей Россией безболезненно попала из их рук в руки черносотенцев.

Коммунисты сломили не только эсеров, но сломили и взявшую безболезненно из рук эсеров власть реакцию. Казалось бы что эсеры должны были этому радоваться. Революция в конце-концов победила и смела реакцию. Казалось бы, чего лучше? Но эсеры отнеслись к победе революции иначе. Тот самый Зензинов, над которым больше всего издевался Колчак, сказал: если бы Колчак выполнил свое обещание—свалил-бы большевиков, то я бы все ему простил.

Гоц утверждал на суде, что Ц. К. высказался за признание Советской власти иностранными капиталистическими государствами и в этом смысле дал будто бы директиву своей заграничной делегации. Но приложенные к делу документы свидетельствуют, что заграничные эсеры добивались как раз обратного. Чернов в статье, напечатанной в «Воле России», писал, что если бы у власти в заграничных государствах оказались социалисты из 2-го Интернационала, то они не признали бы, конечно, власти Советов, а оказали бы вооруженную помощь борющемуся с коммунистами населению России. С одной стороны, следовательно, агитация за признание России, а с другой—стремление к интервенции. В этом отношении Авксентьев шел еще дальше Чернова.

Что же делал Ц. К.? Исключил ли он Авксентьева-Чернова и других заграничных эсеров из партии? Подсудимые-цекисты уверяют, что постановление об исключении состоялось, но оно пролежало полтора года под спудом в недрах ГПУ. Но вот оно, наконец, было вынуто из-под спуда и опубликовано в заграничных газетах. Что же получилось? Заграничная делегация напечатала извинительное заявление, и фактически Авксентьев и Бунаков остались в партии.

Партия эсеров до сих пор не отмежевалась от своих союзников справа, несмотря на постановление 9-го совета партии. На бумаге она как будто бы отмежевалась, но фактически связующее звено в лице Чернова осталось. Когда здесь, на суде, подсудимым-цекистам было категорически предложено отречься от этого

звена, отмежеваться от Виктора Чернова, этого рокового для партии косоглазого человека, цекисты ответили: за Виктора Чернова мы несем ответственность, отмежеваться от него мы не можем.

В дальнейшей части своей речи тов. Луначарский характезирует роль партии эсеров в Кронштадтском восстании и работу заграничной эсеровской делегации. Цитируя выдержки из стенограмм и приложенных к делу документов, тов. Луначарский устанавливает связь эсеров в период Кронштадтского мятежа с буржуазными и даже черносотенными элементами.

Роль эсеров в Кронштадтском мятеже и все заявления на суде устанавливают, что партия эсеров и до сих пор не вступила на путь примирения с Советской властью. Она продолжает вести с ней борьбу. Не политика примирения, а политика борьбы всеми средствами—таков лозунг подсудимых.

Такова сущность политики эсеров. Они не стремятся к свержению Советской власти в данный момент. Они всеми мерами вредят и будут вредить нам в восстановлении нашего хозяйства. Мы не можем позволить им исскусственно вызывать различные болезненные явления на молодом советском организме.

Но этого мало. Как ни разложена партия эсеров, но все же вредить нам она может и будет. Эсеры, несомненно, используют все средства, чтобы так или иначе получить власть в свои руки. Они будут пользоваться для этого и нашим международным положением и внутренними неурядицами.Они будут мутить и возбуждать против нас все недовольные элементы. А такие элементы всегда найдутся. Эсеры всеми силами будут стараться повернуть колесо истории. А раз они его повернут, то оно рано или поздно докатится до реакции. Иной партия эсеров не может быть, как партией мелко-буржуазной, враждебной пролетариату, как крыловская змея, которая «сколько не меняет кожи, но жало у нее то же», ядовитое.

Партия эсеров заслужила смерть, она должна умереть. Нужно падающего толкнуть и ускорить смерть партии, чтобы разлагающееся тело не заражало политической атмосферы. Мы обязаны обезвредить партию эсеров и с фронта, и с тыла и с флангов. Революционный Трибунал обязан выполнить свой революционный долг перед пролетариатом.

РЕЧЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ ТОВ. ПОКРОВСКОГО.

— По официальной точке зрения,—партия с.-р. в Октябрьские дни была партией выражавшей волю и мнение масс. Конечно, не тех масс, которые шли за большевиками, но все-таки это была массовая партия.

Но в рядах самих же эсеров были другие взгляды. Свидетель Краковецкий на вопрос тов Бухарина, чем он об'ясняет презрительное отношение эсеров к пролетариату, ответил, что ПСР всегда была слишком оторвана от рабочих масс и была скорее партией интеллигентской. Я полагаю, что взгляд Краковецкого является единственно правильным.

„*Партия масс*"

Это всего рельефнее выразилось на земельной политике ПСР именно в доктябрьский период. В Черновской газете „Дело Народа" в сентябре была напечатана статья, в которой говорится, что помещики толкают власть на признание старых юридических норм, что земельные комитеты преследуются. Эти факты, говорит газета, поднимая авторитет комитетов, роняют престиж правительства, и население приходит к мысли, что от моральной поддержки земельных комитетов нужно перейти к действиям. Народные массы уже в сентябре собирались наступать на есеровское правительство.

В самом конце своей власти, перед Октябрем, правительство Керенского должно было выработать некоторые земельные проекты. Суть проектов заключается в том, чтобы до решения Учредительного Собрания организовать временный арендный фонд для удовлетворения малоземельных крестьян.

Очевидно, предполагалось почему-то, что Учредительное Собрание могло не в интерес крестьян разрешить земельный вопрос.

По этому проекту в арендный фонд поступали земли, которые крестьянство непрерывно в течение 5 лет обрабатывало собственным трудом, земли брошенные, добровольно переданные и проч. От помещичьих имений в арендный фонд можно было отрезать только самые ничтожные части, по удовлетворении личных нужд владельца, его семьи и его рабочих, при крайней земельной нужде крестьян и без нарушения значительного ущерба хозяйства имения.

Эсеры очень не любят напоминаний об этом законопроекте, а больше ссылаются на закон Учредительного Собрания, забывая, что этот последний был издан уже после декрета Советской власти о земле.

Ясно, что при таком земельном законе трудно говорить, чтобы народные массы стояли за власть временного правительства и поддерживали ПСР.

Это эсеры прекрасно понимали и потому накануне Октябрьских дней искали поддержки не в массах, а на фронте, среди отсталых воинских частей, которые оказали им такую большую помощь в июльские дни.

Но фронт также успел измениться, и войска не шли на призывы эсеров.

Даже в самом Петрограде Донские казаки по призыву Керенского целую ночь садились на коней, да так и не сели. Казаки Краснова, правда пошли с фронта на Петроград, но и те дошли только до Пулкова.

Волей-неволей эсерам пришлось связаться с буржуазными юнкерскими училищами и передать руководство своими частями не старому каторжанину Краковецкому, а сомнительному с эсеровской точки же зрения Полковникову, который имел связи с казаками.

Я не согласен с тов. Луначарским, который говорил, что эсеры не выступили 5 января по политической трусости. Я полагаю, что они учли после Октября свои силы и не решились выступить, потому что этих сил не было.

После крушения попытки 5 января для политической партии, которая мыслит себя, хотя бы в дальнейшем, как партию массовую, путь был один—заняться пропагандой в массах и подготовкой своих сил. Легальные возможности для этого были полные. Эсеры имели фракцию в ВЦИК, имели в своем распоряжении органы печати. Эсеры предпочли другое—вступить с большевиками в вооруженную борьбу, в которой они могли опереться только на самую безудержную реакцию.

Союз эсеров с реакцией.

Связь ПСР с «Союзом Возрождения» и является выражением союза в самой подлинной реакции. Здесь эсеры сблизились с буржуазией и с толстосумами, которые только что были экспроприированы Октябрьской революцией. Дальнейшие сношения с союзниками были только фиговым листком, который прикрывал союз с русской буржуазией. Гоц здесь говорил, что «Союз Возрождений» был для эсеров тем резервуаром, из которого они черпали силы и средства на предполагавшийся новый антигерманский фронт. Игнатьев окончательно раскрыл скобки и об'яснил, что «Союз Возрождения» для того и был создан, чтобы из него черпать и людей и средства. Ни денег, ни людей у эсеров не было, и для начала были необходимы в первую очередь деньги. Чтобы союзники дали эти деньги нужно было создать широкое об'единение с силами «демократии» в лице кадетов. Так создался блок эсеров с самой определенной капиталистической реакцией.

Средства полученные от союзников были ничтожны и союзники были только фиговым листком. Когда эсеры говорили, что они боролись с германским империализмом под одним знаменем с Антантой, это было более красивое знамя, чем знамя союза с Рябушинским и доморощенной буржуазией.

Началась организация антигерманского фронта.

Легко себе представить улыбки французских и английских генштабистов при разговорах о таком фронте по Волге, лицом к Москве, где на 2.000 верст вперед нет ни одного немца. Это был рассказ для детей, и немудрено, что Антанта, кото-

рая посылала свои войска на Мурман, в Архангельск и Одессу, ни одного солдата не послала на Волгу и все дело ограничилось одними анекдотическими разговорами о посылке горной батареи из Сиама.

Но фронт по Волге был очень не плох стратегически против большевиков. Он опирался на силы Уральского казачества и на добровольческую армию Алексеева, по фронту нехватало очень малого—солдат.

Казалось бы, при сочувствии масс, нет ничего легче, как организовать фронт. Эсеры заблаговременно посылали из Петрограда в Самару преданные им воинские части, массами перебрасывали туда офицеров. Таким образом, кадры были готовы.

Но и здесь ничего не получалось. Известный эсер Климушкин писал, что самарское правительство явилось не стихийно, а в результате долгой предварительной подготовки. Он рассказывает, как вместе с другими эсерами приехал в Самару после разгрома Учредилки, и они занялись работой по подготовке свержения Советской власти. Начались пропаганда и агитация, которые доказали, что эсеровских сил среди рабочих не найти. Тогда эсеры, пишет Климушкин, обратил внимание на солдатскую, главным образом на, офицерскую массу.

Но даже офицеры не верили в успех борьбы с большевиками. И эсеры, по словам Климушкина, обратились к работе в деревне; причем и здесь убедились, что у них ничего не выйдет, и что нужен «толчок извне». Тут как раз подоспело наступление чехов, спровоцированное эсерами при помощи французов.

Самарский рай.

Несмотря на „общее ликование" после переворота, рабочие Самары всетаки не шли к эсерам. Ясно, что все эсеровские разговоры о том, что они избрали Самару в результате нароставшего там широкого народного движения, ни на чем не основаны.

При помощи чехо-словаков возникла власть Комитета Членов Учредительного Собрания, или Комуча.

Среди кого Комуч искал себе поддержку?

Через несколько дней после переворота состоялось совещание заводчиков и промышленников, представителей торговопромышленной палаты и биржевого комитета и банков, которое обсуждало вопрос о том, как организовать финансовую помощь новому правительству. Был намечен ряд мер и состоялось избрание финансового комитета из 8 лиц, среди которых 5 являлись представителями самой чистой буржуазии. Комитет был создан как совещательное учреждение, но это об'ясняется только тем, что буржуазия была осторожна и не хотела публично принимать на себя обязательств.

Через два дня после этого финансового совещания на заседаний Комуча было предложено члену правительства, Вольскому, созвать собрание представителей рабочих и предпринимателей по вопросу о восстановлении прав частных владельцев. Это, конечно, случайное хронологическое совпадение, но оно дьявольски было выгодно тем, кто обещал свою финансовую помощь эсерам.

Но фабриканта от помещика не отделить. И тут для эсеров начались новые затруднения. У эсеров были надежды стать массовой крестьянской партией и потому выдавать крестьянам на волю помещиков для них было особенно тяжко.

В средине июня был опубликован декрет Комуча о предоставлении озимых посевов 1918 г. нетрудовым посевщикам. Это была самая подлинная эсеровская драма.

И Гендельман и Раков здесь старались доказать, что речь идет не о помещиках. Но мы имеем еще один юридический акт, который говорит о праве крестьян занимать пустующие земли за плату. Кому же именно, как не помещику, должна поступать эта плата. В Стерлитамаке, по сообщению уфимской эсеровской газеты, крестьяне должны были возвратить помещикам почти все, что у них раньше было взято. Сама эсеровская газета озаглавила это сообщение «Стерлитамакские ужасы»

Так крестьяне вслед за рабочими были головой выданы помещикам.

За помещиками в эсеровское царство вошло и духовенство. Уфимская газета «Народное Дело» сообщала о собрании приходских советов, которые, как оказывается, вошли в политическую жизнь и провели в городскую думу 30 гласных, и дали в городской думе Уфы городского голову и двух членов управы. Пройдя в думу, представители приходских советов стали обсуждать вопрос, с кем об'единиться. С меньшевиками и эсерами оказалось нельзя, потому что у них в программе нет Бога, кадеты были бы хороши, но они стали метаться из стороны в сторону, и православные христиане об'единились с мусульманами.

Так все реакционные классы и силы постепенно об'единились под флагом Комуча.

В одном из заседаний Комуча обсуждался вопрос о денежной помощи по ходатайству митрополита и епископа беженцам из духовенства. Но дело здесь не в простой благотворительности, а в том, что в царстве Комуча православие было признано господствующей религией. Директория, в том числе Авксентьев и Зензинов, подписала текст клятвенного обещания, которое должны были приносить граждане на верность директории. Начинается оно клятвой божьим именем и оканчивается словами: «осеняю себя крестным знаменем».

Особенно пикантно здесь то, что на территории Комуча значительная часть населения по религии не принадлежала к христианам. Тем не менее, все население должно было осенять себя крестным знаменем, ибо ПСР не могла за овладеть властью без помощи буржуазии, а последняя потянула за собой помещиков и духовенство.

Правительство Комуча было правительством буржуазным с налетом реакции и царем в перспективе. Монарха не было только потому, что его негде было взять. Фактически была произведена полная реставрация всего старого. Колчак пришел слишком скоро и прикрыл своим адмиральским плащем все, проделанное эсерами.

Власть, которая опиралась на капиталистов, помещиков и попов, могла быть только враждебной народным массам. Миражи и иллюзии должны были скоро рассеяться. Реакция была так груба и нахальна, а настроение масс так обострено, что сознание вернулось к массам с быстротой изумительной. Меньшевистская газета в Казани, которая травила большевиков, уже через несколько дней после свержения Советской власти, писала, что в рабочих массах наступила растерянность, что рабочие беспокоятся, сохранятся ли организации рабочего класса. „Профсоюзы — писала газета, — были сильны, пока их поддерживала власть, а сами по себе они были ничто“. Таким образом, меньшевики признавали, что только при Советской власти профсоюзы пользовались поддержкой власти.

Через неделю та же газета уже сообщала о начавшемся походе предпринимателей, которые стали рассчитывать рабочих, выбрасывать состоящих в союзах и тех, кто требует страхования и больничных касс.

Через день та же газета писала, что «в рабочих кварталах настроение подавленное». Ловля большевистских комиссаров продолжается, но от этого страдают не большевики, а только сознательные рабочие. Шпионаж и предательство распустились пышным цветом. Рабочих тревожит судьба арестованных, так как всем известно, что произведены расстрелы по суду и без суда. Есть еще отвратительное явление—погромная агитация. От погромных взглядов не свободны и отдельные представители власти».

Рабочие решили воспользоваться свободами, которые об'явил Комуч, и устроили конференцию. Конференция постановила затребовать от уполномоченных Комуча Фортунатова и Лебедева об'яснений относительно ареста членов конференции. На это был получен ответ, что власть Всероссийского Учредительного собрания не даст об'яснений отдельным группам граждан. Так в Казани, где только что была диктатура пролетариата, рабочие превратились при Комуче в частную группу населения.

Правительство Комуча было правительством буржуазной реакции, и, как таковое, правительством буржуазной диктатуры. Эта диктатура смела все демократические права, возвещенные Комучем вначале.

Обвиняемые с гордостью говорили, что на территории Комуча существовала свобода печати.

С большим трудом удалось от них добиться, что коммунистических газет там не издавалось. Но этого мало. В заседании Комуча 23-го августа было решено поставить но повестку предложение Климушкина о мерах административного воздействия на печать. Ведомством охраны государственного порядка юстиции и военкому было предложено обратить внимание на специальный надзор за печатью.

Сами эсеры отлично понимали обстановку и роль Учредительного собрания.

Аргунов, например, на челябинском совещании говорил: «мы как члены Учредит. собрания, знаем цену этому Учред. Собранию. Осколок Учред. собрания не есть само Учред. собрание. Мы создали власть помимо него и оно будет играть только роль ширмы дл. партии».

Положением довольны были только союзники. На заседании Комуча 28-го июня была заслушана благодарность Комучу от Нуланса „за ту громадную работу, которую Комуч проделал в интересах общесоюзнического дела“.

Архангельск—копия Самары.

— Архангельская эпопея,—подлинная копия Самары.

И здесь эсеры работают в дружном союзе с торгово-промышленниками, которые в первые же дни образования Северного правительства преподнесли ему «дар» в $1^1/_2$ миллиона рублей. Лихач, скромничая, называет это „займом“. Но дело не в словах, а в сути. А суть та, что вскоре же в Северном правительстве был поставлен и обсуждался вопрос о восстановлении прав владельцев. А через четыре дня после переворота Лихач уже указывал на аресты рабочих, разгон их организаций, профсоюзов и т. д. Купцы действовали слишком поспешно и слишком круто.

На одном из заседаний Лихач горделиво заявил, что на севере расстрелов почти не было. Об'ясняется это, во-первых тем, что у Северного правительства вооруженных сил почти не было и к тому же его за правительство никто, в том числе и союзники, не считал; и во-вторых расстрелы производились союзниками, а Северное правительство санкционировало их в своих приказах. Таков был «договор».

И действительно,—англичане ни одного человека помимо Северного правительства не повесили.

Крах всех эсеровских правительств *об'ясняется отсутствием у них крепкой* социальной базы.

Эсеры напоминают тех ребят, головорезов, которые в старое время, в дни кулачных боев, начинали драку, потом, в разгар боя; вмешивались взрослые, а ребята уходили „на спокой“.

Так и с эсерами. Они шли впереди, затевали и организовывали восстания, становились у власти, но скоро их оттесняла буржуазия, и прогоняла.

Ничему не научились.

Казалось бы, опыт должен был отучить эсеров вступать вперед в открытую борьбу с Советской властью.

ВЦИК своим постановлением пошел навстречу эсерам в этом отношении.

После февральской конференции ПСР в 1918 г. ВЦИК постановил предоставить временную легализацию некоторым эсеровским группам. Эта конференция решительно высказалась против попыток свержения Советской власти путем вооруженной борьбы. Но уже в апреле в своем письме ЦК пишет о «возможном временном приостановлении борьбы с оружием в руках в виду отсутствия сил».

— И в другой раз, на 9-м совете, было принято постановление, в котором говорится, что партия не может выступить с оружием в руках, как из-за отстутствия сил, так и вследствие внешнего натиска на большевиков. Это совсем не отказ от вооруженной борьбы.

Решительно эсеры никогда добровольно ни разу не отказались от вооруженной борьбы с Советской властью. Здесь же, в Трибунале, они заявляли, что и впредь не отказываются от вооруженной борьбы.

Следовательно, и в 1920 г. борьба эсеров с Советской властью продолжалась, но она приняла лишь более отвратительные формы. Партия эсеров превратилась в змею, жалящую в пяту. Раньше она нам наносила удары в голову. Но эти удары были отбиты. Теперь она стала наносить нам более мелкие удары исподтишка—жалить в пяту.

Ставка на голод.

В 1921 г. наша пята показалась эсерам Ахиллесовой. Советскую Россию постигло большое бедствие—голод. Партия эсеров решила отыграться на голоде. Достаточно проследить эсеровскую литературу, чтобы убедиться, как относилась партия к голоду в России. Особенно много отвратительного писалось о голоде в эсеровском журнальчике „За народ". Прежде всего, эсеры, конечно, уверяли, что в постигшем Россию голоде виноваты большевики. В этом отношении характерно напечатанное в первом номере журнала воззвание партии. Это воззвание—сплошной обвинительный акт против большевиков. Большевики обвиняются во всех семи смертных грехах. Но чем же кончается это воззвание? Казалось бы вполне естественным призывом: „Долой большевиков", так как воззвание уверяет, что большевики не только виноваты в голоде, но они не могут и не хотят бороться с голодом. Однако, воззвание оканчивается не только этим призывом, а дружным совсем невинным: „Все на борьбу с голодом". Под воззванием подпись; «Москва, центральное бюро партии».

Следующая статья написана Владимиром Лебедевым. Автор то же во всем обвиняет большевиков. «Кто гнал—взывает он,—русских крестьян в Финляндию, в Эстонию, в Латвию, в Грузию, в Персию, в Индию...». (В зале смех). Даже в Индию!—повторяет т. Покровский.—Владимир Лебедев уверяет дальше, что при большевиках никакая помощь голодающим невозможна со стороны Европы и Америки. Лебедев сидел за границей, и поэтому он писал смелее и откровеннее. Это не центральное бюро, сидящее в России.

Дальше идет статья Зензинова, в которой уже прямо говорится, что если в России не будет большевистского правительства, если там будет власть демократическая (мы знаем, какая это демократическая власть), то тогда Европа и Америка, наверно, ей помогут. Это уже прямо указания на необходимость свержения большевистской власти. Статья подписана Зензиновым, т. е. челевеком, находящимся еще дальше от пределов Советской России.

Но самым характерным является второй номер журнала «За народ». Весь он целиком посвящен самой беззастенчивой пропаганде экономического вмешательства Европы в русские дела при помощи комиссии знаменитого Нуланса. В передовой статье этого номера говорится, что большевики, отказавшись пустить комиссию Нуланса, этим самым осудили Россию на голодную смерть. Все в этом номере вертится вокруг этого мотива.

Ясно, что эсеры и в области борьбы с голодом являются верными слугами той же самой социальной силы, которой они служили и в предыдущее время. Они являются верными слугами той же самой буржуазии не только иностранной, но и русской, так как тесная связь комиссии Нуланса с находящимися за границей торгово-промышленными кругами ни для кого не секрет.

И в этом случае эсеры играют роль тех же самых ребят, которых буржуазия бросает вперед, когда нужно делать самое грязное дело. Но когда это грязное дело сделано, она их выгоняет.

В этом же самом номере напечатан рецепт бывш. полковника Махина, как нужно взрывать изнутри Красную армию.

Нет ничего мудреного, что этим же духом проникнуты постановления 10-го с'езда партии, который собрался осенью 1921 г. Чрезвычайно характерно в этом

отношении вступительное извещение о 10-м совете партии. Оно начинается так: «Страшное время переживает Россия. Голод и мор охватили ее. Разрушена промышленность, разорено сельское хозяйство, замирает транспорт, нет топлива, останавливается добыча нефти, угля и металлических руд. Города перестают работать и умирают. Опустели поля больше чем одной трети России».

Заканчивается это извещение так: «Сила и бодрость вливаются в нашу партию. Чувствуется, как возросла и окрепла партия, как уверенно идет она по своему пути, как твердо она борется за народные права, за землю и волю против большевиков и против реакционеров. И голос ее раздается в об'ятой голодом и мором закабаленной комиссарами и чекистами стране».

Это обращение вкратце можно резюмировать так: «слава Богу, голод, наконец, пришел, партия может, наконец, вздохнуть свободно, может иметь некоторые надежды».

Иными словами, в России люди стали умирать с голоду и на этом партия эсеров может зашибить себе кое-какую деньгу.

Плач о помещике.

10-й совет партии вообще отличается откровенностью. Характерна и резолюция совета о задачах и методе работы партии в деревне. Резолюция начинается заявлением, что революция самым фактом своего пришествия ликвидировала частное помещичье землевладение. Это говорится, конечно, не об Октябрьской революции, которую эсеры не признают. Это конечно, говорится о февральской революции.

Дальше резолюция скорбит, что, благодаря большевикам, в России исчез помещик и эсерам не от кого больше освобождать крестьян. Исчез непосредственный классовый противник крестьян. Не с кем стало бороться. Это самое большое злодеяние большевиков, вырвавшее изпод ног эсеров почву, на которой они стоят.

Партия буржуазной реакции.

— Я не буду приводить дальнейших документов, касающихся X совета партии.—Они достаточно характерны. Закончу той же самой тезой, которой я начал. Партия, именующая себя партией социалистов, партия, именующая себя партией революционеров, эта партия не отвечает ни тому, ни другому названию. Что в ней нет социализма, это вынуждены были признать и сами обвиняемые. В течение судебного следствия они не раз заявляли: «да, мы вели не социалистическую политику, потому что считали ее нецелесообразной».

Если партия, называющая себя социалистической и завладевшая властью, начинает с того, что восстанавливает буржуазную политику, упраздненную предшествующим режимом, то трудно сказать, какм образом, она может оправдать свое название социалистической партии.

С тех пор, как партия эсеров связала себя с гнуснейшей буржуазной реакцией и во имя этой буржуазной реакции отменяла и подавляла даже буржуазные свободы, там, где они были, и где сама партия вводила их в первые минуты своей власти, с этих пор партия потеряла всякое право на название революционной партии.

Итак, партия эсеров не социалистическая и не революционная партия. Это определенная партия буржуазной реакции. Она отличается от настоящей буржуазной партии только тем, что она не есть подлинный отпрыск капиталистического класса, плоть от плоти, кость от кости.

Партия эсеров характерна еще и тем, что она не признанный самой буржуазией вождь буржуазии. Она является лишь своеобразным кондотьером, своеобразной наемной шпагой буржуазии, которая предается буржуазией каждый раз, когда ей нужно бросить эту шпагу в какое-нибудь грязное и нарочито опасное дело. Как только дело становится чистым с буржуазной точки зрения, как только опасность, по мнению буржуазии, прошла, так этого кондотьера рассчитывают. Иногда этому

кондотьеру дают подачки, а иногда вежливо прогоняют и без подачки. Ему просто говорят: ты нам не нужен, ступай прогуляйся до следующего случая. Когда ты снова нам понадобишься, мы тебя позовем.

Вот до какого положения дошла партия эсеров

За все 20 лет своего существования эта партия никогда не была социалистической, а революционной она была только до 1917 года.

— Заканчивая свою речь,—я в качестве марксиста обращаюсь к Верховному Трибуналу с просьбой сказать, что сидящие перед нами на скамье подсудимых люди не есть какая-нибудь революционно-социалистическая партия, а обычная буржуазно-реакционная партия. Я на этом настаиваю, потому что сейчас ведется кампания по всему земному шару, что мы здесь судим социалистов.

Мы должны сказать этим людям прямо и категорически, сказать этим господам: что здесь на скамье подсудимых нет социалистов. Есть буржуазные заговорщики, и к ним нужно применить то право, которое для такой породы существует в Советской республике.

РЕЧЬ тов. БУХАРИНА.

— Подсудимые первой группы,—начинает т. Бухарин,—рисуют партию эсеров самой миролюбивой, самой идиллической партией. Что было? Да ничего особенного. Усов ходил в кинематографы, Ефимов и Коноплева совершали сведебную увеселительную прогулку, Иванова сидела дома и ничего не делала, ЦК никому ничего не поручал, а Евгения Ратнер договорилась даже до того, что никакой разницы между социалистами-революционерами и большевиками не было, так только—были кое-какие небольшие разногласия. Точно так, как когда-то Плеханов охарактеризовал программу анархистов. Вся же программа заключалась в двух параграфах: 1) ничего не было, 2) никому не поручалось выполнять предыдущий параграф. Вот какая мирная и идиллическая партия эсеров в обрисовке ее вождей.

— Мне,—продолжает тов. Бухарин, —приходится в первую очередь остановиться на вопросе, который с точки зрения обвиняемых второй группы является центральным вопросом, на том вопросе, на котором здесь неоднократно останавливались, и который называется вопросом о предательстве.

Прежде, чем перейти к логическому анализу этого вопроса, необходимо договориться о критерии, отправном пункте, от которого мы должны вести логическое рассуждение при обсуждении этого вопроса. Я выдвигаю таким критерием—критерий социализма и с этой точки зрения и попытаюсь проанализировать ту позицию, которую заняла партия эсеров, чтобы показать, кто в действительности, какая из этих двух групп заслуживает названия предателей.

В первую очередь коснусь вопроса об Интернационале.

Всем известно, что партия, которая называет себя партией социалистов-революционеров, критиковала все социал-демократические партии вплоть до самых левых, до самых революционных. Это неоспоримый факт.

Еще ярче выразилось отношение партии социалистов-революционеров ко 2-му Интернационалу в начале империалистической войны. Тогда партией эсеров, в лице ее официальных органов и в лице ее наиболее ответственных вождей, было признано банкротство 2-го Интернационала со всеми вытекающими отсюда логическими последствиями. Это тоже непреложный исторический факт.

Евгения Ратнер кстати вспомнила здесь о циммервальдской и кинтальской конференциях, на которых был сам Виктор Чернов. На циммервальдской и кинтальской конференциях были приняты два основных пункта: 1) неголосование за военные кредиты и 2) невхождение в буржуазные министерства.

Присутствовавшие на циммервальдской и кинтальской конференциях представители эсеровской партии присоединились к этим резолюциям. Следовательно, если партийная организация, называющая себя социалистической и заявившая на

циммервальдской конференции, что она не будет входить в буржуазное правительство и не будет голосовать за военные кредиты, в период империалистической войны,—если такая партийная организация потом это сделает, то она будет предательницей социализма.

— Теперь позвольте вам заметить, гражданка Ратнер,—продолжает тов. Бухарин,—ваша партия всего-на-всего через несколько месяцев после циммервальдской конференции самым постыдным образом предала оба эти пункта Ваша партия вошла в коалиционное министерство при первом подвернувшемся случае. Ваша партия вошла в министерство империалистическое, характер которого не может быть оспариваем решительно никем. Этим вы предали один пункт резолюции.

Если вы мне скажете, что вы не делали формального заявления, формального голосования по поводу военных кредитов, то я вам приведу компенсирующий момент—июньское наступление, на которое вас заставил пойти кнут мистера Бьюкенена. Если при этом вашей злой воли не было, а вы просто оказались в дураках, то имейте мужество это открыто признать.

— Вы видите, товарищи судьи, что предательство партии социалистов-революционеров налицо.

— Я говорил уже, что партией социалистов революционеров было признано банкротство и предательство 2-го Интернационала. Теперь гражданин Тимофеев в одной из своих последних речей говорит нам: обстоятельства изменились, 2-й Интернационал не мертв, он воскрес, оказался способным продолжать борьбу, оказался величиной, которую нельзя игнорировать, мы с ним сейчас идем. Тимофеев заявил, что 2- Интернационал есть вполне добропорядочное учреждение.

— Если вы,—продолжает т. Бухарин, обращаясь к подсудимым цекистам,—в начале империалистической войны или, по крайней мере, во время циммервальдской или кинтальской конференции оценивали 2-й Интернационал, как организацию предательскую или вроде этого, то скажите мне, какие новые факты имеете вы для того, чтобы оправдать вашу теперешнюю позицию? Изменилась ли позиция 2-го Интернационала по отношению к империалистической войне, по отношению к голосованию за военные кредиты, по отношению к защите отечества, по отношению к вхождению в буржуазные министерства. Я утверждаю, что ни на иоту не изменилась. За это время 2-й Интернационал накопил на своей совести целые Гималаи жесточайших преступлений против рабочего класса. Может быть, вы видите исправление позиции 2-го Интернационала в том, что его представитель гражданин Вандервельде подписал подлейший в истории Версальский договор, при виде которого можно сгореть со стыда. Или вы, может быть, видите изменившуюся позицию 2-го Интернационала в том, что один из выдающихся его представителей Альберт Тома состоит секретарем Отдела Труда Лиги Наций—этой самой подлой организации империализма. Или, может быть, вы видите это изменение позиции 2-го Интернационала в том, что совсем на днях самая крупная партия, входящая в его состав—английская рабочая партия—осудила ирландских революционеров за то, что они убили английского палача, адмирала Вильсона. Или, может быть, вы видите особую доблесть 2-го Интернационала в том, что правит. германской социал-демократии, одно из крупнейших организаций 2-го Интернационала, убило Розу Люксембург?

Нет! Доказать, что имеется какая нибудь сдвижка в позиции 2-го Интернационала, вам не удастся. Никакой сдвижки не произошло. А то, что случилось в действительной жизни, есть еще более подлое, более грязное и в тысячу раз более преступное поведение 2-го Интернационала, чем то, которое эта предательская организация занимала в начале войны.

Всем известно, что капиталистический порядок в Западной Европе держится исключительно потому, что этот капиталистический порядок вещей поддерживается 2-м Интернационалом и амстердамским об'единением профсоюзов. В данный момент буржуазная клика опасна не тем, что она существует. Она опасна постольку, поскольку империализм через некоторый передаточный механизм имеет смычку с массой.

Этим звеном, этой смычкой между буржуазно-империалистической и финансово—капиталистической кликой Западной Европы и Америки с массами, служат как раз организации 2-го Интернационала. Если революционный пролетариат не вышибет этой смычки, то он не сможет поразить капиталистов. Этим и объясняется та бешеная борьба, которая ведется авангардными партиями пролетариата против так называемых соглашательских партий.

И если так оценивать положение вещей, то партия эсеров, поддерживающая 2-й Интернационал, предает рабочий класс трижды и четырежды, точно так же, как предают его и все те партии, которые входят в об'единение 2-го Интернационала, служащее лучшей подпоркой буржуазному режиму.

Возьмем теперь позицию партии социалистов—революционеров в области внутренней.

В период 1-го с'езда партия эсеров считала возможным шаги к социализму в России. А теперь, через 18 лет она отступает от социализма, считая осуществление его в России невозможным. Для обоснования своей позиции Евгения Ратнер сослалась даже на Маркса. Разве можно строить социализм, говорила она, после войны, на основе небывалого разрушения производительных сил, на основе голода. Это не марксизм, а неомарксизм, неосоциализм.

—Все, что угодно—говорит тов. Бухарин,—но это не точка зрения Маркса. В доказательство приведу только одну цитату и процитирую его передовую статью от 2 февраля 1854 года в „Нью-Йоркской Трибуне". Там сказано: „Мы не должны забывать, что в Европе существует еще 6-я держава, которая в определенный момент утвердит свое господство над всеми 5-ю так-называемыми великими державами, и заставит их дрожать. Эта держава—Революция. После того, как она долгое время была скрыта в прошлом, теперь она снова развивается на почве кризиса и голода, и нужен только момент, чтобы она выступила с мечем в руках. Искрой для этого будет грядущая европейская война».

Вот как смотрел Маркс в 1854 году. Маркс видел и прозревал события так, как они в действительности развивались. Кризис, войну и голод он считал исходным пунктом для социальной революции. Я утверждаю, что все рассуждения гр. Ратнер, которая нас, якобы с марксистской точки зрения, изволила поучать, ровно ничего не стоят.

Гражданка Ратнер, в числе других своих остроумных формулировок, между прочим, бросила и такую: «Вы судите нас за то, что мы—представители научного социализма, за то—что мы стоим на классовой точке зрения». Гражданка Ратнер совершенно правильно уверяла, что классовая точка зрения для социализма обязательна. Но несколько дней назад та же самая гражданка Ратнер говорила совершенно другое. Она говорила, что партия социалистов-революционеров совершенно определенно, твердо и сознательно отказалась от своей социалистической классовой позиции. Ратнер выражается мягко: „отказалась". А мне, который отнюдь не стеснен рамками дисциплины эсеров, да позволено будет сказать проще: предала свои социалистические классовые традиции.

Коснусь теперь внутренних соотношений в нашей стране.

В качестве интродукции остановлюсь на той же самой речи Евгении Ратнер, которую я уже цитировал. Ратнер, с некоторым душевным под'емом, описывала нам генерала Краснова, эту красочную фигуру русской контр-революции. Вот что говорила Евгения Моисеевна Ратнер: «Но я утверждаю, что такого террора, направленного против пролетариата и главным образом, против крестьянства, который был создан Красновым в Ростове и прилегающих окрестностях, мир еще не видел. Юзовская городская дума, которая сплошь состояла из эсеров и рабочих, была, по распоряжению Краснова, взята на штык, и он распорядился повесить всех на телеграфных проволоках. Неделю они висели для поучения окружающих. Деревни Краснов разрушал беспощадно. За убийство какого-то офицера, отправившегося в деревню за фуражем, который обошелся не так, как нужно с девушкой, Краснов повесил крестьян через десятого, и т. д.».

Обращаю ваше внимание на первую фразу: Краснов практиковал террор, какого еще не видел мир. Это заявила нам гражданка Ратнер. А теперь я попрошу вас, товарищи судьи, вспомнить, что это фигура того самого генерала Краснова, с которым Гоц вел свои войска для разгрома революционных рабочих Петрограда. Это тот самый Краснов, с которым Гоц вел переговоры о подавлении Октябрьской революции. Гражданин Гоц наступал с красновскими войсками на самые крупные и передовые революционные силы, которые были на территории прежней Российской Империи. Яркая картина, которая вполне характеризует партию социалистов-революционеров.

Эту картину следовало бы увековечить и повесить над входом в храм, посвященный памяти партии социалистов-революционеров.

Но блок с красочной фигурой генерала Краснова не единственный. Имеются еще и другие блоки. Гоц участвовал в Союзе Возрождения с кадетом Набоковым, а к.-д. Набоков входил в блок с национальным центром, в который входили самые гнусные черносотенные организации. Все это ничего. Раз они сочли нужным блокироваться с тем самым генералом, который потом оказался самым крупным вешателем, то все остальное уже пустяки, детские игрушки. Так было везде. В Архангельске мы имеем Старцева, входившего в эсеровское правительство, в Уфе — директорию, дававшую поручения Савинкову. Ту же самую позицию эсеров мы видим, когда они поддерживали Деникина, Маймаевского, Бредова и др. Куда бы мы ни взглянули; на любое правительство, на любую контр-революционную организацию, на любую контр-революционную силу,—везде мы находим партию социалистов-революционеров. Эта партия идет со всякой силой, если только острие этой силы направлено против Советской власти.

А вот и еще одна красочная организация в Москве, во главе с доктором Павловым, которая об'единяет церковные приходы—верных сынов российской православной церкви. Это тоже эсеровская организация.

Перейдем теперь к области «внешней политики партии эсеров», а по нашему к—шпионажу.

Здесь мы видим связь партии с Дюма, с Эрлишем, с французским взрывателем Анри, который давал эсеровской организации деньги и взрывчатые вещества.

Но самой замечательной страницей во всей этой эпопее является попытка создания, как заявил Гоц, импровизированных государств.

В то время, когда мы здесь проводили громадную социалистическую революцию, и исторического смысла которой нельзя отрицать никому, как бы ее не оценивать,—в это время Гоц бьет себя в грудь и говорит: «они скоты, они хотят на спине русского народа производить эксперименты». Так говорил Гоц. А эсеры в это же время создавали „импровизированное государство". Вот это действительно, настоящее преступление.

Тов. Бухарин переходит к характеристике, отношения подсудимых к деятельности административного центра. Когда посудимым предложили здесь или признать деятельность административного центра, или отречься от него, подсудимый Гоц заявил, что они не могут отрекаться под угрозой. А подсудимый Гендельмам выразил сомнение в правильности документов и сослался на кельнский процесс коммунистов. Но ведь, там коммунисты прямо и категорически заявили, что приложенные к делу лондонские документы подложны. Они не делали уклончивых и двусмысленных заявлений. То же должны были сделать и подсудимые в настоящем процессе. Здесь возможны три случая:

Если документы подложные, то подсудимые должны были прямо и категорически заявить об этом и доказать подложность документов.

Если документы правильные, то подсудимые должны были или честно признать эти документы, или открыто заявить, что они не имеют ничего общего с теми лицами, которые фигурируют в документах, и что, следовательно эти лица должны рассматриваться как провокаторы.

Если часть документов правильна, а другая подложная, то подсудимые должны были заявить, что они признают или отрекаются от правильных документов, и доказать, что другая часть документов действительно подложная.

Но подсудимые не сделали ни того, ни другого, ни третьего. Они не признали документов, но и не откреклись от них. Признать эти документы они боятся, а отречься от них не могут, так как и до сих пор они имеют связь с административным центром. Вполне установлено, что находящееся сейчас в Москве центральное бюро партии эсеров имеет сношения с административным центром и получает оттуда деньги. Вот почему они не могут отречься от этих документов. Если бы они пожелали это сделать, то им пришлось бы отречься и от тех, извините за выражение, поганок, которые остались еще здесь, в Москве. Им пришлось бы отречься от остатков собственной партии.

Я должен сказать,—продолжает т. Бухарин,—что, с точки зрения тех критериев, которые имели исходным пунктом циммервальдскую и кинтальскую конференции, и в области международного рабочего движения, и внутренней и так называемой, внешней политики, ПСР оказалась на положении организации, которая во всех этих областях систематически предавала интересы рабочего класса и интересы социализма. И если в этой партии находится определенное количество людей, которые по своему социальному составу почувствовали это систематическое предательство и в дальнейшем своем развитии предали предателей,—они сделали полезное дело.

Если определенная группа лиц, вышедшая из эсеровской партии, предательство раскрыла, распубликовала, пригвоздила к позорному столбу своих руководителей, то это есть их историческая заслуга, а с точки зрения моральной реабилитации думайте об этом, что хотите. Нам интересно только то, что полезно и правильно с точки зрения международной революции и революционного рабочего класса.

Из той позиции,—продолжает тов. Бухарин,—которая была установлена ПСР и которая привела к определенным практическим деяниям, вытекали определенные методы этих деяний.

Здесь гражданка Ратнер сказала нам: «Мы не такая партия, как большевики; у нас каждый может говорить и делать как он хочет». Это положение Ратнер защищала как добродетель своей партии.

Внутри партии эсеров была масса различных оттенков. Но посреди, как некоторый регулирующий принцип, как некоторое абстрактное божество, которое тем не менее было воплощено в конкретных лицах, сидела некая, сравнительно очень узкая клика, которая дирижировала всеми. Так как никто формально ни за что не отвечал, то можно было лавировать как угодно. Нужно было получить деньги у буржуазных толстосумов—выдвигался Авксентьев или Бунаков, нужно было убить Ленина—выдвигался Усов и т. д. Надо было поцеловать крест, нашелся Зензинов.

Эсеровская демократия на самом деле была самой узкой и самой циничной олигархией, ибо, если бы все рабочие группы и все члены партии знали хоть миллионную долю того, что делал ЦК, партия никогда бы этих людей не имела.

Из этой самой позиции вытекал еще и другой метод—метод фиговых листков. С самого Октябрьского переворота,—говорит т. Бухарин,—вы действовали под псевдонимом «Комитета Спасения», затем «Союза Возрождения», затем Комитета Учредительного собрания, Комуча, раздробляли Учредительное собрание таким образом, что каждые два эсера, которые два дня провели в учредиловке, организовывали там и здесь власть и считали себя государственной властью, за которую партия не ответственна. Партия их науськивала, а потом говорила, что она за это не ответственна, ибо это сделало государственное учреждение.

Совершенно естественно, что в последнее время, когда самая возможность выступать под псевдонимами на территории Советской России исчезла, вам нужно было создать псевдонимы за границей, и вы их создали. У вас остались там замечательная парижская учредилка и затем административный центр.

Откуда эти методы, это поведение, это систематическое предательство и проч. Чтобы об'яснить это, я должен поставить вопрос о социальной природе партии эсеров.

При беглом анализе верхушки ПСР поражает один замечательный факт: ни в одной псевдо-революционной или революционной группировке вы среди руководителей командного состава не найдете столько миллионеров, сколько в командном составе ПСР. Здесь был Вандервельде, который является миллионером, и от имени своих миллионов, а не миллионов рабочих говорил на суде. Что касается ПСР, то Гоц—торгово-промышленная фирма, Бунаков—торговля бриллиантами, Рабинович—меховая фирма, Зензинов—владелец больших чайных плантаций и проч. Кадровый состав высших руководителей ПСР—это выходцы не просто из семейств демократического разночинного интеллигентства, а выходцы из семейств крупного капитала.

Эти люди, как представители определенной буржуазной верхушки, были заинтересованы в борьбе с царизмом в свое время. Совсем не случайным является и другой факт, что подавляющее большинство этой верхушки идет на блок с кадетами и имеет влечение найти себе тихую политическую или бурную политическую пристань вкупе и влюбе с Милюковым.

В лице ПСР и ее руководящих верхов мы имеем в зачаточном состоянии такую же приблизительно партию, какая появилась в Франции под именем партии радикалов-социалистов. Вывеска была чрезвычайно приличная, но тем не менее из них вылупилась самая настоящая буржуазная империалистическая партия.

То обстоятельство, что в партии СР были рабочие и крестьяне, ровно ничего не доказывает, так как в определенный исторический период торгово-промышленная буржуазия и иные буржуазные группировки ищут смычки с массами. В момент борьбы с царизмом такие группировки стремились использовать, с одной стороны, интеллигентские разночинские круги, а с другой—опереться на крестьянство, а отчасти даже на рабочий класс. В результате и сконструировалась совершенно разнородная по социальному составу группировка, имя которой есть партия СР.

Все это совершенно совпадает с той характеристикой, которую дал в других политических терминах защитник этой группы подсудимых гр. Вандервельде, когда он сравнивал их с жирондистами, ибо жирондисты именно и были крупной буржуазной группировкой, а отнюдь не мелко-буржуазно-крестьянской. Наши русские жирондисты, имея такого рода социальный базис, должны были обнаружить себя в пролетарской революции так, как они себя обнаружили.

Переходя к общей оценке событий, тов. Бухарин отмечает, что Тимофеев выставил против коммунистов, как главное обвинение, что коммунисты первые начали гражданскую войну.

В связи с этим заявлением тов. Бухарин напоминает одно место из речи Гоца, который заявил буквально следующее: «Если вы уступили буржуазии, против вас будут некоторые массовые движения; массы будут толкаться к вам в дверь, и если затем эта дверь сорвется с петель, т.-е. произойдет новая социально-политическая катаклизма, то будет виновато то правительство, которое довело граждан до того, что они сорвали дверь с петель».

— Если сказать,— говорит тов. Бухарин,—что положение Гоца правильно, то Гоц должен был применить его и к временному правительству, которое ничего не делало для рабочих и крестьян, а потому дверь была сорвана массой и полетела.

Нас обвиняют в том, что мы первые начали гражданскую войну. Помните ли вы,—спрашивает тов. Бухарин,—как мы вступили в революцию? У вас был аппарат государственной власти, у вас была армия, у вас была полиция, была большая партия, а мы были, по вашему выражению, кучка германских шпионов. Если посмотреть на дело с точки зрения, которая вам свойственна, с точки зрения свободной конкуренции, свободной игры борющихся за организацию масс факторов, то все преимущества в этой борьбе имели вы. И тем не менее вы были биты. Если мы потом организовали государственную власть, ненавистную вам чрезвычайку,

то все это потом, а раньше этого не было. Вот насчет...
ответ! В том первозданном хаосе, который был в начале револю...
преимущества и все-таки были биты.

В том громадном катаклизме, который произошел, имеет право на историческое существование только та сила, которая в данную историческую фазу может организовать страну, может ею править. Ни Николай II, ни вы, ни буржуазия не могли править, а мы правим страной. При данном соотношении сил правит может только пролетариат и только через нас.

— Вы здесь заявляли,—продолжает тов. Бухарин,—что германская революция произошла вопреки Октябрьской революции. Позвольте мне сказать, что это совершенно не согласуется с оценкой международной буржуазии, которая вся затрепетала после октябрьского переворота. Это также не согласуется с заявлением амстердамского и прочих Интернационалов, что если бы пала Советская власть, то прошла бы по всей Европе жесточайшая реакция. Даже Каутский писал в свое время, что совершилось великое: пролетарское правительство стало у власти.

И если мы теперь присутствуем при таком положении вещей, когда капитализм не может найти своего равновесия, когда никакие политические группировки и никакие экономические связи не считаются прочными, когда рабочая волна все время расходится, то вы не посмеете отрицать, что самый крупный идеологический, материальный и организационный фактор, который сейчас существует для революционизирования всего мира, всех стран, есть Советская Россия. И если тот громадный социально-революционный процесс, который сейчас происходит и катится волной по всему миру и по всем странам, будет оценен даже с ваших точек зрения, нужно будет сказать, что Октябрьская революция была первым застрельщиком в этом громаднейшем процессе, русский пролетариат—первым пролетариатом и большевистское правительство—первым виновником того громадного пожара, который, вопреки всем вашим крикам, все-таки разгорается.

Теперь, разрешите мне,—продолжает тов. Бухарин,—сказать относительно нашего будущего и относительно той позиции, которую здесь, повидимому, продолжают занимать представители ЦК ПСР.

Формулируя свою точку зрения на террористические акты в России и на ту позицию, которую партия с.-р. должна занять теперь, Гоц говорил, что сейчас речь может практически итти не о вооруженном методе борьбы, а о методах политических. Но разве вооруженная борьба не политический метод?

Предположим, что вы организуете массовое движение кулаков, а мы не желаем отпереть двери. Это будет так. И я должен вам заранее сказать, что поскольку речь идет о политике и диктатуре рабочего класса, мы от этой диктатуры отказываться не собираемся. Что же произойдет дальше? Произойдет то, о чем вы говорите: двери срываются с петель и вы возглавляете движение. А это значит, что, начав с организации движения, направленного против Советской власти, если Советская власть не уступит, партия с.-р. перейдет к более острому орудию борьбы т.-е к вооруженному выступлению.

С вашей точки зрения, вооруженная борьба оправдывается тем, что у нас нет трудвласти, а есть диктатура партии. Но ведь во всех самых старых социалистических программах конечным пунктом было завоевание власти партией. И вы сами везде, где находились у власти, везде практиковали сплошную партийную диктатуру. Разница в этом отношении между нами и вами только в том, что мы никогда не скрывали и не скрываем, что советская диктатура есть определенная форма нашей партийной диктатуры. Открыто, везде и всюду, где угодно, в печати, на митингах и собраниях, международных и национальных, мы говорим, что нелепо противопоставлять партии класс, нелепо противопоставлять государственную власть данного класса диктатуре, его авангарду, т.-е. партии. Ваше лицемерие состоит как раз в том, что вы это всегда делали, но не осмеливались в этом признаваться. Это последний штрих, который с полной ясностью вытекает из социального нутра вашей позиции.

...ние находится в кричащем противоречии с вашими целями, ..., методами, с вашей действительной реальной политикой, с вашим социально-классовым составом как чисто-буржуазной партии, которая желает в свои сети уловить определенное количество крестьян и рабочих.

Теперь несколько слов насчет нашего будущего.

Партия с.-р. устами Е. Ратнер развивала такого рода позицию, что раньше мы, коммунисты, хотели установить «царствие божие на земле», а теперь возвращаемся к свиному корыту, и являемся проводниками нэп'а.

— Но сущность нэп'а,—говорит тов. Бухарин,—вам отлично известна и заключается в свободной торговле, лозунг которой был выставлен именно вами и даже раньше, чем он мог быть проведен по условиям момента. Казалось бы, что вы только должны приветствовать эту позицию. Между тем, вы говорите, что мы предали дело социализма, когда ввели нэп.

Вы не имеете никакого права говорить о неправильности нэповской политики, потому что это есть уступка той мелко-буржуазной, а отчасти крупно-буржуазной стихии, авангардом которой в известные моменты были вы.

Вы говорите, что мы перерождимся: часть партии плюс спецы, плюс новая буржуазия и проч., и проч. Если мы уже выродились и представляем собою буржуазную группировку, то как об'яснить тот исторический ребус, что все капиталистические государства относятся к нам ершом, а с партией эсеров кокетничают во все четыре звериные глаза. Мы, буржуазная группировка, ненавидимы всей буржуазией, а вы, пролетарская группировка, получаете деньги из карманов всех капиталистических властей!

На самом деле положение такое, что наша республика в области экономики сделала целый ряд уступок, и сейчас происходит противоречивый процесс, который может иметь два исторических выхода. Для нас нисколько не опасно, что Гоц будет потрясать наши двери, ибо у него руки коротки, но сейчас опасность для республики заключается в том, что рабочий класс может оказаться в общем и целом недостаточно мощным, чтобы выделить из себя добавочно необходимый слой культурных сил. Но если мы сейчас окажемся достаточно сильными и в надлежащем темпе будем производить соответствующие кадры культурных сил пролетариата, то задача будет разрешена.

Существует взгляд, что в той обстановке, в которой сейчас находится Россия, ценна всякая человеческая интеллигентская единица. В общей формулировке это бузусловно правильно. Наличие добропорядочной, правильно функционирующей организаторской силы является основной необходимостью текущего момента. Именно с этой точки зрения и необходимо подойти к вопросу о судебном наказании.

Иллюстрируя свою мысль, тов. Бухарин для примера берет генеральскую кампанию, которая разбита Советской властью на всех фронтах, теперь разлагается и в процессе разложения переходит на сторону Советской власти.

— Как мы должны к ней относиться?—спрашивает он.—Если мы считаем, что опасность предательства минимальная, мы этих людей амнистируем и ставим на те места, где они могут быть для нас полезны. Свою оценку мы производим не с точки зрения моральной годности, а с точки зрения строительства того нового, во что мы верим и что со всей страстностью считаем необходимым делать. Вы этого не понимали и органически никогда не можете понять. Если вы оставляете у себя Краснова и ему подобных, не ведя с ними предварительно ожесточенной борьбы и не соподчинив их себе, то ясно, что они будут на вас давить. Мы же вводим их в наш аппарат после того, как мы укрепились и, принимая все меры контроля, мы их берем, ассимилируем и заставляем служить себе. Вот почему еще ни один генерал не выставил нас еще ни откуда, а вы вылетали отовсюду. Вот наш ответ относительно Слащева, Ключникова и др.

Разрешение проблемы личности мы видим не в самоцели этой личности, а в строительстве нового общественного порядка. Под этим углом зрения нужно поставить вопрос и относительно тех, кто сидит на скамьях подсудимых, которых я защищаю.

Часть буржуазной интеллигенции, даже квалифицированной, даже очень буржуазной, под влиянием общего громадного сдвига разлагается и начинает переходить в наш лагерь, но переходит не без задней мысли. Это так называемое сменовеховское течение, основная надежда которого заключается в том, что оно может нас с'есть на почве недостатка культурных сил, протекающих снизу. Вопрос исторический может быть решен и так и этак. Решим ли мы эту задачу—покажет история, но я думаю, что вопрос будет решен именно так, как мы хотим, для чего имеем кое-какие немаловажные научные основания. Этот вопрос будет решен так, как мы желаем, в процессе ассимиляции тех сил, которым некуда будет деваться и которые будут служить нам так, как служило офицерство в борьбе против иностранных государств.

Другая категория—это разночинная мелкая интеллигенция, это рабочие которые были в других партиях и которые от них отходят в процессе неизбежного разложения этих партий. Этот именно процесс и происходит среди типичной сборной партии, какой является партия эсеров.

И вот, если этот громадный процесс социального сдвига, который происходит в нашей стране и который находит свое выражение в размежевании между этими скамьями, если этот процесс учитывать и оценивать вместе с тем каждую отдельную личность, как некоторый кирпич, годный или негодный для постройки нового общества, то когда нам придется сказать что мы всю группу которую я здесь защищаю, должны оправдать.

— Я позволю себе,—говорит тов. Бухарин,—требовать оправдательного приговора, для всей второй группы еще и потому, что вы сами, члены Революционного Трибунала, заявляли, что для нас не безразлична воля организованного пролетариата. Я хотя и не формально, но имею мандат от имени рабочих организованных масс. Та самая демонстрация, которая была 20 июня, перед которой я лично выступал от имени нашей группы защитников, дала мне этот мандат. Я обращался к громадной многотысячной толпе и спрашивал у нее, правильную ли позицию занимает наша защита и можем ли мы защищать таких-то и таких-то людей. И эта громадная пролетарская масса ответила: «да, вы обязаны это делать».

— И вот,—заканчивает тов. Бухарин,—от имени этой массы рабочих, которые нашу позицию одобрили, я требую оправдательного приговора для всех моих подзащитных без всякого исключения.

РЕЧЬ ТОВ. КЛАРЫ ЦЕТКИН.

Тов. Клара Цеткин выступает от имени III Интернационала.

— Социалисты революционеры,—сами признали наше право участвовать на этом суде. Они признали за мировым пролетариатом право судить их. III Интернационал об'единяет значительное число западно-европейских рабочих и уже по одному этому имеет право послать сюда своего представителя. Но удельный вес входящего в состав III Интернационала пролетариата неизмеримо больше его численности, так как он является авангардом всего мирового пролетариата.

Политика партии эсеров все время была оппортунистической и контр-революционной. Борьба велась и ведется не партией против партии, а контр-революцией с революцией. Борятся два класса: пролетариат и буржуазия. Эсеры все время стоят на стороне буржуазии.

Дело не в средствах и не в путях, которыми пользуется та или иная партия. Поэтому мы не ставим эсерам в вину те средства, которыми они пользовались. Дело в целях, ради которых эти средства были пущены в ход. Эсеры направляли эти средства к тому, чтобы вернуть пролетариат в недра буржуазного пленения, из которого он вырвался, благодаря героической борьбе рабочих и крестьян России.

Выполняя эту задачу, партия эсеров поставила себя в положение авангарда, борющейся против пролетариата буржуазии. Партия эсеров тем более опасна, что, борясь против пролетариата вместе с буржуазией, она выдает себя за социалистическую партию.

Российский пролетариат имеет право судить своих врагов. Он купил это право дорогой ценой—ценой крови и никому не позволит вернуть себя назад—в оковы буржуазии.

Партия эсеров все время подрывала революцию, задерживала ее развитие, мешала ей. Это такое преступление, с которым не могут сравниться убийство человека, убийство десяти человек, сотни тысяч и даже миллионов людей.

Партия эсеров и полубуржуазные партии из 2-го Интернационала кричат и будут кричать, что эсеров судит суд партийный. Но эсеров судит не партия, а доверенные люди, которых прислали сюда рабочие и крестьяне России. Эсеров судит пролетарское государство, которое поддерживается рабочими и крестьянами.

Говорят, что эсеров судит суд классовый. Это верно. Но вне классового суда нет вообще. Есть два классовых суда: классовый суд буржуазии и классовый суд рабочих. Между ними огромная разница. Классовый суд буржуазии—суд меньшинства, господствующего над большинством. Классовый суд рабочих—суд большинства, освобождающегося из-под власти буржуазного меньшинства. Революционный суд—мощное орудие в руках пролетариата в его борьбе с буржуазией.

Необходимо вспомнить завет нашего великого учителя Маркса: первый долг каждого революционера уничтожение своих врагов. Это необходимо не только для сохранения уже завоеванных революцией позиций, но и для расчистки пути для дальнейшего его движения. Исполняя этот завет, Революционный Трибунал не только охраняет завоевание революции в Советской России, но и действует в интересах мировой революции. Он расчищает для нее дальнейший путь.

Маркс говорил, что Франция не может быть страной социализма, так как социализм немыслим в одной стране, окруженной буржуазными государствами. Социализм во Франции может быть не осуществлен, а только прокламирован. То же самое получилось и в России. Российские рабочие и крестьяне не осуществили пока социализм, так как социализм в одной стране, окруженной буржуазными государствами, невозможен. Он мыслим только при мировой социальной революции. Но российские рабочие и крестьяне прокламировали социализм и своей геройской борьбой с капитализмом ускорили наступление социализма. Своими героическими усилиями российский пролетариат расчистил дорогу для дальнейшего движения мировой революции. И горе тому, кто вредит работе российских коммунистов в этом направлении и задерживает развитие мировой революции.

Социалисты-революционеры видели лишь определенных лиц, в которых они пускали пули, отравленные ядом „кураре“ Но они не видели и не чувствовали, что они ранят сердце мировой революции.

Социалисты-революционеры уверяют, что они ведут борьбу против узурпаторов. Но не бывает таких узурпаторов, которые могли бы создать власть без масс. Ярким примером могут служить эсеры. Они создали свою власть без масс при помощи иностранных штыков. Но эта власть, не опиравшаяся на массы, так же быстро распалась, как и создалась. С.-р. ничто по сравнению с истинно-народным правительством, каковым является Советская власть.

Эсеры ссылаются в свое оправдание на заслуги в прошлом. Они вели борьбу с царизмом. Но они не опирались на массы. В 1905 г., когда на сцену впервые выступил пролетариат, пути эсеров разошлись с путями пролетариата. Социалисты-революционеры мужественно продолжали борьбу с царизмом. Но они не видели и не заметили другой борьбы, в которую вступил пролетариат и в которой свержение царизма—только эпизод.

Расхождение эсеров с пролетариатом началось с 1905 г., но окончательно оно обнаружилось и оформилось в 1917 г. Этот год был триумфом эс-ров, но три-

умф этот совпал с окончательным их поражением. Эсеры стали у власти, и вместо того, чтобы продолжать революцию совместно с пролетариатом, они стали на сторону буржуазии. И рабочие столкнули их, как своих врагов.

Когда эсеры стояли у власти, они в своей внешней политике вполне зависели от международной буржуазии, от Антанты, а в своей внутренней политике—от русской буржуазии. Они всеми силами и средствами правительственной власти подавляли всякое анти-буржуазное и даже анти-помещичье движение. Возьмем, хотя бы политику эсеров в деревне. Эсеры называли себя крестьянской партией. И эта „крестьянская“ партия вооруженной рукой подавляла борьбу крестьян с помещиками за землю. Но самое большое преступление партии эсеров заключается в том, что они не остановили мировой войны. Они сделали все, чтобы продолжать эту войну. И этим оказали отрицательное влияние на международный пролетариат. Всякий социал-патриот, указывая на русскую революцию, вправе был сказать: „Вот мол, смотрите, какая революция, и какие социалисты. Они всеми мерами поддерживают войну. Вот вам настоящие социалисты и настоящие революционеры“. На этой струнке играли социал-патриоты на западе, агитировавшие за продолжение мировой войны.

С.-р. трактовали февральскую революцию, как буржуазную. Но революция их переросла, стихия разбушевалась, наступил Октябрь. Российский пролетариат выкинул лозунг: „Вся власть советам“. Партия эсеров об'явила войну этому лозунгу и Советской власти. Когда с.-р. были у власти, они всеми мерами сковывали руки рабочим. А когда рабочие свергли их, они стали всеми мерами расшатывать революцию.

Партия эсеров считает, что она стремилась к осуществлению национальных интересов. Но эта же партия отдавала в жертву иностранной интервенции окраины России и облегчала вступление иноземных армий на территорию России для борьбы с Советской властью.

С.-р. всеми мерами мешали восстановлению экономической жизни России. Они все время помогали капиталистам и феодалам, которых уничтожила Советская власть. Интеллигенты из партии социалистов-революционеров отстали от неграмотных рабочих и крестьян России. Последние поняли, что можно быть или молотом и давить своего классового врага—буржуазию, или наковальней и все время находиться под ударами буржуазного молота. Другого выбора не было. Неграмотные рабочие и крестьяне России это поняли, а эсеры не поняли.

Эсеры использовали все средства для борьбы с Советской властью: и союз с иностранцами, и союз с реакцией, и террор. И все же они оказались побежденными.

Но эсеры принесли революции и некоторую выгоду, когда организовали мелкие окраинные государства. Оттуда пошел белый террор. Рабочие и крестьяне увидели, кто идет за партией эсеров. Белый террор ужаснул не только рабочих и крестьян, но и самих эсеров, которые на февральской конференции заговорили о примирении. На IX совете партии они забили отбой и пошли по старому пути.

Попытка примирения была сделана властью с.-р. в Уфе, где было заключено соглашение эсеров с коммунистами. Но ЦК исключил из партии людей, подписавших это соглашение. Те же, которые продолжали политику с реакцией и Антантой, остались в партии. Соглашение с коммунистами было отброшено, а соглашение с буржуазией осталось.

Кроме вождей, в партии эсеров были и люди дела—рабочие. Они искренне верили в правоту того дела, которому они служили. Они считали себя искренними революционерами, и ради революции рисковали своей жизнью. Они заблуждались. Но теперь они поняли свои ошибки, поняли, в какие тяжкие преступления вовлекли их вожди. Они думали, что они борятся за революцию, а оказалось, что они вели борьбу против революции.

Они начали переживать тяжелую внутреннюю трагедию. И у них невольно возник вопрос: как они могут загладить свои преступления перед революцией, чем они могут искупить эти тяжкие преступления. Ответ нашелся: разоблачить партсию

с.-р., помочь рабочим и крестьянам защититься от партии эсеров. И они вступили на этот путь и до суда, и здесь, на суде. Этим, а также своим раскаянием и своим внутренним переживанием, они искупили свою вину перед революцией. Рабочие и крестьяне, и Верховный Трибунал поймут это и отнесутся к ним с должным милосердием. Голос сознания совершенных ими преступлений не покинет их до самой смерти. И это будет для них достаточным наказанием, достаточным искуплением.

Потеряв друзей слева, с.-р. приобрели зато союзников справа. Их друзьями являются теперь буржуазная пресса и второй и двухсполовинный интернационалы. Живым свидетелем этой дружбы были появившийся здесь Вандервельде. В этом движении об'единились все, кто ненавидит революцию и боится ее.

Здесь Вандервельде и другие декламировали о ценности человеческой жизни. Но они не говорили об этом в течение мировой войны. Вместе со своей буржуазией они брели по морю пролетарской крови.

Сам Вандервельде, как министр юстиции своего короля, был главным судьей в тех процессах, в которых бельгийская буржуазия судила фламандских автономистов анархистов. До 1,500 человек было осуждено этими судами к тюремному заключению и часть к смертной казни. Ни Адлер, ни Макдональд, не подумали об организации защиты, когда происходили судебные процессы над коммунистами во многих странах. Нигде они не выступали с протестом, и только теперь нашли нужным выступить на защиту эсеров.

В Баварии, после мартовской революции, до 1,000 пролетариев были осуждены. Им не пред'являли никакого письменного обвинительного акта. Суд мог не заслушивать их об'яснений. Баварские пролетарии целиком были отданы в руки своих классовых врагов, и это в то время, когда президентом республики был социал-демократ Эберт.

В Германии в общем 6,000 пролетариев были судимы исключительными судами. В тюрьмах германского правительства они живут гораздо хуже, чем обвиняемые по настоящему процессу. Когда 125 коммунистов об'явили в тюрьме голодовку, и в рейхстаг было внесено предложение об освобождении заболевших, социал-демократическая фракция голосовала против вместе с буржуазией.

Тем не менее, у представителей 2-го и $2^1/_2$ Интернационалов хватило бесстыдства явиться сюда и говорить здесь о недостатках пролетарского суда. Обвиняемым нужно было подумать, и еще раз подумать, прежде чем звать в качестве защитников таких людей, руки которых запятнаны кровью.

Не потому Вандервельде и его друзья приехали сюда, что они хотели проявить свое человеколюбие, а только потому, что здесь готовился удар против Советской России. Но когда эти люди поняли, что большей поживы здесь не будет, они уехали, и оставили обвиняемых без своей «ценной» помощи.

Заграничная печать говорит, что преступления обвиняемых должны быть прощены за их революционное прошлое. Но для III Интернационала эти заслуги все равно, что прошлогодний снег, по сравнению с их теперешними преступлениями. Ссылаются на принадлежность обвиняемых к интеллигенции в неграмотной стране, но отравителя нельзя оправдать потому, что он умен. А обвиняемые духовно отравляли русский пролетариат и крестьянство.

Говорят, что здесь творится месть победителей над побежденными, что преступления их велики, но все они в прошлом. Но история с Черновым и с кронштадтским восстанием совсем не такое прошлое. Ясно, что эсеры таким же точно образом откликнутся и в будущем на каждое новое бедствие.

Когда в Генуе вся буржуазия мира шла сомкнутым строем против Советской России, чтобы обратить ее в свою колонию, и для отпора этому натиску возникла мысль о создании единого фронта всех интернационалов, эсеровская партия всячески мешала этому плану.

Чем труднее работа по созданию новой государственности, новой экономики и культуры, с тем большей осторожностью Советская республика должна оберегать свою работу от всяких враждебных сил.

Всемирная революция потребуют от вас еще много жертв, и все ваши силы вы должны будете напрячь, чтобы сохранить от всяких покушений передовой аванпост революции—Российскую Советскую республику.

— От имени III Интернационала,—я выражаю уверенность, что суд сумеет охранить завоевание пролетариата и найдет для этого достаточные средства.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОВЕТОВ Р. К. К. и К. ДЕПУТАТОВ.

Верховным трибуналом РСФСР вынесен приговор по делу небывалых еще в истории преступлений против революции и трудящихся со стороны партии, которая революцию и социализм написала на своем знамени. В величайшей борьбе исторических сил, где с одной стороны были капитал, привилегии, короны, церкви, все формы и способы насилия имущих над неимущими, а с другой стороны—восставшие рабочие массы России при возраставшем сочувствии трудящихся всего мира, —в этой борьбе партия социалистов-революционеров встала целиком на сторону капитала, угнетения, реакции. Свою организацию и свой авторитет, выросшие на борьбе с царизмом, она обращает целиком на борьбу с правительством рабочего класса. Заговорщические, террористические приемы борьбы она направляет против органов и вождей трудовой республики. Подпольную конспирацию боевых дружин она сочетает с тайными происками и секретными фондами миссий и посольств мирового империализма. Ее прямыми союзниками являются генералы, монархисты, бывшие царские бюрократы, помещики, капиталисты, священники, кулаки. Она открывает ворота иностранной интервенции и поддерживает стремя каждого кандидата в Наполеоны.

Всей этой работой руководит центральный комитет партии, состоящий из людей с большим политическим опытом, знающих, чего хотят, понимающих, что делают. Все затруднения и бедствия блокированной империализмом рабоче-крестьянской страны, служат центральному комитету партии эсеров для того, чтобы вызвать замешательства, восстания, покушения, кровавые конфликты, усугублять хаос, умножать раны и страдания трудящихся, и таким путем вызвать крушение советской власти, на смену которой могла-бы притти только власть торжествующей буржуазии.

Центральный комитет партии социалистов-революционеров организует попытки восстаний в армии, во флоте, в крестьянстве против власти советов, начиная с ноября 1917 года и кончая сегодняшним днем.

Всей политикой партии социалистов-революционеров вдохновленные и фактически рукой ее центрального комитета направляемые, боевики партии совершают ряд убийств и покушений на деятелей, которым рабочие и крестьяне России вверили ответственные посты в своей республике. В метаниях между активной службой буржуазной реакции и тщетными усилиями удержать остатки доверия рабочих масс, партия социалистов-революционеров пропитывается двойственностью, лживостью, лицемерием: фактически подталкивает к убийствам и организует их, официально отказываясь от них; поддерживает, питает, организует каждое движение против советского строя, из каких бы черносотенных источников оно ни исходило, не беря на себя открыто ответственности. Если восстание терпит крах в самом начале, социалисты-революционеры пытаются сохранить видимость нейтралитета; если же движение разрастается,—как в Тамбовской губернии, в Кронштадте (1921 г.), и

обещает видимость успеха, партия эсеров пытается возглавить его. В то же время наиболее реакционная империалистическая печать всего мира, как и печать развращенной, жестоко скомпрометированной, борющейся отчаянными средствами за сохранение своего влияния социал-демократии, пытается, главным образом, той систематической кампанией лжи и клеветы, которую партия социалистов-революционеров ведет изо дня в день в заграничных изданиях, содержимых на средства иностранной буржуазии.

В полном соответствии с сущностью партии социалистов-революционеров и ее деятельностью, судебный процесс немедленно же превратился в новый поход поддержанного социал-демократией империализма против советской республики и ее друзей во всем мире. Во имя «права», «человечности», «милосердия», буржуазия Черчилей, Пуансов, Джиолитти и лакеи этой буржуазии хотят отстоять для своих агентов и союзников право организовывать мятежи, убивать вождей советской республики, взрывать мосты и склады, вносить отраву и разложение в красную армию и красный флот, и выполнять работу военного шпионажа по заданиям штабов империализма.

Злостно закрывая глаза на непрекращающуюся подпольно-заговорщическую борьбу партии социалистов-революционеров против советской республики, и на прямые в этом смысле заявления самих подсудимых, и их руководящей партийной печати за границей, политики, и журналисты буржуазной реакции, и социал-демократии изображают процесс социалистов-революционеров, как расправу за давно содеянные преступления, потерявшие политическое значение, т. е. как акт бесцельной государственной мести.

Верховный трибунал в ясном сознании своего долга по охране ставшей государством революции от ее врагов, после двухмесячного рассмотрения дела на глазах всего человечества, своим приговором показал, что дело идет не о ликвидации старых исторических счетов, а о борьбе с ожесточенным врагом, который, несмотря на ничтожество своего политического влияния внутри страны, может и в дальнейшем представить крупную опасность, как орудие в руках еще могущественного мирового империализма.

Во время самого процесса империалистская буржуазия обнаружила свое могущество и в том, что, несмотря на повседневный рост коммунистического движения, сумела, через посредство услужающей социал-демократии, внушить нужную ей оценку социалистов-революционеров и их роли, известным, достаточно значительным, слоям самого рабочего класса. Те же самые элементы рабочего класса, которые поддерживают Шейдеманов, Гендерсонов, Ренođелей, Гомперсов, и тем самым являются важнейшим устоем капиталистического рабства, выступили на защиту обвиняемых социалистов-революционеров.

Признавая, с одной стороны, в полной мере правильность и революционную целесообразность приговора верховного трибунала, принимая, с другой стороны, во внимание наличность этих отсталых, запуганных буржуазией, и обманутых социал-демократией слоев мирового рабочего класса, и ставя себе в данном случае задачей дать трудящимся наглядный урок революционного действия.

Президиум Всероссийского центрального исполнительного комитета постановляет:

1. Приговор верховного трибунала в отношении к подсудимым: Гоцу, Донскому, Герштейну, Гендельман-Грабовскому, Лихачу, Н. Иванову, Е. Ратнер-Элькинд, Тимофееву, Морозову, Агапову, Альтовскому и Е. Ивановой-Ирановой, приговоренным к высшей мере наказания, утвердить, но исполнением приостановить.

Если партия социалистов-революционеров фактически и на деле прекратит подпольно-заговорщическую, террористическую, военно-шпионскую, повстанческую работу против власти рабочих и крестьян, она тем самым освободит от высшей меры наказания тех своих руководящих членов, которые в прошлом этой работой руководили и на самом процессе оставили за собой право ее продолжать.

Наоборот: применение партией социалистов-революционеров методов вооруженной борьбы против рабоче-крестьянской власти неизбежно поведет к расстрелу осужденных вдохновителей и организаторов контр-революционного террора и мятежа.

Как приговоренные к высшей мере наказания, так и присужденные к долгосрочному заключению остаются в строгом заключении.

2. В отношении: Семенова, Коноплевой, Ефимова, Усова, Зубкова, Федерова-Козлова, Пелевина, Ставской, Дашевского и Игнатьева ходатайство верховного трибунала о полном освобождении их от наказания удовлетворить.

Председатель ВЦИК *М. Калинин.*

Секретарь ВЦИК *А. Енукидзе.*

К ПРОЛЕТАРИЯМ ВСЕХ СТРАН.

Справедливый приговор революционного трибунала Советской России над вождями эс-эров.

Рабочие и работницы!

Революционный Трибунал вынес приговор по делу вождей контрреволюционной партии, именующей себя партией социалистов-революционеров, приговор, которого ожидал всякий сознательный революционный рабочий мира, следивший за ходом процесса, следивший за картиной преступлений, совершенных этой партией. Он признал вождей эс-эров виновными в заговоре против первой республики рабочих и крестьян, он признал их виновными в том, что в союзе с капиталистическими державами Запада они организовали гражданскую войну. Он признал их виновными в том, что они подстрекали к убийству вождей рабочего правительства, срывая при этом трусливо свое преступление. За эти совершенные в интересах мировой контр-революции дела Революционный Трибунал вынес смертный приговор всем тем, чья вина была доказана, и кто не отказывался и впредь от вооруженной борьбы против Советского правительства. Всероссийский центральный исполнительный комитет советов рабочих крестьянских и красноармейских депутатов приговор утвердил, но приказал исполнение его приостановить. Если партия социалистов-революционеров, вполне разоблаченная процессом, прекратит подготовление к гражданской войне, прекратит призывы к вооруженному восстанию, прекратит белый террор, шпионскую работу, разорвет позорную связь с капиталистическими державами, то ни один волос не упадет с головы ее вождей, заключенных в тюрьму; если же она возобновит гражданскую войну, возьмется снова за оружие, то тем самым она подпишет смертный приговор осужденным.

Рабочие и работницы всех стран!

Коммунистический интернационал принимал деятельное участие в этом процессе, ибо все, что касается жизни и смерти Советской Рос. Республики, касается вас, пролетариев всех стран, и касается Коммунистического Интернационала, международной организации революционных пролетариев всех стран. От вашего имени выступали на этом процессе представители Коминтерна Цеткин, Бокани и Муна в качестве обвинителей. При окончательном решении вопроса Исполком Комин-

терна высказал свое мнение Центральному Комитету Российской коммунистической партии, руководящей Советской Республикой. Это мнение мы доводим до сведения всего международного пролетариата.

Мы солидаризуемся с приговором революционного Трибунала. В процессе, тянущемся *два* месяца, в процессе в котором обвиняемым было предоставлено больше возможности защиты, чем ее предоставляет революционным рабочим какой бы то ни было суд европейских стран, так называемых демократических стран, *преступления эс-эров были вскрыты до конца.* За подобные преступления против пролетариата революционная совесть не может допустить другого приговора, кроме приговора к смерти. *Но революционная власть далека от буржуазного обожания буквы закона. Она не знает политики мести,* которую по отношению к революционным рабочим бесжалостно проводят в жизнь буржуазные государства. Революционное рабочее правительство должно руководиться революционной целесообразностью, и поэтому Исполком Коминтерна солидарен с *Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Советов, который дал приказ о неисполнении смертного приговора.* Советское правительство отдало решение о судьбе вождей партии социалистов-революционеров в руки ее находящихся за-границей вождей. Оно дало им возможность прекращением своей контр-революционной борьбы, прекращением гражданской войны обеспечить жизнь осужденных.

Рабочие и работницы! Процесс против вождей партии социалистов революционеров „вызвал бешенную травлю Советской России“ со стороны вождей партий *2 и 2 с половинного Интернационалов,* которые совместно со всей буржуазной прессой, выступили на защиту союзников мировой контр-революции, скрывающихся под флагом социализма. Они представляли вам Советскую Россию, как зверя, жаждущего крови. Мы спрашиваем вас, где в мире существует второе правительство, которое отказалось бы от исполнения смертного приговора по отношению к людям, которые в заговоре с державами других стран пытались его опрокинуть с оружием в руках, не отказываясь и от скрытого убийства. Вожди 2 и 2 с половиного Интернационалов послали защитников на процесс в Москву, которые сбежали, убедившись в неслыханной вине своих клиентов. *Архив, захваченный Советской властью у вождя социалистов-революционеров, Керенского, доказал, что эта партия не только в 1918 г., в период ожесточенной гражданской войны, боролась на деньги союзников против Советской власти. Еще в 1921 г. она на деньги французского и чехословацкого правительства, при помощи балтийских правительств и Польши, вела в России военный шпионаж и подготовляла восстания, призывала вооруженную помощь союзников.* Разоблачения эсеров, как агентов мировой контр-революции, есть разоблачение вождей 2 и 2 с половиного Интернационалов. После этих разоблачений, после того, как Советское правительство доказало, что оно не жаждет крови виновных вождей социалистов-революционеров, мы ожидаем, что всякий рабочий и всякая работница, к какой бы партии они не принадлежали, заявят вождям 2 и 2 с половиного Интернационалов: *„довольно бесстыдной травли Советской России,“*—запретят им от имени пролетариата выступать в качестве защитников людей, запятнавших свои руки деньгами капиталистических держав и кровью русских рабочих и крестьян. Мы убеждены, что самые отсталые слои рабочих, сумеют сказать 2 и

2 с половинному Интернационалам: *„ваш долг принудить союзников,—эсеров отказаться от гражданской войны против Советского правительства, прекратить не на словах, а на деле, позорную связь с капиталистическими правительствами, преступную подготовку гражданской войны в стране, жаждущей мира, труда и порядка"*. Если 2 и 2 с половиной Интернационалы употребят, хотя бы десятую часть той энергии, которую они обратили на травлю Советской России, на нажим против эсеров, то не только будет спасена жизнь вождей социалистов-революционеров, но и жизнь многих рабочих и крестьян, которым приходится с оружием в руках отстаивать Советскую власть, но и жизнь миллионов детей, которых гражданская война приговаривает к голоду.

Рабочие и работницы, справедливый суд рабочего и крестьянского государства выразил то, что об эсерах думали и думают миллионы революционных рабочих Европы, не сбитых с толку ложью буржуазной печати, умеющих видеть правду через туман лжи и клеветы. Советское правительство, чуждое кровожадности буржуазных правительств, желая облегчить об'единение даже тех рабочих, которые не освободились еще от влияния буржуазии и социал-демократических вождей и не примкнули к знамени пролетарской революции, задержало меч, справедливо занесенный над головой виновников великого преступления против мировой революции. Оно сделало это в твердом убеждении, что вы не только не сделаете все от вас зависящее, чтобы удержать от безумной гражданской войны партию социалистов-революционеров, но употребите все усилия, *чтобы помочь Советской России в ее тяжелой борьбе за освобождение России от хищнических планов мирового капитализма*, оружием которого являются эсеры. Помогая Советской России, защищая ее, вы избавите ее от необходимости беспощадной борьбы, в которой она не может щадить никого, потому что ее противники не знают пощады для борющихся и страдающих масс рабочих и крестьян.

Период опасности для первой республики труда еще не миновал. Только что в Гааге представители мирового капитала пред'явили рабочим России требования: возвращение фабрик, шахт и рудников иностранным капиталистам. Советская Россия, стоя на страже мирового пролетариата, отклонила эти наглые требования. Мировой капитал будет всеми силами,—от финансового бойкота до финансирования гражданской войны—пытаться принудить Советское правительство к капитуляции. Советское правительство будет всеми силами и всеми средствами защищать рабочее дело. В этой борьбе оно сокрушит своих противников. Не допустите, чтобы великодушие, оказанное Советским правительством по отношению к социалистам-революционерам, агентам буржуазии, окрылило врагов Советской России.

Да здравствует Советская Россия!

Да здравствует Революционный Трибунал, стоящий на защите интересов мирового пролетариата!

Пусть сложат оружие враги Советской власти, зачинщики гражданской войны и террора!

Пусть об'единится мировой пролетариат вокруг Советской России, своего железного авангарда!

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала.

ПРИГОВОР ПО ДЕЛУ ЭСЕРОВ.

Процесс эсеров закончен. Совершенно лишнее распространяться о том, что подсудимые пользовались полной свободой защиты, ибо они участвовали в процессе до конца. Вожди партии эсеров не дети, а опытные политики и они не оставались бы в зале суда и лишний день, если бы не имели возможности защищать свои деяния перед массами Советской России. Всякая попытка критиковать процесс с точки зрения чисто юридической, как это делают представители 2 и 2 с половиного Интернационалов, это—попытка с негодными средствами, расчитанная на то, чтобы получить тот же эфект, какого добивалась буржуазная печать, распространяя легенды о Советской России.

Достаточно сравнить этот двухмесячный процесс, речи обвиняемых, длившиеся целые часы, с процессом ирландских революционеров О. Селивана и Дена, которым английский демократический суд даже запретил прочесть заявление для изложения мотивов покушения на фельдмаршала Вильсона,—и все лицемерие 2 и 2 с половиного Интернационалов выступит в обнаженном виде перед глазами английского и международного пролетариата. Гендерсоны, Макдональды, Шоу были задеты в своих лучших демократических и человеческих чувствах московским революционным Трибуналом и выражали свое возмущение им. Но они и словом не обмолвились о бесстыдстве английского королевского суда, зажавшего рот ирландским революционерам, парализовавшего их защиту. Ни в одной стране в мире,—говорится в воззвании Исполкома Комминтерна,—людям, обвиняемым в возбуждении гражданской войны, в убийстве из-за угла и в государственной измене, не предоставлялись те свободы, которыми пользовались на суде эсеры.

Советское правительство предоставило свободу защиты вождям эсеров не только по тому, что после периода открытой гражданской войны и террора, который был навязан Советскому правительству интервенцией и контр-революционными покушениями, естественно, наступил период революционной законности, но и потому, что оно только выигрывает от раскрытия всей истории партии эсеров и от предоставления ее лидерам свободы защиты. И, действительно, раскрывшаяся на суде картина истории партии эсеров, называющей себя революционной, поистине отвратительная, угнетающая.

Подумать только! Партия, называющая себя социалистической и революционной, ни одним словом не может опровергнуть факта, что она состояла в союзе с офицерами царского режима, с юнкерами, с капиталистами и попами, вместе с которым она устраивала заговоры против Советской власти, той самой власти, которая, по признанию самих представителей обвиняемых, Гоца, Гендельмана и Тимофеева, имела за собой огромные массы крестьян и рабочих.

Подумать только—партия, называющая себя социалистической и революционной, где демократия является основным лозунгом и представители которой заявляют перед судом, что когда Советское правительство подписало Брестлитовский мирный договор, оно выражало волю самых широких масс рабочих и крестьян,—эта же партия заявляет: „мы социалисты-революционеры, этой воле подчиняться не пожелали; мы

считали войну на стороне союзников необходимостью и, восставая против Советской власти, мы стремились к восстановлению фронта против Германии".

Подумать только—партия, об'ясняющая эту авантюристическую политику патриотическими заботами о будущности России, вступающая в связь с союзниками, чтобы вызвать их интервенцию, благословляющая 2-х летнюю войну и блокаду России—эта партия пытается играть на суде роль угнетенной невинности и заявляет: „Но мы ведь не хотели, чтобы союзники превратили Россию в колонию, мы только хотели, чтоб они нам помогли захватить власть, а когда мы получали пинки от белых и союзников, мы ведь против этого протестовали".

Если относиться ко всему этому серьезно, то придется сделать один вывод, что эсеры, раньше еще кое-как связанные с революцией, логикой вещей очутились потом в лагере контр-революции. Но само собой разумеется, что Российские народные массы, которым пришлось перенести неимоверные страдания вследствие политики эсеров, не могут ограничиться анализом психологии клики вождей эсеров и заявить: „поместите эту банду авантюристов в дом умалишенных". В политике важно не то, что человек думает, совершая те или иные поступки, а каковы их результаты для народных масс. Для литераторов и психиатров эсеры, пожалуй, и представляют интерес, как живые образцы беспринципности и бесхребетности, свойственной буржуазным интеллигентам, но для борющихся масс России, которые судят их по делам, они—главари контр-революционной партии, которые в великой освободительной борьбе российского и мирового пролетариата всеми средствами боролись на стороне мировой контр-революции.

Мы говорим: у всякого, следившего за процессом, поступки этих героев контр-революции вызывают глубочайшее отвращение. Люди, прикрывающиеся именами героев старых русских террористов, предстали на процессе, как обыкновенные убийцы. Ибо, если даже допустить, что на процессе не удалось доказать, что центральный комитет партии эсеров принял формальное решение убить Володарского, Ленина и Троцкого, то ведь неоспоримо доказано, что Гоц и Донской, эти два выдающиеся представители этой партии, дали согласие на эти покушения, и что, прекрасно зная о сильных террористических течениях в своей же среде и в боевой организации, они и не подумали сказать представителям этих течений: „мы запрещаем террор против вождей Советского правительства".

Они не только не отказались от террора, но и с холодным расчетом, с цинизмом заядлых политиканов всовывали револьверы в руки рабочих, чтобы вызвать впечатление, будто речь идет о вспышке мести со стороны пролетариев, схватившихся за оружие в борьбе за демократию против большевистской тирании.

Все опровержения и легенды, выдвигавшиеся представителями эсеров, с целью как-нибудь затушевать этот факт, лопались, как мыльные пузыри, когда обвиняемые рабочие, представители их террористических организаций, рассказывали как им давали в руки револьверы и как их рабочие руки не поднимались, чтобы сразить Ленина. И Гоц, и Донской, которые осмеливались называть изменниками интеллигентов-революционеров Семенова и Коноплеву, вынуждены были признать,

что Усов, Ефимов, Зубков и другие террористы из рядов рабочих заслуживают уважения, и что им нельзя отказать в честности намерений. Толкнув из-за кулис этих доверчивых, готовых на жертвы пролетариев в террористический омут, вожаки эсеров потом отрекались от них и пытались сделать из них уголовных убийц. Сколько нужно цинизма, чтобы открыто заявить перед судом, как это сделал Донской: „Да, мы отдавали нашей боевой дружине приказы производить экспроприации государственных сумм, мы брали похищенные деньги, но мы публично обличали это, чтобы не вводить в соблазн других„. Они, эти сверхчеловеки“ из центрального комитета, они то имеют право на бандитские нападения: от этого они морального ущерба не понесут. А рабочие из боевой дружины—что из того, если они предстанут в виде простых убийц! Ц. К партии эсеров, претендовавший на роль спасителя России, на деле представляет из себя лишь воплощение не только политического, но и морального разложения.

Их вина, кровавая вина перед российской революцией, так ясно выступила на суде, что им оставалась лишь одна оговорка „но ведь это было в 1918 г.“ Но и эта оговорка оказалась неслыханной ложью. Документы доказывают, что ответственные органы партии эсеров принимали участие во всех контр-революционных выступлениях против Советской России в 1920 и 1921 г.г., в восстаниях богатых крестьян, в восстаниях кулаков в Сибири, в антоновском и кронштатском бунтах.

Им осталось сказать одно: „мы осуждаем эти действия наших организаций“. Но для этого у них не хватило мужества, ибо все это проводилось людьми, с которыми ЦК партии эсеров связан теснейшим образом, и с которыми он не хочет порвать. Это нежелание порвать с деморализованными элементами собственной партии и с контр-революционными авантюристами ясно выступило наружу, когда трибуналу были представлены документы из архива Керенского, свидетельствовавшие, что такие ответственные вожди, члены ЦК, как Чернов—виднейший теоретик партии, член ее заграничной делегации, как Зензинов—руководящий политик этой партии, как Керенский, полковник Махин,—брали деньги у чехословацкого и французского правительств, организовали шпионаж против Советской России, подготовляли восстание и добивались вооруженной помощи Франции.

Что-же сказали Гоц, Тимофеев и Гендельман по поводу этих документов.

Гоц взял в руки письмо Зензинова, узнал почерк и подпись Зензинова и отказался выступить с заявлением по этому поводу. Они-де не знают, какие документы настоящие и какие поддельные. Однако, долг чести их партии требовал, чтобы они вместе с судом самым тщательным образом рассмотрели эти документы и решили, какие среди них, и есть ли среди них фальшивые. Они ссылались на то, что сведут счеты с партийными товарищами на с‘езде, как будто не их долг, не ожидая ни одной минуты, порвать с бандой грязных агентов Антанты, выступающих за границей от имени партии эсеров. Но ведь все это они могли сделать лишь в том случае, если бы они действительно решили порвать с Черновым, Зензиновым, Керенским, Авксентьевым и иже с ними, ибо последние представляют собой интеллектуальный штаб этой партии.

Берлинский „Фрейхейт" оправдывает вождей эсеров тем, что за границей, дескать, имеется много авантюристов, с которыми Гоц и Тимофеев всегда боролись, то ведь эта „борьба" против Чернова, Зензинова и Керенского—ибо только к ним может относиться этот комплимент—ничем не отличается и от „борьбы" против террористических течений в партии, на которую ссылались Гоц и К-о. Они играют двойную игру, пытаясь представить дело так, что в партии борятся два течения; на самом же деле рука руку моет, и обе остаются грязными.

Не приходится пускаться в раз'яснения, почему Революционный Трибунал присудил к смертной казни эту обанкротившуюся клику шулеров. Всякий революционный рабочий в мире отказался бы понять другой приговор, чем вынесенный Трибуналом. Он гласит: „да, виновны". С революцией не шутят, не убивают из-за угла, не совершают актов государственной измены, чтобы можно сказать: „я ошибся".

Если нужно, кое-что раз'яснять пролетариату, то это то обстоятельство, что 24 часа спустя, после вынесения приговора, он, этот приговор в исполнении приведен не был, и вожди эсеров остались живы, и что меч, поднятый Революционным Трибуналом над их головами, был задержан Советским правительством. Раз'яснять и защищать, нужно не факт смертного приговора, а тот факт, что он не был приведен в исполнение. Советское правительство—революционное правительство. Оно выносит решение не на основании мертвой буквы закона, а на основании живой революционной целесообразности. Мы победили в борьбе. Партия эсеров разбита наголову, и это знают рабочие массы России. Этим процессом мы нанесли такой сокрушительный политический удар партии эсеров, которая еще продолжала существовать, как идея, что она оказалась раздавленной, как ни одна еще партия в истории человечества. Документы из архива Керенского, которые будут распространены в миллионах экземпляров, должны вызвать в каждом честном рабочем и крестьянине чувство такого отвращения к этой партии, что Советское правительство имеет возможность заявить: можно предоставить эсерам отсрочку. Оно может ждать, посмеют ли Чернов, Зензинов и Керенский после всего этого еще раз поднять в России гражданскую войну. Если они это сделают, а Гоц, Тимофеев и Донской открыто не порвут с ними, тогда—ну, пусть они тогда знают, что долготерпение пролетарского правительства, и преисполненного мирными желаниями пролетариата тоже имеет свой предел. Если же это долготерпение Советского правительства вызовет прояснение у вождей эсеров—никто этому не будет так рад, как само Советское правительство, усматривающее в терроре лишь средство защиты.

Господа 2 и 2½ Интернационалов будут торжествовать. Они скажут, что их давление спасло вождей эсеров. Пусть так. Но мы бросаем им открыто в бесстыдное лицо. Если партия эсеров не откажется от пропаганды организации гражданской войны, шпионажа и террора, то никакие ваши причитанья не спасут их от карающего меча Советского правосудия.

Если мы теперь удержали этот меч, то мы это сделали не из-за вождей 2 и $2^{1}/_{2}$ Интернационалов, а из-за миллионов обманутых пролетариев, которые, к сожалению, все еще идут за ними и верят буржуазной печати. Мы, коммунисты, всегда заявляли: раз того требуют интересы революции, мы будем считаться даже с предрассудками отсталых рабочих масс. Ведь считаемся же мы с их религиозными предрассудками, и пусть себе попы делают из этого вывод, что мы поддаемся их давлению. Большие массы западно-европейского пролетариата, не имеющие еще за собой революционного опыта и не разбирающиеся в истинной природе партии эсеров, все еще считают эту контр-революционную партию за партию рабочую, несмотря на то, что даже старый Интернационал считал ее мелкобуржуазной партией. И раз прочность положения в России позволяет нам считаться с этим предрассудком западно-европейского рабочего, то с головы вождей эсеров и волос не упадет, если только Чернов, Зензинов и Керенский не дадут нового предметного урока пролетарским массам Европы. Но если они, верные духу, до сих пор господствовавшему в партии, будут продолжать действовать, как агенты контр-революции, тогда каждый рабочий Запада поймет, что вожди эсеров заслужили ту кару, которая тогда обрушится на них.

Мы убеждены, что российские рабочие, несмотря на свою ненависть к разоблаченной партии эсеров, поймут эту политику Советского правительства и одобрят ее.

Карл Радек.

К БОРЬБЕ С МЕЛКО-БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИЕЙ.

ВОЗРОЖДЕНИЕ МЕЛКО-БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И ЗАДАЧИ ПАРТИИ.

(Доклад Зиновьева на всероссийской партконференции).

Товарищи, наша конференция подводит итоги первому году работы нашей партии в условиях новой экономической политики. Предыдущие доклады подытожили нашу работу в этих условиях в очень важных отраслях деятельности партии. Моя задача подытожить нашу работу в условиях новой экономической политики на другом поприще, на поприще политическом, являющемся, разумеется, в известной мере решающим.

Я думаю, товарищи, что лучше всего введу вас в свою тему, если ознакомлю вас для начала со следующим диалогом относительно смысла переживаемых нами событий между меньшевиками и сменовеховцами.

Не так давно, несколько недель тому назад, меньшевики в своем органе „Социалистический Вестник“ писали: „Коммунистическая диктатура при НЭП'е, т. е. попросту говоря при укреплении нового буржуазного уклада, есть историческая нелепость. Это есть лейт-мотив всей антисоветской прессы и всего антисоветского, так сказать, „социалистического“ лагеря; то, что сейчас происходит в России есть просто-напросто нелепость, одинаково непереносная, как они выражаются „и для искренних коммунистов, и для искренней буржуазии“.

И вот что отвечают на это сменовеховцы, которые, должен с самого начала это сказать, гораздо больше сходятся с меньшевиками, чем это иногда принято думать среди нас, в коренных, основных вопросах.

Если освободить заявление сменовеховцев от „словесной шелухи“, то получится следующее: они говорят Мартову и кампания: „зачем вам унывать. Вам, как марксистам, следовало бы знать, что сначала будут уступки в области экономической, а затем, в силу законов эво люции и в области политической, вы получите давно желанную кратию“. На этом сходятся и меньшевики и сменовех лейт-мотив той критики, которая идет из рядов меньш а если взять шире, то и из рядов 2-го и $2^{1/2}$ Интер То, что переживает Россия сейчас, есть ублюдок. Н

мунистическая диктатура при росте буржуазии. Попытка большевиков делать экономические уступки, не уступая политически, есть безнадежная попытка. Государственный капитализм, провозглашенный коммунистической партией, есть определение, также внутренне-противоречивое.

На этой основе строится вся борьба против нас.

Сейчас я хотел бы тут же, товарищи, вам, процитировать также заявление другой группы буржуазии. Я имею в виду издание Российского Финансового Промышленно-Торгового Союза в Париже. Он издает журнал „экономические записки" под редакцией Струве. В этой последней книжке, которую я получил как раз вчера, журнал останавливается на этих темах. Он посвящает почти половину номера нашему XI-му с'езду партии, с некоторым опозданием и в статье „Новая фаза экономического кризиса Советской России и XI с'езд коммунистической партии" затрагивает основной вопрос о том, что такое государственный капитализм и что такое то, что переживаем мы сейчас, при новой экономической политике в России.

Надо сказать, что в этом журнале пишут представители наиболее реалистической деловой буржуазии и они без всякой словесной шелухи умеют, все-таки, понять, по крайней мере, то, о чем идет речь.

Автор названной мною статьи, давая подробнейший анализ речи тов. Ленина относительно государственного капитализма,—речи, которая всем вам памятна, и я не стану ее цитировать.

Я думаю, т. т., что здесь довольно кратко и довольно лапидарно выражена суть дела. В этом журнале, где работают Рябушинский, Струве и К-о. люди, не претендующие быть „социалистами" и не примыкающие к 2½ Интернационалу, они кратко и ясно выражают суть того, что мы вкладываем в понятие „государственный капитализм". Государственный капитализм подчинен пролетарскому государству, работает на него под его надзором и привлекает частный капитал к известному участию в производстве.

Мне думается, что нам на нашей конференции незачем анализировать понятие „государственный капитализм" расщеплять волос на четыре части. В основном партия усвоила взгляд полностью, и определенно и формулировала его на XI с'езде партии.

Я затрагиваю эту тему постольку, поскольку это необходимо, чтобы понять ту точку зрения, с которой нас критикуют наши враги.

Квази-марксисты из лагеря меньшевиков, квази-социалисты из лагеря эс-эров стараются представить наше положение, как просто-напросто бессмысленность, нелепость, и в утешение выслушивают от наших квази-друзей, сменовеховцев: „погодите, время, придет, вы увидите, как вы очутитесь в вожделенном лагере буржуазии—демократии".

С самого начала новой экономической политики, меньшевики, в особенности, а также и с.-р. рассчитывали на то, что это есть начало капитуляции со стороны нашей партии. Они не делали из этого секрета, заявляя на всех перекрестках, что новая экономическая политика означает в ближайшем будущем политические уступки. И только, по мере того, как они разубеждались в этом, по мере того, как стали увядать их иллюзии на этот счет, они стали искать других об'яснений и пришли к тому, что заявляют, что все происходящее теперь просто-на-просто нелепость.

В течение истекшего года в новой обстановке, наши противники, безусловно, пережили целую фазу, если не разложения, то известного расслоения. Они год тому назад, полтора года тому назад, когда мы стояли на пороге НЭП,а, сулили нам, что это разорвет нашу партию на несколько частей, что внутри партии будет чуть ли не классовая борьба. Я цитировал вам на XI с'езде партии целые исследования меньшевистского цекиста Далина, в которых он подводил, якобы, научный фундамент под свое исследование—что НЭП разорвет основной фундамент—нашу партию и тогда начнется новая глава в истории России.

Год—срок небольшой и мы не можем обнадеживать себя, что мы обошли все опасности, связанные с новой экономической политикой. Но во всяком случае мы имеем право про истекший год сказать,—хотя совершенно не оправдались мрачные предсказания относительно нашей партии, но зато в их лагере произошло, если не разложение, то не преувеличивая можно сказать,—расслоение из самых серьезных контрреволюционных партий. Факт, что она партия уже разбилась на две группы. Кадетская партия—одна из самых серьезных контр-революционных партий. Факт, что оно за этот истекший год уже имеет два центра. Если взять из другой оперы, то тоже факт, что за этот год расслоение среди духовенства пошло очень быстрым шагом.

Орган правых кадетов „Руль" на-днях писал, что религия была последней единственной областью, куда не проникало, как они выражаются, „растление советской системы", теперь „штурмуется и эта последняя цитадель".

Эти страхи напрасные, никто ее не штурмует, мы знаем, что это происходит совершенно самопроизвольно, под влиянием глубоких и основных изменений России, связанных с величайшей Революцией. Но факт отмечен правильно и действительно происходят важнейшие события в том лагере, который являлся может быть твердой надеждой и опорой правой кадетской партии и меньшевиков.

За это время произошло действительно расслоение в рядах самих меньшевиков. Там происходит отслоение направо и налево. Направо образовалась группа „Заря", во главе с Ст. Ивановичем. Они совершили маленькое святотатство, избрав для своей группы заглавие „Заря" из нашего научного марксистского органа. Эта группа меньшевиков, во главе с Ст. Ивановичем, издает журнал под этим именем, организует в России группу так называемых „вне-партийных социал-демократов" (смех), и критикует свой собственный центр справа. У меня лежит брошюра: „Сумерки русской социал-демократии". Она изобличает Мартова и Дана в том, что они не свели концы с концами, что они хотят быть именниками и на Ивана и на Петра и т. д. Вот вам отслоение их направо.

У них есть намеки на отслоение и налево. Не так давно мне случилось читать любопытный документ члена ЦК меньшевиков Бера, который критикует Мартова и говорит ему. „Мы совершенно не понимаем той позиции, которую занял сейчас наш меньшевистский ЦК. Вы кричите во всю глотку, что большевики вырождаются в Бонапартистов, что они теряют свою связь с рабочими массами. Ведь вы же сами учили нас тому, что меньшевики и большевики опираются на один класс.

только на различные его крылья. Если вы заявляете, что они перестали быть рабочей партией, то потрудитесь это обосновать, а не говорить об этом мимоходом".

Я не придаю значения заявлениям тех или других лиц. Мы прекрасно знаем декларации меньшевистских цекистов, но если мы берем меньшевизм так, как он есть в России и заграницей, то мы говорим, что они за это время не только не сконсолидировались, а наоборот, они за этот год дали трещину и трещину порядочную.

То же самое можно сказать относительно эс-эров. Кроме всех группировок, бывших до сих пор, мы видим новую группу, по крайней мере, внешним образом новую группу—Керенский, Бунаков, Брушвит,—таким образом, от правых эсеров откалываются архи-правые. Левые эсеры окончательно откалываются.

Мы видим, что и в их лагере за этот год произошла не консолидация и не укрепление, а напротив, разложение.

Началось разложение среди студенчества, самого упорного антисоветского элемента. Наконец, появилась группа сменовеховцев, которые, конечно, не являются коммунистами, но которые являются чрезвычайно интересным явлением, отражающим процесс, происходящий внутри самой буржуазии.

Таким образом, мы можем, не обольщаясь сказать, что по крайней мере, за этот год все те опасности, которые нам сулили враги, и которые они со злорадством ожидали, пока что не оправдались, а в то же время в лагере антисоветском, начиная от духовенства и кончая левыми меньшевиками и левыми эс-эрами,—в этом лагере мы видим начало серьезнейшего разложения.

Этим я вовсе не хочу сказать, что переживаемое нами время не чревато опасностями. Напротив, это мы говорили с самого начала. Та глава в истории нашей революции, которая называется Нэпом, связана на политической арене с крупными опасностями, которые надо ясно видеть, и только тогда можно будет их избегнуть. За это время в политической области наметились некоторые новые явления. За этот год мы безусловно видим с одной стороны у наших противников, в широком смысле слова, безусловный надлом, начало разложения, с другой стороны, со стороны внутренней, какие-то новые наслоения, внутреннюю консолидацию анти-советских сил против нас, которой до сих пор мы не знали. Поэтому в органе правых кадетов, Гессенском „Руле", я читаю следующее: „И как только эта, так сказать, незаконная дочь НЭП'а появилась на свет божий, так сразу, со всех сторон протянулись, правда, очень тонкие, даже воздушные нити оппозиции, которые далеко переплетаясь и сплетаясь, образуют все более густую и прочную сеть. Куда только ни посмотришь—большевики, всюду они ударяются в эту стену и чувствуешь, а то уже и сознаешь, что в ее цепях они безусловно запутаются. В Москве и Петербурге появилось много литературы и всяческих альманахов, вплоть до издаваемых Госиздатом (слово из песни не выкинешь)... под редакцией большевиков, насквозь проникнутых духом стойкой непримиримой оппозиции и всесторонним выяснением, что большевистский этап революции не принес никаких положительных результатов и завоеваний, что он пришел к концу. О чем бы ни говорилось—о литературе, музыке, театре, да и

в беллетристических произведениях, среди которых наряду с отвратительными кривляниями встречаются настоящие перлы, всюду в каждой строчке сквозит одна и та же мысль: „опускайся кума на дно"... Страшен сон, да милостив бог. Я думаю, что дело обстоит не так страшно, как это рисует издатель „Руля". У нас уже не такая густая и прочная сеть „советской оппозиции", как он выражается, что в связи с НЭП'ом протянулись нити повсюду, но несомненно в этом заявлении наших врагов есть ядро истины, и мы должны воспользоваться предостережениями наших врагов для того, чтобы ясно видеть происходящее и принимать те меры, которые необходимы.

Да, если вы меня спросите, что произошло нового на политической арене советской России за этот год,—я скажу: новое заключается в том, что анти-советский лагерь перестраивается по-новому. В нем происходят крупные серьезные и глубокие наслоения, но он тем не менее обнаруживает изрядную живучесть. Он перестраивается на лучший лад, он использует каждую щелку, каждое свободное место в этом новом этапе нашей революции, для того, чтобы перестроиться по новому, для того, чтобы использовать в том числе и нашу советскую легальность.

Вот в чем заключается новизна политического положения. Мы наблюдали за 21—22 г. некоторые явления, которые были невозможны ни в 17, ни в 19, ни в 20 г. г. Мы наблюдаем сейчас сцепление молекулярных сил против нас в таких формах, в каких это было невозможно до НЭП'а, до последнего года. И хотя общий итог первого года вовсе не дает повода к какому-нибудь особенному пессимизму, он однако дает достаточно пищи для размышления на счет этих новых форм, этих организаций антисоветских сил, и он должен заставить нас перестроить наши ряды в известном смысле так, чтобы добиться известных результатов. Короче говоря, меньшевистская формула гласила так (антисоветская): „Вслед за экономическими уступками—политические уступки".

Мы ответили на это на XI с'езде: „Отступление в области экономической останавливается". По вопросу о политических уступках мы с самого начала заняли определенную и ясную линию. Но нам мало этого ответа. Сейчас, мне кажется, мы должны сказать более ясно: „Отступление в области экономической останавливается,—в области политической наше наступление продолжается". Это вовсе не значит непременно в формах 18—19 годов. Было бы ошибкой так просто представлять себе.

Мы не можем в условиях новой экономической политики, в 22 году, не можем и в этой области прибегать к тем методам, которые были уместны в 18 и 19 г. г. Отказ от военного коммунизма в области экономической, конечно, связан с тем, что мы должны применять новые методы и в области политической. Это партия должна ясно признать. Но вместе с тем мы должны ясно себе сказать, что о другой форме и другими методами в более сложной обстановке мы в области политической не можем об отступлении и думать, а будем организовываться в этой области для продолжения наступления.

Я уже сказал, что новизна заключается в том, что противники пытаются использовать, говоря старыми терминами, легальные возможности советского режима. Даже говорят об этом довольно прямо, как

говорили в свое время, что третье-июньский режим при царизме был использован точно также меньшевиками и эсерами. Они хотят использовать „третье-июньской режим“ при советской власти.

Что касается анти-советских партий, то, я думаю, не надо обольщаться. Мы нанесли эсерам и меньшевикам сокрушительный удар, но можем ли мы сказать, что мы политически ликвидировали эсеров и меньшевиков в России? Я думаю, что пока мы не можем этого сказать, и задача нашей партии заключается в том, чтобы политически ликвидировать эти организованные анти-советские партии в России.

Но нам надо, мне кажется, в этом будет громадное значение нашей конференции, себе эту цель впервые ясно поставить.

Мы не обольщаемся относительно достигнутых результатов, хотя эти результаты несомненно серьезные. Предвещавшиеся нам беды не наступили, а расслоение в рядах противника наступило. Мы ставим большую задачу. Мы не так скромны, чтобы ограничиваться тем, чтобы кое-как обезвредить меньшевиков и эсеров. Мы думаем, что наше политическое наступление в течение ряда лет будет развиваться, и мы полностью ликвидируем эти анти-советские группы, отняв то, что есть ценного из их человеческого материала, что способно поддерживать советскую власть, и разбив остальное.

Меньшевики не так давно формулировали свою задачу следующим образом. В одном из циркуляров ЦК, напечатанном в новогоднем, если не ошибаюсь, номере „Социалистического Вестника“ сказано,— они обращаются к местным организациям меньшевиков: „вы должны рассматривать себя, как партию, стоящую на почве советской конституции, как партию легальной социалистической оппозиции, относящейся отрицательно к методам вооруженной борьбы и вооруженного восстания, которое в настоящих условиях неизбежно повлекло бы торжество реакции“. Это в январе 1922 года говорит ЦК меньшевиков. Само собой понятно, мы не можем, к сожалению, принять за чистую монету это заявление. В январе 1922 года они говорят, что надо отрицательно относиться, к методам вооруженной борьбы и восстания. Весной же 1921 года меньшевики совершенно определенным образом поддерживали Кронштадтское восстание, в лице ПК, в лице господина Дана.

Вот почему мы это заявление ЦК меньшевиков рассматриваем так, как только и можно его рассматривать—как военную хитрость, потому что целым рядом других документов они расшифровывают свою политику, заключающуюся в том, чтобы использовать советскую легальность.

Помните пресловутый лозунг „борба за легальность, за частичные требования“. В такой форме они ставят, по крайней мере, часть их, свою борьбу по отношению к нам.

Я не могу сказать, чтобы у меньшевиков и, тем более, у эсэров, была на этот счет совершенно прямая линия. Нет, они находятся в этом отношении, как впрочем и во многих других, на распутьи. У них двойственность их политики. С одной стороны, если посмотреть на печать, на важнейшие программные заявления, то вы увидите, что они держать себя иногда с внешней показной непримиримостью, необычайной крикливостью. Они-де являются единственными наследниками Октябрьской Революции. В силу перерождения нашей партии, они-де являются теперь единственной рабочей партией. Вы часто найдете у эсэров и

меньшевиков такого рода выступления, что они защищают наследство Октябрьской Революции. Они стали рабочей партией. Они подхватывают знамя, выпавшее из наших рук. В то время как мы стали защитниками известной части новой буржуазии, они являются завершителями Октябрьской Революции. Это одна нотка их агитации, другая нотка— борьба за легальность. Остановлюсь на этой первой. Что касается первого, левого, крикливого, внешне непримиримого направления, то мне кажется, что оно нам не может причинить большого вреда. Оно едва ли опасно для советской власти. Внутренняя фальшь этой позиции настолько бьет в нос каждому рядовому рабочему, что едва ли на этом меньшевики и эсэры могут много выиграть, когда люди, имеющие за плечами то, что имеют меньшевики и эсэры, когда такие люди пытаются теперь рядиться в тогу душеприказчиков Октябрьской Революции, они, мне кажется, будут осмеяны беспартийными рабочими массами. Внутренняя фальшь будет слишком бить в нос. Как я говорю в своих тезисах, за эти годы у широких рабочих масс, в результате нескольких лет тягчайшей борьбы, выковалось чувство весьма ценное для нашей Революции, чувство реалистического отношения к тому, что выполнено в данной стадии Революции.

Сейчас настроение рабочих, вы сами видите, все-таки не такое, что стоит им побольше обещать, и тогда он за тебя. Многострадальные годы гражданской войны выработали в рядах рабочего в этом смысле критическое отношение. Они знают, что можно, чего нельзя, и как исключение является то, что некоторые группы ставят свои цеховые интересы выше общих. Мне кажется, что крикливая, якобы левая позиция меньшевиков и эсэров, едва ли опасна, и вряд ли она может завоевать некоторое влияние у нас, хотя эпизодически это возможно. Бороться против этого можно только тем, что нам удастся начать, хотя и очень медленно, выполнять кое-что из того, что было невозможно выполнить до сих пор. Всем известно, что сейчас преобладающим стремлением в массе является стремление к сытой жизни, к порядку, к знанию. Это есть основное настроение сейчас. Этим будут пытаться воспользоваться наши противники. Но в меру того, как нам удастся итти навстречу удовлетворению этих законных требований, требований революции, в меру этого будет ослабевать влияние меньшевиков и эсэров. Другая часть меньшевиков и эсэров мне, кажется, более опасной. Они рассчитывают сейчас на поддержку более широких слоев и буржуазной интеллигенции. Они держатся формулы борьбы за легальность. Те же эсэры и меньшевики, которые сейчас пишут программного свойства статьи на тему, что они являются единственными проводниками требований Октябрьской революции, стали уже выступать с частичными требованиями. Они бросают в массу учащихся лозунг автономии школ, они бросают в крестьянскую массу лозунг дешевого кредита. Если взять последнее постановление меньшевиков о профсоюзах, то они выдвигают лозунг прожиточного минимума в старых довоенных рублях, пытаясь этот частичный лозунг сделать исходным пунктом определенного массового народного движения против нас. И вот, товарищи, мне сдается, что это вторая часть тактики меньшевиков и эсэров. Она заслуживает более пристального внимания с нашей стороны, она есть то новое в области политических группировок, что

мы переживаем в последний год, и что имеет известную социальную формулу. Едва ли было возможно такое постановление меньшевиков года два-три тому назад. Теперь это постепенно будет становиться преобладающей нотой в их агитации, в их работе. Почти наверняка можно сказать, что эта вторая нота будет вытеснять первую крикливую, якобы левую ноту, и постепенно вытеснит ее целиком. Это понятно, эта нотка всецело вытекает из того соотношения сил, которую мы имеем сейчас в Советской России.

Я сказал, что за этот год мы отметили некоторые явления, которых мы не могли отметить ни год, ни два, ни три тому назад. Возьмите такой вопрос, как с'езды, легальные с'езды. Мы слишком мало внимания обращали на это до сих пор. Теперь пора и в этом отношении подвести итоги, и это становится возможным потому что мы имеем ряд таких с'ездов. Крайне показательным был с'езд врачей в конце весны этого года, я не имею данных и не могу вам сказать, насколько меньшевики и эс-эры действовали там организованно, да это и не важно, но важно то, что на этом с'езде мы видели известное об'ективное воплощение в жизнь этой второй половины тактики эс-эров и меньшевиков, которую я вам в самых беглых штрихах обрисовал.

Среди такой группы населения, как врачи, которые в значительной мере настроены враждебно к Советской власти, правда и среди этой группы есть честные элементы, но я говорю об определенном слое, который вам всем известен. На этом с'езде меньшевики и эсэры, об'ективно говоря, имели успех с точки зрения второй половины их тактики. Мы видели там ряд крайне характерных выступлений. Один из врачей говорил о том, что они буржуазные демократы, что они, врачи, живут в коммунистическом окружении в нашей Советской стране. Это политическая терминология. Это политическое заявление в высшей степени лапидарное и правильное с их точки зрения. Они выдвигали вопрос о том, как им организоваться в рамках этого коммунистического окружения. Говорилось о том, что им нужны уездные секции врачей, которые должны себе ставить задачу как-то бороться с этим коммунистическим окружением. Я не знаю, точно, существуют ли такие уездные секции, но достаточно того, что это висит в воздухе, что мысль об этих уездных секциях, необходимых не для того, чтобы бороться с холерой и с другими эпидемиями, а для того, чтобы освободиться от коммунистического окружения, есть. Это определенное политическое заявление в высшей степени ценное. Правда, они имеют право организовываться против нас, но и мы обязаны, наша обязанность перед пролетариатом видеть это и принимать меры для борьбы с этим. Мы слышали там заявление одного врача, по фамилии, кажется, Станкевича, который говорил, что больше врачей коммунистов не народится. Пусть отсюда власть и союзы сделают надлежащие выводы. А другой врач Грановский говорил, что теперь сама власть, как капиталисты. Она эксплоатирует врачей при содействии медикосантруда. А третий врач Горвиц женщина-врач Петроградской больницы, которую мы хорошо помним по временам тяжелой холерной эпидемии в Петрограде. Когда мы приглашали врачей придти на помощь к нам, когда целый ряд врачей откликнулись и оказали нам неизмеримые услуги, эта самая

госпожа Горвиц заявила, что холера холерой, а коммунистическое окружение будет, пожалуй, опаснее.

Она выступила с заявлением, что мы всегда были за диктатуру пролетариата, мы готовы быть всегда слугами пролетариата, но мы не будем прислужниками Советской власти.

Целый ряд такого рода заявлений мы слышали на этом с'езде. Это есть общее заявление, которое не было возможным раньше и которое стало возможным в 1922 году, и которое наша партия должна учесть, как нечто новое.

Мы видели с'езд агрономический, где слышались почти подобные заявления, по своей контр-революционности не оставлявшие желать ничего большего. Такие с'езды, товарищи, должны заставить нас задуматься.

Далее, мы видели целый ряд выступлений профессуры, которые также только вот теперь пытаются, сами того не сознавая, стихийно, идти по линии меньшевизма и эс-эрства в ее второй половине. В этом смысле меньшевики могут найти отклик, об'ективно более серьезный, более опасный, и более контр-революционный. Мы видели целый ряд таких выступлений со стороны профессуры, и эти выступления вам известны.

Количественно этот слой не велик. Мы имеем всего 12.000 чел. профессуры. Это, конечно, небольшой слой, но этот слой очень важен. Я бы сказал, что сейчас тут, может быть, можно взять то сравнение, которое применялось на предыдущей конференции—о командных высотах. Это есть одна из важнейших командных высот,—для нас же особенно, по причинам, о которых я буду еще говорить.

Это—явления новые. Я не говорю, что на этих с'ездах были непременно организованные меньшевики и эс-эры. Нисколько. Но резонанс для меньшевизма и эс-эрства в его последней формации, последней интерпретации, чтобы вползти в советскую легальность, чтобы, опираясь на якобы происходящее постепенное перерождение Российской Коммунистической партии, взорвать изнутри, разложить, рассосать Советскую власть,—это есть. И в течение 1922 года мы видим целый ряд любопытнейших эпизодов.

То же самое творится, товарищи, и в области литературы.

Нам говорили, что из НЭП'а вытекает свобода печати для буржуазии, что кто сказал НЭП, тот должен сказать свобода печати для буржуазии. Это разумеется не так, товарищи. Мы должны дать себе отчет в том, что переходный период, есть переходный период. И если бы нынешняя фаза революции затянулась в силу каких-нибудь исторических событий на полстолетие или на четверть столетия, то была бы опасность, разумеется, того, что окружение НЭП'а, окружение буржуазии, рассосало бы как нибудь и нашу пролетарскую диктатуру. И разумеется, говоря в терминах исторических, если брать периоды в 25 лет, если говорить десятилетиями, то, конечно, это исторически неизбежно, если так пошло бы дело. Но суть в том, что дело так не идет, что мировая революция развивается, что даже первый год, протекавший в обстановке чрезвычайно тяжелой, в обстановке голода, когда нам в Генуе и в Гааге пред'явили грубо реставрационные векселя, все-таки наше положение улучшилось. Из того, что мы сделали

уступки экономические, не следует, что мы будем делать уступки политические, свобода печати для буржуазии и т. д., принципиальная линия партии в этом вопросе была и остается верной.

Однако, нельзя не признать, что буржуазия даже за один год сумела нас обойти с тыла и сумела завоевать кое-что. Правда, в этой области крупных завоеваний у нее нет и не будет, сколько нибудь распространенной периодической печати тоже не будет, но все-таки кое-какие завоевания она сделала. Вот некоторые данные, которыми я располагаю относительно легальных издательств: в одной Москве,—сколько бы вы думали, товарищи,—триста тридцать семь; в Петрограде—восемьдесять три. У нас нет данных относительно губернских городов, относительно Украины, относительно целого ряда важных областей. Я обращаю внимание, товарищи, на то, что абсолютно необходимо в этой области данные иметь, и иметь их собранными в одном месте, тщательно следить, чтобы Центральный Комитет партии мог обозреть действительное положение во всей стране. Вот вам те цифры, которыми мы располагаем.

Само собою разумеется, что ни Советская власть, ни Российская Коммунистическая партия отнюдь не склонны к тому, чтобы печатный станок бездействовал, чтобы не было издательств. Нисколько. Наоборот. Мы, конечно, должны стараться, чтобы у нас процветали искусства, просвещение и проч., мы, конечно, должны их поддерживать. Должны поддерживать издательства. Но, товарищи, при том положении вещей, которое мы имеем, когда мы, партия и государство, в этой области отстаем, мы должны констатировать тут за один год необычайную энергию и необычайную кипучую живучесть со стороны противника. Я читал вам выдержки из „Руля“. В общем и целом они правильно изображают дело, когда говорят, что литература вырвалась из-под диктатуры пролетариата и что она местами отравлена совершенно определенною ненавистью к Советской власти.

Я приведу сейчас несколько примеров. Думаю, что не стоит особенно много приводить. У нас действительно развилась в Москве и Петрограде литература, которая является обоснованием всего нынешнего буржуазного мировоззрения. Я процитирую несколько литературных буржуазных проявлений НЭП'а и в Петрограде и в Москве.

Питирим Сорокин выступает с заявлениями в том духе, что русская интеллигенция должна занять по отношению к Советской власти англо-саксонскую позицию, которая заключается в том, чтобы участвовать в Советском строительстве, не обращая внимания, не взирая на Советскую власть, несмотря на то, что она существует. Так характаризует он политику Ллойд-Джорджа. И вот такая англо-саксонская политика открыто проповедуется со страниц печати в России. Более того. Передо мной журнал „Экономист“, издававшийся в Петербурге (он закрыт недавно). „Экономист“ есть главный теоретический штаб нэповской буржуазии, об'единяющий почти всех литературных работников-экономистов кадетской партии. В „Экономисте“ по вопросу о Генуе выступал проф. Тарле и говорил не только против нас, не только против Советской России, но и против английской буржуазии, целиком и полностью, защищая линию Пуанкарэ. (Смех). Он прямо критиковал не только Советскую Россию, но повторяю, английское правитель-

ство. Он писал: „Систематическое, планомерное и законченное опустошение немцами всей северной Франции (и части центральной) до сих пор ничем не компенсировано; французский бюджет, правда, несравненно устойчивее и прочнее немецкого, но все же дефицит велик; ни малейших послаблений со стороны американских кредиторов Франция ждать не может: сенатор штата Джон Смут как раз в середине марта категорически заявил, что Франция должна заплатить Америке все долги до последнего цента“.

Это писалось в момент Генуи. В этом самом „Экономисте“ вы найдете целый ряд заявлений такого же характера.

В статье тов. Бубнова, помещенной в журнале ЦК „Коммунистическая Революция“ приведен целый ряд цитат работ этих господ из „Экономиста“ и других журналов. Поэтому я могу вас избавить от цитат в этой области. Все должны с этим ознакомиться, независимо от того, прекратила ли часть журналов свое существование или нет, для того, чтобы видет ясно идеологию наших противников в переживаемый нами период. Нет худа без добра. Во всяком случае мы ясно заглянули им в душу, хорошо увидели, что происходит в лабораториях буржуазной нэповской мысли. И в этом смысле работники нашей партии весь этот багаж должны изучить полностью. Выходили у нас „Утренники“. „Утренники“—заглавие невинное, почти детское. „Утренники“ какие-то, и до го мы в них не заглядывали. Оказывается, что там помещает статьи член центрального комитета кадетской партии Изгоев на „детскую“ тему о... терроре и процессе эсеров. В этой статье Изгоев писал:

„С моей точки зрения, убийство Ленина и убийство Столыпина одинаково и в высшей степени безнравственно, и, конечно, если бы был возможен суд не партии, а суд народной совести, вообще над насилием, „то он, Изгоев (как известно, Милюков и все прочие его соратники—вегетарианцы, никогда ни одной капли крови не пролили), выступил бы против них“. В течение полугода куда успела добежать буржуазия! В этом смысле можно сказать, что тут надстройка опередила базис. Буржуазия не так разжирела в смысле экономическом, а в смысле, идеологическом поскольку ей отпущены чуточку вожжи, забежала очень далеко. Идеологии им не занимать стать. Им не надо ее восстановлять. Одно дело восстановить завод или рудник, даже английскому концессионеру, а другое дело начать литературное предприятие Изгоеву и компании. Тут был бы станок, были бы чернила, а буржуазная отравленная идеология у него есть еще со времен царских. Вот чем объясняется тот сравнительно большой успех буржуазии в области идеалистической. Вот книжка Тарле,—„Печать при Наполеоне I“. Кажется, что может быть цензурнее. Однако, почитайте эту книжку и вы увидите, что дело идет о печати... при Советской власти. Эти господа думают, что с нами можно так грубо хитрить.

В области поэзии и то дело обстоит определенно. Прав „Руль“ в своих заявлениях, которые я приводил. Я не могу процитировать здесь целый ряд поэтов, но вот известная Гиппиус, в своем „Дневнике“ со сладострастием говорит, что наступит момент, когда они нас в молчании повесят, Октябрьская революция называется у ней „блевотиной

войны". Я упоминаю о Гиппиус потому, что, не помню где—в „Правде" или в „Известиях", я читал через 4 недели после выпуска этой книги за границей, она значилась в библиотеке на каких то курсах. Таким образом вы видите, что не только наши русские поэты, но даже и Гиппиусы просовываются в библиотеки красных курсантов. У нас существуют большие аудитории студенчества, в одном Питере тысяч 30—40, которые в значительной мере против нас, что еще не означает, что мы должны на них махнуть рукой, а вся эта литература отравляет молодежь, вся эта литература создает базу для той тактики меньшевиков, о которой я вам говорил. Есть целый ряд переходных этапов, от открытой буржуазной интеллигенции к сменовеховцам. О сменовеховцах я не говорю особо, но сейчас обращу ваше внимание на статью кадета Бруцкуса, он не сменовеховец, он более определенный наш враг; его статья программного характера, о ней интересно отметить перед тем, как начать говорить о самых сменовеховцах.

Вот что он говорит: „Лозунги русской революции являлись специфическим продуктом социально-экономической эволюции России. Их победа означала не их воплощение в жизни, а их изживание. Это изживание обошлось России дорого, слишком дорого, но очевидно, что только таким путем под эгидой революционной власти эта задача могла быть решена. Изжив свои специфические черты, Россия закончит свой процесс европеизации". Это и есть идеология сменовеховцев, это составляет суть коренной группы сменовеховцев.

Это самое вы найдете и у некоего Лежнева, который поместил статью в „Новой России". Он считает себя сторонником Советской власти. Между прочим этот Лежнев интересен тем, что он проболтал кое-что из того, что является сокровенной мыслью буржуазии. То, что у Бруцкуса и др. было на уме, то оказалось у Лежнева на языке. Он прямо и определенно ставит дело и договаривает то, чего не договорили некоторые сменовеховские буржуа: Мы должны стать субъектами нынешнего строительства. Входили же мы в Столыпинскую думу, мы должны входить и в советы, которые эмансипируются от коммунистической партии, для того, чтобы их завоевать. Он пытается даже цитировать слова тов. Ленина на последнем с'езде наших советов для того, чтобы опереться на них. Более того. Надо сказать, что эта нотка повторяется все чаще и чаще. Сложная административно-хозяйственная машина Советской власти за эти бурные годы износилась физически; ей нужен ремонт, и вот тут то,—говорит он, и наступает наше время. Конечно, в таких условиях коммунисты, при помощи одной переброски, которая до сих пор практиковалась, ничего не сделают. Это лишь паллиатив. Им необходимо освежение аппарата, причем освежение людьми свежего опыта и новой культуры. Раза два я уже слышал от выступающих довольно серьезных противников подчеркивание того, что мы за пять лет просто износились, и теперь нужны люди свежие, а свежих мало. Один из них даже прямо сказал в дискуссии: „свердловцы пока еще подрастают, старики изнашиваются, а вот мы готовы,—культура у нас есть. Они интеллигенты, и мы интеллигенты, почему же мы не можем теперь стать субъектами вместо об'ектов?

Все это переходные к сменовеховцам явления. Но я еще хочу в нескольких словах остановиться на самих сменовеховцах. Вы знаете, что сейчас принято представлять дело так, что сменовеховцы почти, что чуть ли не коммунисты. Наша печать в начале допустила в этом отношении некоторые частные ошибки.

Конечно, правильным было и остается правильным поддерживать ту часть буржуазии, которая по своему признает советскую власть, которая по своему хочет приложить свои силы,—пусть даже с известными задними мыслями,—к нашему хозяйственному строительству. Всякий, кто хочет помочь нам бороться с невежеством, кто хочет помочь, хотя бы в небольшой степени поднять наше хозяйство, всякий приветствуется и всякому такому мы должны сказать: честь и место. Но тем не менее мы должны трезво смотреть на то, что можно и чего не следует ждать от сменовеховцев. Было бы коренной ошибкой ждать от них, что они, действительно, в какой бы то ни было мере станут поддерживать коммунистическую партию.

Что же касается коренного вопроса, вопроса о судьбах НЭП'а о том, что будет в Советской стране в результате этого НЭП'а, в этом коренном вопросе сменовеховцы стоят за одно с меньшевиками и эсерами. Они убеждены, что вся эволюция сведется к тому, что постепенно будет опять буржуазная демократия и т. д. И наиболее умный их представитель Устрялов высказывает это с полной, неоставляющей желать большего, ясностью в „Альманахе Русской Жизни", он пишет: „Знаменитый НЭП, есть предвестие хозяйственного оздоровления страны. Он—компромисс идеальных достижений революции с реальным. Пусть многочисленны пороки его практического проведения в жизнь,—они не смогут уничтожить его внутреннего смысла, его исторической миссии.

Он приведет к окончательной и всецелой национализации революции, т.-е. опять-таки к неизбежному „возвращению потерянной России". Даже некоторые из его соратников спрашивают, что он понимает под потерянной Россией. Понимает ли он самодержавную Россию, о которой один из поэтов написал: „Хозяин вышел погулять, но хозяин скоро вернется?". Конечно, Устрялов так не понимает, он ждет буржуазного хозяина и на него надеется.

Такие же заявления вы найдете в целом ряде других статей сменовехов.

Теперь прошел уже год существования этого политического явления. Вы должны суметь посмотреть на него диалектически: да, оно было и остается фактом. Поскольку оно—не оголтелая звериная ненависть к рабочему классу, поскольку буржуазия переходит с прямых путей открытой гражданской войны против нас на известное сотрудничество, пусть даже с некоторой задней мыслью,—роль сменовеховцев была и остается крупной. Это мы должны видеть все.

В одном эсеровском журнале я читаю статью Лебедева об эмиграции. Статья крайне ценна по своему фактическому материалу, она указывает, что два миллиона человек, живущие там, действительно отражают все те направления контр-революции, которую мы видим внутри России. Теперь бы, пожалуй, не стоило большого труда добиться ускорения возвращения эмиграции в Россию. Вопрос только в том, так ли это необходимо сейчас.

Роль эмиграции, которая имеет значительное количество культурных сил, но удерживает их, не желая итти на работу, напоминает роль чехословацких легионов в деле построения Красной армии. Чехословаки подгоняли нас к строительству Красной армии. Так и с культурной работой. То обстоятельство, что мы видим со стороны эмигрантской интеллигенции стачку скрещенных рук,—мы, мол, остаемся там, непоможем вам обладаемыми знаниями, не дадим ничего вашей вшивой Советской стране,—может-быть, это поможет в том смысле, что подтолкнет нас скорее свое создать в этой области, как чехословацкие легионы подтолкнули создавать скорее Красную армию.

Вот в деле просвещения дифференциация сменовеховцев играет почтенную роль, но, вместе с тем, у сменовеховцев, которых многие считают чуть ли не большевиками, есть определенные буржуазно-республиканские ноты и вся их программа есть буржуазная программа. Они ждут восстановления буржуазной России и будут подстерегать нашу революцию в этом смысле на каждом углу. Это мы должны видеть и только тогда мы будем правильно поступать, когда, не отказываясь от сотрудничества, мы, вместе с тем, поставим воспитание собственной партии так, чтобы не было представления, что даже этот слой буржуазии примирился с коммунизмом.

Я хотел сказать два слова о кооперации. Мы говорили об этом довольно много и я подчеркнул здесь только самое необходимое. Мне сдается, что мы не дооценили роль кооперации, как базы антисоветских партий—конечно, в широком смысле этого слова. Меня убедила в этом речь тов. Осинского, который говорит, что у нас в сельскохозяйственной кооперации нет эс-эровской опасности. Как мог Осинский сделать такую ошибку? Мне кажется, это не индивидуальная ошибка Осинского, но доказательство того, что все мы, как партия, еще недостаточно внимания уделили этому новому повороту событий, тому, что есть нового в политике, тем новым формам борьбы меньшевиков и эс-эров и вообще антисоветских сил.

Конечно, мы должны подходить к вопросу кооперации с точки зрения хозяйственной. Российская Коммунистическая Партия не только не откажется помочь кооперации, а отдаст все силы, чтоб ее поднять до наивысшей мощи, чтоб все силы государственного аппарата пришли ей на помощь. Это наш долг, это необходимо для Советской страны. Но мы должны видеть и политическую сторону. Вот я укажу цифры. Первый Всероссийский С'езд сельско-хозяйственной кооперации прошлым летом, правда, не полный, правда, мы тогда еще меньше обращали внимания на нее, чем сейчас, что облегчило борьбу нашим противникам. Из 84-х делегатов с решающим голосом было 32 эс-эра, 25 кадетов и монархистов, 21—беспартийных и невыясненных и два коммуниста. Здесь Осинский тоже может говорить, что дело обстоит хорошо. За текущий год мы неособенно продвинулись вперед. Мы имеем данные, что на кооперативных с'ездах происходит борьба между эс-эровским и кадетским блоком, а мы почти отсутствуем.

Мы в сельско-хозяйственной кооперации еще очень слабы. Об этом надо говорить, об этом надо кричать, партия это должна знать.

То же самое с промысловой кооперацией.

Предо мною две в высшей степени интересные книги заграничного издания Тотомянца и Орлова. О Тотомянце не буду много говорить, скажу только, что этот чудак доказывал, что следующий этап эволюции большевиков—это переход от государственного социализма или коммунизма к кооперативизму и т. д. Одним словом, по Тотомянцу, мы эволюционируем к кооперативизму. Куда только мы не эволюционируем с точки зрения наших врагов, хотя мы, как будто бы в общем и целом остаемся на своем месте.

Орлов—организатор контр-революционной кооперации, всем вам хорошо известный,—написал книжку под заглавием „Начало возрождения кооперации в России", только что вышедшую в Лондоне в издании Об'единенных комитетов русских кооперативных организаций в Англии.

Из этих книжек становится ясно, как они оценивают положение. В потребительской кооперации,—говорит Орлов,—коммунисты имеют солидную позицию. В потребительской кооперации не так легко будет с ними бороться. В ней они будут опираться на рабочих. Другое дело—сельско-хозяйственная кооперация. О ней он говорит определенно:—это наша... Выбрали правление из 9 членов и Совет из 13 членов, потом ввели, как представителей власти, 2—3 коммунистов. Большинство членов Правления Совета состоит, поэтому, из лиц хорошо известных старой кооперативной России.

Товарищи! Они известны не только старой кооперативной России. Они хорошо известны старой рабочей России. Только мы знаем их в роли поставщиков Чайковских. Мы знаем роль сибирских маслоделов, которые два миллиона дали Колчаку на организацию белой армии.

Таким образом, на этот счет строить какие-либо иллюзии было бы большой ошибкой. При нынешнем переплете социальных сил, сельско-хозяйственная кооперация невольно может стать той ячейкой, где найдет приложение вторая тактика эсэров и меньшевиков—врастание, что является наиболее опасной.

Мы это должны ясно видеть.

Я, конечно, не хочу сказать—долой кооперацию, или давайте применять хирургию к кооперации. Прав был тов. Осинский,—и тут мы все сойдемся,—когда заявлял, что завоевать кооперацию, просто путем репрессий нельзя.

Вообще, мои тезисы никто не должен рассматривать, как идеологию репрессий. Теперь не 18-й год. Дело сложнее; переплет поинтереснее; одними репрессиями невозможно ничего добиться. Конечно, 9/10 деловой работы сводится к тому, чтобы дать лучших работников, чтобы они научились в построении настоящей кооперации и т. д. Вместе с тем необходимо ясно видеть.

Вот они, эти потенциальные об'екты эсэров и меньшевиков, возможный источник сил и энергии. Вот они-эти общественные с'езды буржуазно-демократической интеллигенции, вот она буржуазная литература, которая высунулась чуть-чуть на поверхность, вот высшая школа. Я назвал эти 4 отрасли нашей теперешней общественной жизни, наиболее важные в нынешней обстановке, в нынешнем этапе нашей революции, могущие стать исторической базой анти-советских партий, партий, которые пока стихийно, а потом сознательно придут

к политике тихой сапы, политике использования нашей советской легальности, которая нам нужна, которую мы строим, но которую мы вместе с тем будем всячески исследовать и принимать все меры предосторожности.

Меньшевики и эсэры говорят—при Столыпине это было, почему этого не может быть сейчас? Они маленького не видят. Они не видят, что у власти стоит партия рабочего класса, вооруженная методом марксизма. Метод этот дает возможность видеть события даже тогда, когда они только зарождаются, когда мы видим только первоначальную тенденцию. Несколько вульгарно выражаясь, можно сказать, что с помощью правильного метода марксизма мы сможем видеть на несколько верст под землей.

В чем заключается наша задача? Наша задача заключается в том, чтобы все это увидеть, чтобы принять контр-меры, чтобы обратить на это внимание рабочего класса.

Но что для этого нам нужно? Прежде всего, революции необходимо ясное сознание проходящих этапов. Необходимо, чтобы партия наша сознавала, что революция еще находится в опасности, и в каком смысле она находится в опасности. События в Гааге показали эти опасности. Там капитал грубо пред'явил нам векселя почти полной реставрации. До процесса эсэров мы сами не знали даже, мы лишь поверхностью подозревали о том, что представляет из себя работа партии эсэров. Мы даже не могли знать, что это настолько просто, настолько грубо, что Центральный комитет партии эсэров нанимается к министру Бриану или министру Бенешу; связь между партией эсэров и международной реакцией доказана теперь вполне. В этом смысле революция продолжает быть в опасности. Этапы, которые проходит Советская Россия, чреваты этими опасностями.

Смысл первой нашей задачи заключается в том, чтобы мы эту опасность сознали, чтобы у нас не было преувеличенного представления о своей крепости. Мне кажутся знаменательными выступления Горького, Анатоля Франса, и вообще некоторых наших друзей или полудрузей, которые заявляют о том, что мы настолько крепки, что нам нечего бояться противников. У нас есть противники, которые отстраняются от нас, когда считают нас слабыми, и имеются полудрузья, которые выступают против нас, когда им кажется, что мы слишком сильны. Многим кажется, что все споры теперь окончены, что можно всех помиловать и погладить по головке. Поэтому теперь наступает необходимость, в связи с общим положением, в связи с событиями в Гааге, проникнуться сознанием, что революция еще находится в опасности, что возможны еще всякие реприманды, вплоть до интервенции, и что международный капитал будет пытаться, при поддержке иностранной силы, взять нас руками капиталистов, возвращением им частной собственности. Вот то, что нам нужно видеть. Здесь должны быть новые формы работы.

Выступления наших врагов заметны не только в Москве и Петрограде, но и в каждой губернии. В одном случае это не так ясно, в другом не такие известные имена, вы не можете столкнуться с резолюциями с'ездов, с большими журналами, но всюду вы увидите попытку обойти нас с тыла. Это надо сознавать.

Необходима ударная работа в тех отраслях, которые являются потенциальными источниками враждебных нам сил. Наша партия была всегда ударной. Наступил момент, когда мы должны понять, что ударными отраслями работы является кооперация, затем—высшая школа, литература. В этой области наша партия должна проделать сейчас ударную работу. Само собой понятно, что бороться против буржуазной литературы одними репрессиями нельзя. Таким путем мы многого не добьемся. Жажда знаний возникла и в среде рабочих и в среде крестьянства. Она должна была проснуться и следует отметить, что эта жажда знаний громадная сила.

И уж конечно не мы—вожди революции—будем поворачиваться спиной к этому движению. Тут дело не в том, чтобы говорить, что вся профессура контр-революционна, что литература контр-революционна, и что врачи тоже контр-революционеры. Наборот. Та жажда знания, которая сейчас просыпается и которая может быть могучим фактором, она есть результат революции; это новый фактор, которому партия должна пойти навстречу.

Дальше нам необходимо крайне дифференцированное отношение к нашим противникам, т.-е. умение различать их. Нам на это скажут грубо: вы их расколоть хотите. Гоц на процессе заявил, что ни одна партия не производила столько расколов среди партийных группировок, как партия большевиков. Всякий, кто к ней приближался, тот политически погиб. Он этим невольно отдал дань силе и сплоченности нашей партии. Но, конечно, мы знаем, что противники будут истолковывать нашу политику, как политику хитрого раскола и т. д. Нет, скажем мы. Тут дело идет о целом ряде общественных расслоений. Происходит большая расслойка. Мы не должны теперь смешивать все, от мала до велика, политические группировки и течения, не должны говорить, что все кошки серы, что вся интеллигенция контр-революционна, что все врачи против нас, что все профессора, все писатели против нас, и т. д. Это далеко не так. Громадная могучая революция, когда она входит в полосу реальных достижений своих завоеваний, не может не привлечь к себе значительную часть того, что есть лучшего в этих слоях. И мы будем их привлекать. Здесь все дело в том, чтобы мы сумели присмотреться и прислушаться внимательнее не только к каждой отдельной группе, но к каждой отдельной личности: по-товарищески подходить к ним, оказывать им поддержку и понимать, что это неизбежно, что таким путем необходимо удовлетворить культурным потребностям страны, вызванным революцией. Это есть важнейшая задача партии.

Если мы сейчас начнем с чисто большевистской основательностью изучать каждую группу, каждый журнал от уезда до столицы, если мы будем чутко прислушиваться к тому, что делалось, то мы пойдем навстречу насущным потребностям и выполним нашу задачу.

Может быть вы вспомните о так называемом „Прокукише", т.-е. о Всероссийском комитете помощи голодающим. Это была первая ласточка этой „общественной весны" и, вместе с тем, это была первая попытка меньшевиствующих элементов использовать эту организацию против нас. Но мы сумели взять от них для помощи голодающим все, что можно было, и когда обнаружилось, что часть этой организации хочет

упорно продолжать контр-революционную тактику, мы применили к ней свои меры. А когда госпожа Кускова прибыла в Берлин, она защищала на-половину советскую Россию, когда увидела, как ее изображает тамошняя белогвардейская пресса.

Нам необходимо не суммарное, не суздальское отношение к этим группам. Нам необходима строжайшая товарищеская поддержка всех тех начинаний, всех тех групп, всех тех отдельных лиц, которые действительно показывают, что они искренно хотят помочь Советской стране, которые поняли, хотя бы в самых грубых чертах, значение советского переворота.

Говорить об этом в 1918 г. было бы смешно. Говорить об этом в начале 1921 г. было бы бесполезно, а к концу 1922 года, к дню пятилетия нашей революции об этом нужно говорить. Это новая политическая задача. И только в порядке очередности, в комбинации с ней, имеет значение репрессия.

Что мы отказываемся от репрессий, мы ни в каком случае, конечно, говорить не можем и говорить не должны. К нам тоже применяли репрессии меньшевики и эс-эры, но эти репрессии не добили нас. Почему? Да потому, что мы выражали лучше всех, назревшие и почти осознанные интересы рабочего класса и части крестьянства. Жизнь была за нас. Мы выражали то, что созревало в стране. Поэтому репрессия по отношению к нам не добила, а помогла нам. А наши репрессии, почему они уничтожают меньшевиков и эсэров? Потому что они представляют собою вчерашний день революции. Когда головни догорают, попытайтесь затоптать их сапогом и вы заглушите их совсем. Но когда пламя вспыхивает и когда меньшевики и эсэры дуют на него, как это было в июльские дни, это пламя еще больше разгорается. Вот почему мы не думаем отказываться от репрессий. Но они должны занять не то место теперь, какое занимали в эпоху военного коммунизма. Мы умели прибегать к решительным мерам в разгар гражданской войны. Теперь мы можем прибегать и к более сложным, не таким грубым мерам.

Вот предо мною книга меньшевиствующего профессора Тахтарева „Общество и его механизм". Книжка, в общем, довольно глупая; смесь бернштейньянства, толстовства. Есть и от Ковалевского в социологии и т. д. Но даже и он понял, что такое партия, как образуется государство, какую роль при этом играет насилие. Он понял. Потому что слишком наглядно происходило дело за эти последние пять лет. Вот что он пишет о репрессиях: „Чтобы уничтожить партию, нужно уничтожить не столько самые общественные группы, организующиеся партийным образом, сколько дезорганизовать и разрушить ту партийную машину, которая представляет собой внутренний, двигающий механизм любой партии. Разрушение этого механизма лишает партию всякой силы и способности к проявлению себя в действиях практически уничтожает ее дееспособность". И он описывает подробно механизм партии. Он говорит, что партия требует руководителей, деятелей, исполнителей директив, указаний, агентов и т. д. и т. д. одним словом Оргбюро.

Мы, конечно, никогда не стремились к тому, чтобы уничтожить общественную группу, на которую опирались эсэры. Это смешно было

бы и думать. Конечно, эсэры опирались на крестьянство. Разве мы можем говорить о том, что нужно уничтожить крестьянство? Нисколько. Поэтому мы должны перейти к системе комбинированных мер, когда, осознав все положение, мы сумеем привлечь все то, что может перейти на сторону Советской власти. Когда мы будем работать в этих четырех отраслях работы, о которых я уже говорил; если мы бросим на эту работу достаточное количество сил; если мы уделим достаточно ей внимания; если мы затем пойдем навстречу этой громадной пробуждающейся жажде знания, которая имеется в нашей стране в нынешней полосе революции; если мы сумеем шаг за шагом в этой полосе работать и если мы рядом с этим будем делать то, что ясно выражено у Тахтарева по отношению к нашим врагам, по отношению к врагам рабочего класса и Советской стране,—тогда будет действительно настоящее применение марксистского метода. Вот те практические предложения, которые я имею сделать.

Теперь несколько слов, касающихся наших внутренних отношений. Для того, чтобы провести предложенную тактику, которая требует, конечно, громадной массы усилий и комбинированных действий, для этого необходима одна предпосылка:—необходима предпосылка внутрипартийная. Необходимо прежде всего серьезное, правильное, ясное и здоровое отношение к НЭП'у. Все то, о чем я говорил, осью всего является НЭП, все вертится вокруг НЭП'а. Он создает для буржуазии обстановку, дает почву для легальной литературы, выдвигает настоящую роль кооперации высшей школы и пр. и пр. Для того, чтобы мы могли проделать всю работу в новой обстановке; для того, чтобы мы могли в короткий срок решить задачу политической ликвидации наших противников,—для этого нужно более цельное отношение к НЭП'у чем было до сих пор.

Год тому назад было почти полное непонимание НЭП'а, а теперь мы сделали громадный шаг вперед. Но и сейчас нельзя сказать, что есть цельное и ясное отношение к НЭП'у в партии. В своих тезисах я употребляю следующее выражение, которое, может быть, годится только для внутреннего употребления. Я говорю так: мне сдается, если посмотреть на то, что делается у нас в партии, можно отметить, что есть в ней группа, которую можно назвать „партийными праведниками", которые по отношению к НЭП'у говорят: миновала бы нас эта чаша, подальше бы от этого НЭП'а, мало в нем коммунизма, и откуда это свалилось, лучше бы нам не пачкать руки и т. д. И рядом с этими товарищами есть группа, которую я назвал, не знаю удачно, или нет, для вежливости „чрезмерными реалистами" в кавычках, эти товарищи—в упоении от НЭП'а и считают, что свалилось то, что они ожидали. И они часто забывают, что мы смотрим на НЭП, как на известный исторический период. Последняя группа—„группа реалистов"—слишком припала к чаше НЭП'а.

Я думаю, что эти два уклонения существуют. Когда были прения о профсоюзах, о кооперации, мы слышали это в прозаических терминах: „отрыв хозяйственников от партии, от профсоюзов" и наоборот. Я считаю абсолютно-неправильной тенденцию, которая просачивается в профсоюзах, чтобы в правление профсоюзов не выбирать хозяйственников-коммунистов. Этого делать нельзя. Мы узаконим деление, кото-

рое чревато громадными опасностями. Хозяйственники ведут преступную политику, когда говорят рабочим приходящим к ним с требованием увеличения заработной платы: я бы увеличил, но Советская власть столько налогов наложила, что я платить не могу. И профессионалист говорит: я стою за тебя, но хозяйственник не дает. Эти явления не так, чтобы смертельны, но их надо видеть и тогда мы их поборем.

Тем белоручкам, которые говорят: откуда взялся этот НЭП, лучше миновал бы он нас, надо знать, что НЭП—не наносное явление, он не с неба свалился, НЭП—это этап в истории русской революции, продиктованный всем соотношением сил не только в нашей стране, но и на международной арене. Наши товарищи-практики должны это тоже понять. Из-за чрезмерного реализма они могут оторваться от партии или от профессиональной организации. Такой отрыв чреват громадными опасностями. И в той, и в другой области надо преодолеть стоящие перед нами трудности. Конечно, легко сказать—преодолеть, когда в живой жизни, на каждом шагу мы наталкиваемся на них. Но нам надо ясно видеть эту задачу.

Должен еще сказать, товарищи, о наших маневрирующих меньшевиках и эсэрах, которые еще не избрали путь врастания, но которые к нему идут.

У них главный расчет на то, что происходит внутри нашей партии. Они все еще продолжают надеяться, что, может быть, отсюда будет что-нибудь для них выгодное. В последнем номере „Социалистического Вестника“ и Мартов и Дан заявляют, что „настоящие социалисты в рядах РКП в последнюю минуту поймут и т. д.“ О рабочей оппозиции Мартов пишет: „Только когда, находящаяся сейчас в рядах большевистской партии, часть рабочего класса откристаллизуется в отдельную—хотя бы утопическо-коммунистическую,—но пролетарски-классовую партию, вопрос об едином пролетарском фронте в России примет тот же вид, что и везде“. Другими словами, по Мартову, рабочая оппозиция, пусть это будут утописты, синдикалисты, но пусть она хоть что-либо образует. Более того, орган Струве, который я вам цитировал, тоже занимается этим вопросом. Торговый комитет, сидящий в Париже, называет рабочую оппозицию революционным движением внутри коммунистической партии. Он говорит, что в этом недоверии нынешней нашей политике есть вполне здравый инстинкт рабочих. По их мнению, примитивный рабочий, который не видит дальше своего пятачка, который образует свою утопическо-синдикалистскую партию, это тип революционного праведника. Рядом с ним они ставят чрезмерного реалиста НЭП'а. Они считают это явление неизбежным в тех условиях, в которых мы находимся.

Наши враги возлагают на это большие надежды. Мартов в последнем номере „Социалистического Вестника“ пишет статью под заглавием „Проблема единого фронта в России“. Я давно не читал таких спокойных социологических обобщений, которые дает в этой статье Мартов Тут есть идея меньшевизма в чистом виде. Мартов говорит о том, что такое „единый фронт“. В Западной Европе единый фронт—это об'единение всех рабочих партий. В России—это об'единение рабочего класса и крестьян. Возможно ли оно? Возможно. Каким образом? При об'единении большевиков и эсеров..., потому что большеви-

ки и эсеры одинаково связаны с мелкой буржуазией, с той только разницей, что большевики больше связаны с пролетарской частью, а эсеры наоборот. А мы, меньшевики, чистая рабочая партия. Конечно мы в меньшинстве, но всем умным людям так на роду написано. Далее об об'единении эсеров и большевиков Мартов говорит: „Исторический момент, переживаемый ныне страной, делает об'ективно возможно сближение двух далекоразошедшихся флангов одного, по существу, класса. На одном полюсе выветрились иллюзии коммунизма, на другом—иллюзии интервенции, вооруженного свержения большевизма, при содействии, или путем „использования“ недемократических сил.

И вот тепер как раз настал момент для об'единения.

У Мартова сейчас происходит совещание с эсерами под председательством Дана и потом мы не удивимся, если узнаем, что эта теория является плодом коллективного творчества Мартова, Дана и Чернова.

Вот как представляется меньшевизм в чистом виде. Вот как думает Мартов, приходя к выводу, что свергнуть нас дело не простое и обойти с тыла тоже не легко. Но, само собой разумеется, что это не наша дорога. Мы знаем, что НЭП,—как историческая эпоха,—чревата опасностями. При НЭП'е наши враги могут опереться на те или иные слои. Мы знаем, что рабочий класс распылен, но мы также знаем что у нас первый урожайный год после гражданской войны, и мы уверены, что на своем пути мы получим полную победу.

Я слышал от ответственнейших руководителей, вовсе не от оптимистов, что у нас дела не только начинают поправляться, но даже поправились на местах. Конечно, не надо обольщаться этими надеждами, прорех у нас масса. Мы недавно обсуждали проект о том, что надо воссоздавать города в Советской России, и это не один, не два города. Но ясное дело, что у нас первые победы в этой области уже одержаны. Что нам нужно, что все решает,—так это положение внутри партии. С каких бы самых отдаленных вещей ни начинать—приходишь к тому, что здесь узел, и это отлично понимают и российский финансово-промышленный комитет в Париже, и наши враги из лагера эсеров и меньшевиков в России и 2 и $2^1/_2$ Интернационала. Если внутри нашей партии будет правильное понимание НЭП'а, если партия будет правильно применять все средства, если мы, вооруженные методом марксизма, сумеем его применять так, чтобы и в 1922 г. двигаться вперед, тогда наша задача будет полностью разрешена. *(Аплодисменты)!*

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ДОКЛАДУ тов. ЗИНОВЬЕВА ОБ АНТИСОВЕТСКИХ ПАРТИЯХ и ТЕЧЕНИЯХ.

1. Подводя итоги первому году существования Советской власти в условиях новой экономической политики, Р. К. П. не может не обратить самого пристального внимания на то, какие новые группировки и перегруппировки образуются в антисоветском лагере, как эволюционирует и изменяется в связи с новой полосой революции тактика антисоветских партий, течений и т. п.

2. В общем и целом за последний год в антисоветском лагере обнаруживается начало серьезного расслоения. Раскол кадетской партии на правых и левых кадетов и образование, в связи с этим, двух отдельных кадетских центров за грани-

цей, появление сменовеховского течения среди определенной части буржуазии, начавшийся глубокий раскол церкви, чреватый серьезнейшими последствиями, разделение меньшевиков и эсеров на ряд новых групп и подгрупп (левые эсеры раскололись на две группы, в лагере правых эсеров, на ряду с прежними группировками, определилась архи-правая группа Авксентьева, Керенского, Минора, Бунакова; в лагере выделилась справа группа «Заря» за границей, и «внепартийная группа с.-д. в России», и намечается группа, критикующая меньшевистский центр «слева»), усиление дифференциации среди студенчества в России и даже среди эмигрантской части студенчества, усиливающаяся дифференциация среди верхов бывшего белогвардейского генералитета—все это, вместе взятое, является симптомом ослабления антисоветского лагеря и косвенным подтверждением упрочения наших позиций.

3. Но в то же время первый же год существования Советской власти в условиях новой экономической политики принес с собою новые опасные явления, которые необходимо учесть. Антисоветские партии и течения частично меняют тактику: они пытаются использовать советскую легальность в своих контр-революционных интересах и держат курс на «врастание» в советский режим, который они надеются постепенно изменить в духе буржуазной демократии, и который, по их расчетам, сам идет к неизбежному буржуазному перерождению.

Все указанные процессы распада разложения и перегруппировок в антисоветском лагере питаются не только уже давно обозначившимся отслоением некоторых групп буржуазной интеллигенции от старого блока генеральско-помещичьего крепостничества с крупной капиталистической буржуазией, но и процессом частичного восстановления капитализма в рамках Советского государства, порождающего рост элементов так называемой «новой буржуазии» (торговцы, частные арендаторы, различные свободные профессии в городе и в деревне, деревенское кулачество и т. д.).

4. Первый год существования Советской власти в условиях новой экономической политики, совпавший с тягчайшим голодом, с усилением международной капиталистической реакции, с пред'явлением Советскому государству груборесставраторских требований от капиталистов и правительств Антанты (Генуя, Гаага), подтолкнул на усиленную контр-революционную работу не только меньшевиков и эсеров, но и политиканскую верхушку мнимо-беспартийной буржуазной интеллигенции. Опыт пресловутого всероссийского общественного комитета помощи голодающим («Прокукиш»), попытавшегося использовать легальную организацию помощи голодающим для целей контр-революции, был только первым шагом. На всероссийском с'езде врачей (май 1922 г.), на агрономическом с'езде, на с'езде сельско-хозяйственной кооперации мы видели то же самое. Политиканствующие эсеро-меньшевистские или мнимо-беспартийные буржуазные интеллигентские верхи пытались все эти с'езды использовать в интересах контр-революции.

5. Начало новой экономической политики вызвало было у меньшевиков и эсеров надежду на капитуляцию Р. К. П. и установление «демократической» коалиционной власти. Но по мере того, как все эти надежды оказывались иллюзорными, меньшевики и эсеры все больше впадали и впадают в авантюризм. С одной стороны, верхи меньшевиков и эсеров заняли позицию крикливой «непримиримости» и пытаются организовать движение против Советской власти, критикуя ее с точки зрения лозунгов и надежд самой октябрьской революции, фальшиво изображая свои партии, как единственные в нынешний момент организации, готовые бороться за реальное проведение требований, выдвинутых массами в годы высочайшего под'ема пролетарской революции. Этого рода агитация эсеров и меньшевиков не имеет и не может иметь серьезного успеха в массах, в виду ее слишком очевидной фальши и в виду того, что среди самых широких масс трудящихся, опыт нескольких лет гражданской войны породил достаточно реалистическое отношение к тому, что выполнимо и что невыполнимо в переживаемое время. Этого рода агитация эсеров и меньшевиков является только косвенной данью идеям большевизма, подтверждая громадную обаятельность наших лозунгов среди трудящегося населения, этого рода агитация в конечном итоге, обернется против эсеров и меньшевиков. По мере того,

как общее улучшение обстановки поможет нам ускорить практическое выполнение положительной программы октябрьской революции, для самых широких масс все яснее обрисуется предательская роль эсеров и меньшевиков, на деле все время мешавших претворению этой программы в жизнь.

Но, с другой стороны, те же эсеры и меньшевики пытаются использовать легальные возможности советского строя и выдвигают Советской власти частичные требования. Легальные с'езды и «общественные» организации вышеуказанного характера служат для эсеров и меньшевиков, а также для других контр-революционных групп и течений, вплоть до конституционно-монархических, ареной для проведения этой последней тактики «использования легальных советских возможностей».

6. В особенности, антисоветские партии и течения пытаются использовать кооперацию.

Р. К. П. может и должна всеми силами помочь возрождению кооперации и укреплению ее хозяйственной мощи. Но Р. К. П. вместе с тем не должна ни на минуту закрывать глаза на то, что контр-революционные партии и течения, пренебрегая коренными интересами кооперации, пытаются превратить эту последнюю в оплот и организационную базу контр-революции. На «всероссийском с'езде (25 губ.) верхов сельско-хозяйственной кооперации, происходившем летом прошлого года, за большинство боролись только две группы: одна—эсеровская, другая—конституционно-монархическая. И, в конце-концов, обе эти группы образовали единый блок. Приблизительно такое же положение вещей до самого недавнего времени существовало в кустарно-промысловой кооперации.

Антисоветские партии и течения систематически пытаются превратить сельско-хозяйственную кооперацию в орудие кулацкой контр-революции, кафедру высших учебных заведений—в трибуну неприкрытой буржуазной пропаганды, легальное издательство—в средство агитации против рабоче-крестьянской власти и т. п.

Особенное внимание в этом отношении должно быть обращено на деревню, где на почве нэп'а и развития кулачества, ставящего в зависимость от себя деревенскую интеллигенцию, антисоветские элементы стремятся не только проникнуть в кооперацию, но и провести свое влияние в сельсоветах и волисполкомах.

7. Так-называемое сменовеховское течение до сих пор играло и еще может играть об'ективно прогрессивную роль. Оно сплачивало и сплачивает те группы эмиграции и русской интеллигенции, которые «примирились» с Советской властью и готовы работать с ней для возрождения страны. Постольку сменовеховское направление заслуживало и заслуживает положительного отношения. Но вместе с тем нельзя ни на одну минуту забывать, что и в сменовеховском течении сильны буржуазно-реставраторские тенденции, что сменовеховцам обща с меньшевиками и эсерами та надежда, что после экономических уступок придут политические в сторону буржуазной демократии и т. п.

Все вышесказанное выдвигает перед РКП следующие задачи.

А) Партия должна твердо помнить и систематически напоминать об этом всему рабочему классу и крестьянству, что революция и в самом непосредственном смысле все еще находится в опасности. Источник Гааги показал это с достаточной убедительностью. Та или другая, но всегда и неизменно достаточно тесная связь между интернациональной капиталистической реакцией и русскими антисоветскими партиями и течениями остается. Ход и перипетии эсеровского процесса показали, что эта связь внутренней контр-революции с иностранным капиталом достаточно прочна и отнюдь не только платонична. Антисоветские партии и течения еще не раздавлены. Они меняют тактику и, приспособляясь к новым условиям, стремятся, опираясь на европейскую капиталистическую реакцию, обойти Советскую власть с тыла.

Б) В ближайшее время партия должна обратить особенно серьезное внимание на те формы организации и общественной жизни, которые являются для антисоветских партий и течений наиболее доступной ареной влияния. Таковы: всех видов

кооперация (в особенности, сельско-хозяйственная кооперация, труд-союзы и т. п.) высшая, средняя, и низшая школы, профсоюзы (особенно, непроизводственные и не чисто пролетарские по своему составу), культурно-просветительное движение молодежи, спилки - на Украине, издательское дело и т. п. Партийные организации должны суметь сейчас уделить максимальное количество внимания и сил указанной работе, чтобы лишить антисоветские группы всякого влияния и тем в корне уничтожить возможную опору их существования. Печать, высшая школа, кооперация—все это тоже «командующие высоты», которые партия обязательно должна удержать или завоевать. Умение РКП концентрировать внимание на очередной ударной задаче всегда являлось самой сильной стороной нашей партии. При правильной тактике РКП может в этом случае в сравнительно короткий срок окончательно ликвидировать партии эсеров и меньшевиков, как политические факторы.

В) Опираясь на начавшийся процесс расслоения среди антисоветских групп, наши партийные организации должны суметь серьезным деловым образом подойти к каждой группе, прежде враждебной Советской власти и ныне, обнаружившей хотя бы малейшее искреннее желание действительно помочь рабочему классу и крестьянству в деле восстановления хозяйства, поднятия культурного уровня населения и т. п. Более чем когда бы то ни было, партийным организациям в настоящее время необходимо проявить дифференцированное отношение к каждой отдельной группе (или даже отдельному лицу) представителей науки, техники, медицины, педагогики и пр., и т. п. По отношению к действительно беспартийным элементам из среды представителей техники и науки, учительства, писателей, поэтов и т. д., которые хотя бы в самых основных чертах поняли действительный смысл совершившегося великого переворота, необходима систематическая поддержка и деловое сотрудничество.

Партия должна делать все, что от нее зависит, для того, чтобы помочь кристаллизации тех течений и групп, которые обнаруживают действительное желание помочь рабоче-крестьянскому государству. Начиная от столицы и кончая уездным городом, партия должна терпеливо, систематически и настойчиво проводить именно эту линию для того, чтобы облегчить указанным элементам переход к сотрудничеству с Советской властью.

1) Партия должна со своей стороны сделать все возможное для удовлетворения быстрого роста культурных потребностей и пробудившейся в народе громадной жажды знания. Этот рост культурных потребностей и жажда знания являются характернейшим признаком данного этапа революции, наряду со стремлением широких кругов населения прочно закрепить завоевания революции, установить революционный порядок и реально повысить свой уровень жизни. В меру того, как партия поможет Советскому государству удовлетворить эти потребности, антисоветские партии и течения окончательно потеряют под собою всякую почву. Ускоренная и усиленная подготовка свежих кадров работников для всех отраслей государственного строительства из среды РКП и РКСМ, систематическое развитие и улучшение просветительновоспитательной работы партии над своими собственными членами являются в связи с этим самыми насущными партийными задачами.

Д) Буржуазному влиянию необходимо противопоставить целую систему мер пропагандистско-агитационного порядка. Необходимо направить все усилия на идейное укрепление пролетарского ядра нашей партии, приблизив партийно-воспитательную работу к фабрично-заводским коллективам и привлекая к ней советских, хозяйственных и профессиональных ответственных работников (марксистские кружки, клубы и пр.). Точно так-же необходимо поставить своей задачей усвоение деревенскими коммунистами правильного понимания взаимоотношений между городом и деревней в условиях пролетарской революции.

Как на ближайшие практические задачи, необходимо указать на слудующее:

а) Надо поднять работу научно-коммунистической мысли, дабы иметь возможность организованно вести линию «воинствующего материализма» и всей идеологии революционного марксизма (оживление работы социалистической академии, научных

кафедр коммунистических университетов, работа по завоеванию ученых органов при советских университетах и т. п.);

б) поскольку громадную роль в деле борьбы с буржуазными влияниями должна сыграть советско-партийная журналистика, нужно организовывать это дело в известной степени по единому плану, дав туда силы и средства;

в) принять все меры к улучшению в текущем учебном году учебной части в партийных школах высшего типа и радикальному повышению их материального положения;

г) напрячь все силы на повышение политического уровня рядовых членов партии;

д) для об'единения деятельности марксистских кружков необходимо создавать при губкомах пропагандистские коллегии и постоянные пропагандистские совещания, в сферу влияния которых включить кружковую работу; необходимо обратить сугубое внимание на снабжение марксистских кружков соответствующей литературой;

е) агитпропагандистскому отделу ЦК указать на срочную необходимость разработки ряда мер просветительной работы в деревне, приспособив ее к обстановке переживаемого момента.

Е) Вместе с тем нельзя отказаться и от применения репрессий не только по отношению к эсерам и меньшевикам, но и по отношению к политиканствующим верхушкам мнимо-беспартийной, буржуазно-демократической интеллигенции, которая в своих контр-революционных целях злоупотребляет коренными интересами целых корпораций, и для которых подлинные интересы науки, техники, педагогики, кооперации и т. д. являются только пустым словом, политическим прикрытием.

Репрессии, которые неизбежно, не достигают цели, будучи направлены против поднимающегося класса (как, например, в свое время репрессии эсеров и меньшевиков против нас), диктуются революционной целесообразностью, когда дело идет о подавлении тех отживающих групп, которые пытаются захватить старые, отвоеванные у них пролетариатом позиции. Однако, партийные организации не должны переоценивать роли репрессий и должны твердо памятовать, что только в сочетании со всеми остальными вышеуказанными мерами репрессии будут достигать цели.

ВОЗРОЖДЕНИЕ БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ и ЗАДАЧИ АГИТПРОПРАБОТЫ.

I.

После XI партс'езда прошло четыре месяца, срок еще не настолько большой, чтобы партия могла „похвастаться" значительными достижениями в деле осуществления директив, преподанных с'ездом.

Поэтому для настоящего периода самой главной ближайшей задачей в области агитпропработы является настойчивое проведение с'ездовских постановлений, изложенных в резолюции о печати и пропаганде. Если партия к XII с'езду найдет силы, средства и уменье провести директивы этой резолюции, то дело коммунистического просвещения и укрепления наших партийных позиций в рабоче-крестьянских массах будет двинуто, как никогда, вперед.

XI парт'езд выдвинул на первую очередь задачу *углубления агитационной и пропагандистской работы*. Сделал он это, исходя, между прочим, из учета того, что „на основе роста капиталистических отношений неизбежно усиление буржуазного влияния не только на мелкобуржуазные слои населения, но даже и на наиболее отсталую часть пролетариата".

Резко и определенно формулируется эта опасность и товарищами с мест. Вот, например, что читаем мы в органе Волынского губкома (№ 5—6, апрель—май т. г.): „Мы наблюдаем уже в настоящее время целый ряд случаев, когда буржуазная литература скрыто или открыто, под разными видами существует во многих городах. И нужно признаться, что эта литература подчас вытесняет нашу, что она проникает не только в массы мелкой буржуазии, но и в среду наиболее отсталой части пролетариата“ (стр. 22). К сожалению, автор этого утверждения не указывает конкретно, о какой именно литературе идет речь, но его заявление показательно и достойно всяческого внимания. Мы знаем, какая „литература“ в Петербурге, Москве и других крупных центрах выбрасывается на рынок. Она, конечно, непосредственно не достигает масс пролетариата и крестьянства, но свое влияние она оказывает на широкую аудиторию наших учебных заведений, служит лабораторией выработки идеологии самых разнообразных буржуазных элементов, расходится по различным группам советской интеллигенции, создает в „обществе“ соответствующую или, вернее, весьма „несоответствующую“ нашим намерениям „атмосферу“, которая через тысячи каналов проникает дальше, в толщу масс населения.

Несколькими примерами иллюстрируем наши положения.

Всем и каждому известно, какая профессура преподает общественные науки с кафедр наших университетов. Недавно тов. Покровский дал рецензию (в № 3 „Под знаменем Марксизма“) на брошюру „всем известного университетского историка“ проф. Виппера „Кризис исторической науки“, изданную, кстати сказать, Госиздатом, в которой категорически утверждается, что „общественное мнение перешло от воззрения *материалистического к идеалистическому*“ (цит. по рецензии), и преподается такая „философия истории“ русской революции, от которой юным мозгам весьма не поздоровится. Это было, как отмечает М. Н. Покровский, в конце 1920 г. (брошюра издана в 1921 г.), а что, спрашивается, имеем мы в настоящее время при уже развернувшейся НЭП, при наростании буржуазной идеологии и мелкобуржуазных настроений; насколько повышается при нынешних-то условиях тяга к подобным „теориям“ и отзывчивость на них аудитории.

Вот вам еще один образчик. Это статья проф. П. А. Сорокина „Голод и и идеология“ (см. № 4—5 „Экономиста“, изд. 1922 г.). В ней исследуется связь между „идеологией“ и колебанием кривой питания, при чем, между прочим, доказывается, что „голод у голодных в указанных условиях вызывает появление, развитие и успешную прививку... коммунистически-социалистической идеологии“ (стр. 5). И далее утверждается: „обосновывающие, мотивирующие и оправдывающие „тонкости“, массе совершенно не важны, они ей недоступны, она ими и не интересуется. Это „соус“, для нее совершенно не имеющий значения. А важно лишь то, чтобы идеология благословляла на акты схвата, раздела, поравнения, чтобы она прямо на них наталкивала и их одобряла“ (стр. 5). На протяжении всей статьи, беря примеры из разных эпох, в том числе и из современной нашей, г. Сорокин рассматривает *массу*, как голодную разнузданную „толпу“, а коммунистическую идеологию трактует как босяцкую идеологию. Кстати стоит отметить, что на своем диспуте 22 апреля с. г. в петербургском уни-

верситете проф. Сорокин характеризовался такими биогр. сведениями: „родился П. А. в 1889 г., отец его—рабочий, мать—крестьянка, учился сначала в Гам. 2-х классной школе...; с 1917 г. пр.-доцент петерб. ун-та, а с 1920 г.—профессор по кафедре социологии". Превосходнейшую „социологию" преподает г. Сорокин в рабоче-крестьянском государстве на денежки этого государства сотням молодежи, среди которой имеются и рабочие, и крестьяне!

Переходя теперь к изданиям, непосредственно занятым вопросами современной политики, возьмем в руки, вышедшие №№ „Экономиста", издаваемого XI отделом Русского Технического Общества.

В докладе секретаря отдела г. Елисеева о деятельности XI отдела между прочим читаем: „ XI отдел потерял за эти бурные годы многих испытанных работников, что не могло не отразиться на его деятельности, но уже с начала настоящего года он сумел собрать в своих стенах свежие кадры и с обновленной энергией взялся за свою культурную работу" (Экономист " № 1, стр. 183).

Посмотрим, что это за „культурная работа"? И можем сразу же ответить на этот вопрос,—если, уже после выхода № 1 этого „культурного" издания тов. Ленин квалифицировал этих господ как „современных" „образованных" крепостников (см. „Под знаменем Марксизма", № 3), то четыре №№ „Экономиста" дают наиотчетливейшее представление об идеологии свежих кадров", собравшихся под сенью Русского Технического общества.

Прежде всего „свежие кадры" из XI отдела имеют весьма большую склонность к „критике" всего, что делало и делает Советское правительство. Критикует все, от „нынешней статистики" до новой экономической политики.

„...Было бы непростительным легкомыслием придавать какое-либо серьезное значение,—пишет П. Чубуский,—нынешним цифрам и статистическим данным " (см. „Эк." № 1. ст. 68).

Г. Монахов выражает недовольство, что в России заглохло „производство спирта". „Мы должны,—взывает он,—начать с того, чтобы реабилитировать производство спирта, винокуренную промышленность. Она совершенно заглохла с тех пор, как мы ради искоренения пьянства прекратили продажу спирта" (см. „Эк." № 2, стр. 65). И сделали это мы, оказывается, потому, что у нас „вообще отсутствует промышленная жилка" (там же, стр. 65).

Ему вторит большой поклонник „промышленной жилки", бывший „зубатовский" профессор Иван Озеров, который ратует за восстановление виноторговли „...в форме ли винной монополии, или, быть может, даже в форме откупной системы..." („Эк." № 3, ст. 94).

В роли яростного критика непоследовательности в проведении НЭП, которую он характеризует, как „одни маниловские мечты, а не реальные меры", выступает г. Рафалович. Чем же недоволен этот противник „маниловских мечтаний" в области НЭП? Да, буквально всем. Прежде всего он недоволен тем, что „новый дух" не проник еще во внешний товарообмен, продолжающий пребывать под знаком национализации", которая „оказалась на практике мерой, вредной для страны" („Экон." № 2, стр. 131). Затем на стр. 132—134 он излагает все свои недовольства новой эконом. политикой Советского государства,

переходя последовательно от одной отрасли народного хозяйства к другой. Сельское хозяйство „не может надеяться на возрождение, пока... будет продолжаться пагубная система выколачивания из деревни необходимых городу продуктов“; не может дать значительного эффекта раскрепощенная на одну сотую часть торговли“ и т. д. и т. д.

По мнению г. Рафаловича НЭП, „в современном об'еме ее мероприятий, в состоянии дать лишь очень немногое„; в ней „ценны“ не „худосочные“, отдельные мероприятия, а „...главным образом, откровенное признание факта ошибочности и вредности, проводившейся в течение последних четырех лет экономической политики“ (там же, стр. 133—134).

„Провалились“!—вот что возбуждает наибольшее удовольствие г. Рафаловича „Новая эконом. политика,—торжественно провозглашает он,—справедливо осуждает прошлое, но в логическом развитии сделанных ее предпосылок она останавливается не только на полпути (запомните это утверждение. А. Б.), но в сущности в нескольких шагах от начала намеченной дороги“ (там же, стр. 134). Заканчивает он свою статью цитатой из речи одного члена Конвента (после падения Робеспьера), дающей экономическую программу термидорианской реакции, подчеркивая, что в ней заключаются „те экономические принципы, которые в состоянии были бы постепенно вывести страну из той пучины бедствий, в которой гибнут ее силы, ее богатства, ее население“. Но это все еще пока только „критика“, положительная же программа „современных крепостников“ из Русского Технического О-ва блещет всеми красотами белогвардейского „ветхого завета“. Устами все того же господина Рафаловича „свежие кадры“ из XI отдела заявляют —тут мы просим отнестись со всем вниманием к ниже-следующим пунктам. Ведь не шутка, дело идет о программе, современных крепостников“.

Первый пункт. „Для серьезного промышленника“,—говорит господин Рафалович,—вообще едва ли возможно работать в более крупном масштабе, при наличии регулирующих труд и трудящихся правил, связывающих руководителя предприятия в отношении найма и расчетно служащих и рабочих“ („Эк.“ №-2, стр. 126), т.-е., говоря более кратко, нам нужна *свобода капиталистической эксплоатации*,—вот смысл приведенного пункта. Не правда ли, недурно? И как превосходно сидит на господах из XI отдела костюм, современного крепостника“, как будто бы они в нем и родились!

Второй пункт. Необходимо также,—говорит господин Рафалович,—не упускать из виду, что, кроме материальной обстановки, учитываемой НЭП, существуют и моральные ценности, имеющие для нее *решающее значение* (обратите внимание. А. Б.). Нельзя забывать, что без доверия и правосознания, не может иметь места никакая здоровая, планомерная, целесообразная и разумная хозяйственная работа“ (стр. 134). Или, опять, говоря ясными словами, нам нужен *буржуазный правопорядок*, освящающий и прикрывающий свободу эксплоатации.

Здесь должен быть принят во внимание голос г. Чубутского—он за „народничество“, но не за то, которое принимает за народ „толпу с ее элементарными разрушительно своекорыстными инстинктами“ (см. „философское“ обоснование этого у профессора Сорокина) а за „новое народничество“, которое „должно быть национальным и государственным“. Это „народничество“ „должно опираться... на свободу хозяйствен-

ного почина и строительства, огражденную государственным порядком, обеспечивающим каждому равные права, безопасность личности и имущества, огражденного законом“ („Эк.“ № 3, стр. 53). Свобода, закон и порядок—чем не „народническая“ программа, программа так сказать, крепостнического „народничества“, действующего под лозунгом—полная свобода для высасывания всех соков из народа без кавычек.

Третий пункт. „Пора,—говорит господин Рафалович,—отказаться от принципа национализации в области внешнего товарообмена, ибо“... на-ряду с государством могут существовать и самостоятельные производители и потребители, которым надо дать возможность „непосредственно связаться с мировым рынком“ („Эк.“ № 2, стр. 131). С конкретным проектом в этой области выступает г. Гензель, предлагающий дать крымскому населению разрешение „свободного обмена в портовых“ городах, т.-е., добавляет он, и „вывоза драгоценностей“, накапливавшихся веками у татарского населения. Это „требование может быть формулировано только так: нам нужна *полная гарантия незыблемости буржуазного порядка и его развития,* а поэтому необходимы свобода внешней торговли и связь с „нашими доблестными союзниками“.

Все три пункта один другого дополняют, а к ним присоединяется ряд „мелких“, вроде „свободы виноторговли“ профессора Озерова. На языке члена редакционной коллегии „Экономиста“ г. Зверева это получит название „программы развития сил нашего *народа,* программы *общенациональной,* отвечающей интересам самых широких его масс“ („Эк.“ № 3, стр. 9). И с бесподобным цинизмом обнаруживается „святая святых“ этой „общенациональной“ программы в редакционном замечании к ст. проф. Озерова, предлагающего нечто вроде „свободы виноторговли“ и пытающегося „прикрыть“ ее указанием, что „самая теория безусловной вредности спирта за последнее время американскими физиологами подвергается сомнению“ („Эк.“ № 3, стр. 98).

Редакция заявляет: „За время нашего великого кризиса мы стали внутренно-свободными от всяких шаблонов и традиций. Поэтому в строительстве Новой России мы свободны от предвзятых идей“. За этой предпосылкой следует другая: „нам поневоле приходится возрождать многое из того, что наша история и наш разум якобы уже давно сдали в архив“. И дальше высказывает такое *конкретное предложение:* „такой архивной вещью“, которую м. б. придется „снова вытащить“, является „вопрос об интенсивном использовании народного тяготения к алкоголю в целях укрепления государственного бюджета“ („Эк.“ № 3, стр. 94). Для обоснования „законности“ такого обращения с „архивной вещью“ далее приводятся ссылки на такие „авторитеты“, как министры финансов двух Николаев Романовых, 1-го и II-го, как они значатся в учебниках истории (на Канкрина и Коковцева). Нам сдается, что здесь лучше всего ограничиться словами—комментарии излишни, а в заключение нашей беседы с „экономистами“ из Русского Технического О-ва обратиться еще раз к статье одного из редакторов—г. Зверева. В его статье имеются, между прочим, такие замечания:“... таким образом, победившие *классы* (имеется в виду победа рабоче-крестьянских масс в гражданской войне. А. Б.) выполнили большую *национальную* задачу“, и еще: „необходимо отметить именно то обстоятельство, что этот переход от строительства в *классовых* интересах к строительству

национальному проделан был Россией, по своим внутренним импульсам, без какого бы то ни было давления других народов...“ („Эк.“ № 3, стр. 4). Не кажется ли читателю, что здесь на-лицо некоторые „сменовеховские“ нотки. По-нашему, они несомненны.

Итак, с одной стороны, идеология современных крепостников, а с другой этакий уклончик к „сменовеховству“. И естественно возникает вопрос, а что если этаким современным крепостникам, уж чересчур развязно начинающим раскладывать свои „общенациональные“ (отнюдь не классовые, помилуй бог!) локти, несколько надавить на пальцы, не получится ли в результате некоторый сдвиг в сторону „ноток“ г. Зверева в первой статье „Эк.“ № 3. У одних в результате естественной дальнейшей работы мысли, а у других, как средство приспособления, что ли... На военном языке это называется „применяться к местности“, у естествоиспытателей—мимикрией, а в людском обществе по-разному, смотря по людям, по среде, по месту, по времени. Подведем некоторые итоги. Устанавливается с неподлежащей сомнению точностью, довольно энергичный натиск буржуазной идеологии, которая пробивается во все щели; говоря словами секретаря XI отдела Русск. Техн. О-ва, „с обновленной энергией“ взялась за свою „культурную работу“. И наступает, уже наступил, такой момент, когда из этого факта мы должны сделать практические выводы для своей текущей агитпропработы, конкретизирующие директивы XI партс‘езда.

II.

Тов. М. Н. Покровский в своей статье „Кающаяся интеллигенция“ пишет: ...„С идеологией и начинается та многоликость нововеховцев, о которой говорилось вначале, психология у них более или менее одна, идеологий несколько“ („Интеллиг. и revол.“, сборн. изд. „Дома Печати“, стр. 79).

Мы знаем, что к „сменовеховству“ идут и тянутся разные люди, и разные группы, и по-разному.

„Сменовеховство“ было в военной среде, среди старого офицерства всех чинов. К „сменовеховцам“ идет и писатель Алексей Толстой (по-своему), и казацкий деятель Гнилорыбов (тоже по-своему), и подленько уже ползет докатившийся до черносотенства писатель Ив. Наживин (и тоже по-своему, см. „Новая Русская Книга“ № 5), к нему склоняются, и, может быть, до этого момента не сознавшие этого различные группы „спецов“, и т. д., и т. д., и т. д.

„Сменовеховство“ разнообразно, разнолико, текуче и подвержено переменам. Тяга к нему и стихийная, и сознательная налицо. Влияние его на различные „течения“ в самых разнообразных социальных прослойках тоже отрицать не приходится, особенно в обстановке, развернувшейся новой экономической политики. К нашей основной теме этот вопрос имеет ближайшее касательство. И поэтому приходится от „современных крепостников“ и некоторых их „уклонов“ перейти к вопросу о „сменовеховстве“. Но ведь „сменовеховство“ в обстановке закончившейся гражданской войны и НЭП—широчайшее явление. Интереснейшим вопросом является анализ того, как отражается различная классовая принадлежность „сменовехствующих“ (отдельного лица, групп) на „сменовеховской“ идеологии именно этого лица, этой группы. И

вопрос о взаимоотношении в самой общей „сменовеховской“ идеологии различных оттенков зависит и будет зависеть от дальнейшего хода истории и соотношения классов. Все эти темы к ближайшим задачам агитпропработы прямого отношения не имеют, а поэтому мы их касаться и не будем. Возьмем лишь самое главное, наисущественнейшее для нашего вопроса.

После выхода сборника „Смена Вех“ вся наша пресса указывала, отмечала и подчеркивала крупнейшее положительное значение этого явления. Указывалось на тягу к Советской России; отмечался поворот к революции, подчеркивалось признание Советской власти. „Авторы новой книги,—писал тов. Н. Мещеряков,—хотят проложить новый путь, по которому интеллигенция должна вернуться к русскому революционному народу и дружно работать с ним“ (см. тот же сборник, стр. 97). И тогда это было важно и нужно подчеркнуть самой жирной чертой. Но с тех пор прошло довольно порядочно времени, процесс частичного восстановления капитализма в рамках Советского государства развернулся, на сцену повылезло довольно многовато всяких „культурных“ явлений, и т. п. И уже XI партс'езд констатировал „стремление буржуазии через посредство литературы и культработы повлиять на трудящиеся массы“. А с тех пор прошло еще четыре месяца, народилось изрядное количество разных „культурных“ изданий, различные „свежие кадры“ принялись вплотную за „работу“ и пр. Одним словом, имеется на-лицо этакие молекулярные процессы, что ли, развивающиеся в сторону выработки идеологии „кадров“ различной степени „свежести“ и различной окраски. И, может быть, в этой обстановке следует, с значительно большей ясностью, чем раньше, обратить внимание и указать на те стороны в сменовеховстве, которые ранее отодвигались на задний план.

Тов. Н. Мещеряков говорил, что сменовеховство это „новый“ путь, по которому и т. д., но ведь сменовеховство не только „путь“, а несли не знамя, то флаг, „приличной“ окраски приэтом, и даже больше того,—сменовеховство это легальный центр, вокруг и около которого происходят указанные выше „молекулярные процессы“. „Приличный“ флаг обеспечивает сменовеховству широкую аудиторию, облегчает ему расширение влияния, а ведь содержание сменовеховства текуче, подвержено переменам.

И в постановке всяких „молекулярных процессов“, роста мелкобуржуазной стихии, флаг приличной Советской окраски, прикрывающий текучую „многоликую“ идеологию, может принести самые различные результаты, весьма „неприличные“ в том числе... На это надо обратить внимание, особенно в такой период, какой Советское государство сейчас переживает, и особенно, когда мы обсуждаем вопросы об агитационно-пропагандистском противодействии „усилению буржуазного влияния“,—и борьбе с возможностью „заражения мелко-буржуазными влияниями“.

И вот, когда мы с такими мыслями возьмем в руки сменовеховские издания, то познакомимся с весьма небезинтересным материалом.

В № 72 сменовеховской ежедневной газеты „Накануне“ передовица дает следующий ответ на вопрос о содержании, вкладываемом

сменовеховцами в слово „заветы октября": „... мы,—говорит передовица,—разумеем здесь не жонглерские атрибуты „демократии", не реформы, путем избирательного бюллетеня и кулуарно-парламентарной Сухаревки, *а строительство подлинного трудового государства*" (курсив мой. А. Б.).

Теперь возвратимся назад и возьмем № 66.

Передовица этого номера, направляя по адресу Советской России комплимент, что она перестала быть „ выражением хаоса" и „воплощения классического беспорядка", бросая мимоходом фразу о „несовершенствах", „дефектах" и „уродливости" ее государственного аппарата, в нескольких строках излагает свое credo по вопросу о государственном строительстве. Передовица указывает, что „советский государственный механизм... нуждается и еще долго будет нуждаться в *серьезнейших реформах, усовершенствованиях и глубочайших перестройках*", а новый экономический курс „*должен быть согласован* с целым рядом чисто политических и гражданско-административных „надстроек". И после этой декларации следует добавление: „... разумеется, без потрясений основ советского режима, т.-е. заветов октября..." (курсив мой. А. Б.). В № 72 „строительства доподлинного трудового государства", а в № 66-ом—„глубочайшие перестройки" советского механизма в направлении согласования с НЭП.

В формулировке „Накануне" это сопоставление уже вызывает, скажем мягко, некоторое недоумение. И „заветы октября" тут, пожалуй, совсем не при чем.

Но „Накануне" состоит не только из передовиц, а имеет также и статьи отдельных авторов, которые помогают уяснению смысла терминологии сменовеховских передовиц.

Такой цели в данном случае послужат нам две статьи А. Гуровича в №№ 60 и 67.

„Ценность большевизма,—читаем мы в № 67,—не в том, что он есть или чем он хочет быть, а в том, к чему он неминуемо ведет и приведет". К чему же он, по мнению г. Гуровича, „неминуемо приведет"; в чем содержание его программы-максимум? На это нам отвечает статья в № 60.

А. Гурович рисует нам „об'ективный путь большевизма", начиная его с того самого „мига, когда от неосуществленной идеи интернационального мирового взрыва" большевизм „перешел к реальности русской национальной жизни". И что же происходит?

„Пока еще прикрыто и наполовину,—читаем мы дальше,—но с каждым днем все ярче и смелее он вновь открывает путь изгнанным было принципам права и свободы". Пока поставим точку. Таким образом ясно, что программа-максимум направляет г. Гуровича не вперед, а назад—„к принципам права и свободы"; г. Гурович, конечно, скажет „*народного*", а мы его поясним,—т.-е., на классовом рабочем языке,—*буржуазного*. Хороши „заветы октября", в раз'яснении г. Гуровича, нечего сказать! А что думает по этому поводу редакция, которая никакого примечания к статьям Гуровича не сделала?

Но обратимся опять к А. Гуровичу. Ему даже „медленность" этой „эволюции" большевизма и то, оказывается, весьма на руку, так как в ней „залог прочности рождающихся форм новой России.„ Далее

мысль развивается так: „...ибо они (эти „формы". А. Б.) продолжают находиться под охраной советского престижа, *пока* не наполнятся собственной силой, войдя в плоть и кровь народной жизни" (курсив мой. А. Б.) Значит только „пока", т. е. до поры, до времени, а потом этот „советский престиж" можно и совсем по боку. Не так ли, уважаемая редакция сменовеховского „Накануне"?

Но будем читать статью г. Гуровича до конца: „И, если бы даже— пишет он,—этот процесс эволюции зашел так далеко, что от прежнего „принципиального" советского режима не осталось бы ничего, кроме формы, то даже только одна эта форма была бы и нужна и достаточна... чтобы сохранять развитие событий до приобретения собственной мощи детищем революции—новой Россией. Россией свободы, права и труда". Вот это так,—откровенные речи приятно и слушать!

Только надо откровенность доводить до конца. Вы хотите „России свободы, права и труда'', т.-е. капиталистической свободы, буржуазного права и угнетенного труда. Так и запомним.

По Гуровичу выходит, что „апостолы диктатуры и насилия,—так он выражается,—нехотя и упираясь... пролагают путь в обетованную землю права и закона". После сделанных выше замечаний никаких раз'яснений к заключению г. Гуровича, думаем не требуется. А кстати, в полной мере раз'яснилось и предыдущее недоумение, порожденное передовицами „Накануне". Не так ли, читатель?

Кроме этих общих замечаний, в сменовеховской газете мы найдем небезынтересные рассуждения по вопросам земельным, внешней политики и т. д.

Для краткости остановимся лишь на точке зрения „Накануне" по земельному вопросу.

Рассматривая новый земельный закон (см. ,,Эк. Обозрение'' № 2 при № 65), передовица ,,предостерегает'', что как только вновь возникнет ,,борьба за землю'' в крестьянстве, то ,,...могут резко нарушиться нормы какого бы то ни было справедливого наделения землей'' и ,,быть может придется отказаться даже и от самого принципа национализации земли, *пока* еще удерживаемого новым поземельным кодексом'' (курсив мой. А. Б.). По всей видимости, передовику очень бы хотелось, чтобы этого ,,пока'' не было. Желание, несомненно, вполне соответствующее ,,духу'' рассмотренных уже нами статей на общие темы.

Далее, передовица сетует, что ,,новый земельный закон ничего нового не дает'' и указывает, что земельная экономика ,,требует не закрепления старого, уже достигнутого, а созидания нового''. Посмотришь, какие передовые люди эти ,,экономические обозреватели'' из сменовеховской газеты, как они рвутся к ,,созиданию нового''. Только вопрос, где это „новое"-то находится, не тянут ли они опять назад, к старым „заветам" капитализма. Прежде всего они требуют, чтобы „правовая нормировка" была „настолько эластична", дабы „не стеснять дальнейшего наступательного движения живых творческих сил сел.-хоз. производства". А затем излагают такую конкретную программу. *Первое*, главное для „земельной политики в настоящее время" это „материальные средства'', а так как „советское правительство" их ,,сейчас не имеет'' и ,,в ближайшее время достать их не в состоянии'', то, ,,не

отягощая понапрасну государственного бюджета и не уменьшая средства, необходимые для других отраслей управления, земельное ведомство самым решительным образом должно быть лишено непосредственного активного участия в с.-х. строительстве. Роль правительства в этом отношении должна свестись к высшему надзору за правомерностью и целесообразностью всех частных мер". *Второе*, осуществление этих „частных мер" (от ,,орошения'' до покупки ,,хорошего плуга'')"... будет находится в руках всех тех, кто хозяйственно заинтересован в их непосредственно-практических результатах''. *Третье*, для этого необходимо ,,вовлечение капитала в сел. хозяйство России'', гарантией чего может быть уверенность в том, что ,,контр-агентом капитала будет не правительство с его опекой и бесчисленным штатом чиновников, *но само население*'', (т.-е. ,,свободное русское крестьянство''). И, наконец, *четвертое*, из всего этого вытекает ,,взаимоотношение между этими тремя элементами'',—труд в лице крестьянина'' ,,выставляет свои хоз. требования и оплачивает'' их исполнение; ,,капитал дает'' организацию, средства и получает ,,обеспеченную прибыль'', ,,государственная власть гарантирует'' им обоим возможность выполнения ими ,,своих функций''.

Ознакомившись с этой земельной ,,программой'', читатель, наверное, спросит, почему она не украшает страницы ,,Экономиста'', органа ,,современных крепостников''. Ведь буржуазной законченности этой программы мог позавидовать любой из ,,свежих кадров'' вроде проф. Ивана Озерова, г. Монахова и других деятелей XI отдела Русск. Техн. Об-ва.

После этого путешествия по ,,программным статьям'' сменовеховского ,,Накануне'' можно утверждать, что если у господ ,,современных крепостников'' из XI отдела имеется уклончик к сменовеховству, то у ,,накануневцев'' наблюдается весьма твердая тяга к ,,современному крепостничеству''.

Могут на это сказать: ну и что же в этом неожиданного и особенного; ведь сменовеховцы произошли от старовеховцев, и заветы последних законно тяготеют над первыми. Конечно, в этом нет ничего неожиданного, только надо лишний раз подчеркнуть, что мимо этих ,,накануневских'' уклонов сменовеховства, ни в коем случае нельзя пройти без внимания, и очень даже пристального.

Это не пустячок. Ведь когда над ,,вехами'' развевался ,,веховский'' флаг реакционной идеологии, то так и должно было быть. Но когда, скажем, господин Гоц пытается прикрыть свою бандитскую контр-революционность героическим подвигом революционера Каляева, то этому мы мешаем в интересах сознания рабоче-крестьянских масс. Или, когда кронштадтский мятеж пытался оправдать себя и обмануть трудящихся лозунгом—мы за Советы, только без коммунистов, за свободно-избранные советы,—ведь против этого надо было вести беспощадную борьбу, и не только с помощью пушек и пулеметов. А в данном случае, что мы имеем? Под наименованием сменовеховства мы имеем, нарочито мягко выражаясь, ,,многоликую'' программу, с уклоном, опять-таки мягко выражаясь, во ,,все стороны'' и прикрывающую при этом все это ,,содержание'' флагом ,,советской идеологии'', которая примирилась с ,,фактом русской революции'' и должна примириться ,,с выводом из этого факта—с революционным государством'' (см. статью М. Н. Покровского, сборник, стр. 89).

На все это надо обратить сугубое внимание. Советская Республка переживает период, когда капитализм стихийно восстанавливается в массовом масштабе, когда „буржуазная литература“ выпирает из всех щелей, когда на-лицо опасность мелко-буржуазных колебаний, и когда все это, в связи с урожаем, в ближайшее время усилится в сто крат, особенно в деревне.

Необходимо до максимальных пределов усилить противодействие влиянию идеологии „современных крепостников“ именно потому, что она имеет сменовеховские уклончики. Необходимо самое беспощадное разоблачение всех уклонов „накануневцев“ именно потому, что они носят название сменовеховцев и с этим советским паспортом легко могут „входить“ во всякие идеологии и расчищать тем самым путь для программ явно старовеховских.

Агитпропагандистские планы текущего периода должны внимательно учесть все эти обстоятельства.

Максимум сил, средств и настойчивости для борьбы на этом новом фронте.

III.

Фронту возрождающейся буржуазной идеологии мы должны противопоставить могучий организованный натиск революционной идеологии коммунизма.

Директива XI партс'езда по этому вопросу гласит: „констатируя стремление буржуазии через посредство литературы и культработы повлиять на трудящиеся массы, с'езд считает, что этим влияниям надо противопоставить энергичную политработу“.

В настоящее время эта директива приобретает особое значение, так как оживление буржуазной идеологии различных окрасок это факт, не возбуждающий никакого сомнения. А одновременно с этим наблюдается наводнение книжного рынка всяким старым хламом, развязными бульварными изданиями, натпинкертоновщиной и т. д., которая несет всю ту же заразу буржуазного влияния.

Этому надо противопоставить целую систему мер пропагандистско-агитационного порядка в первую очередь. Общая директива уже преподана XI партс'ездом, надо лишь ее развить и конкретизировать примее нительно к изменившейся обстановке. Тут надо пустить в дело все действующие роды оружия, придав и обороне, и наступлению максимальную маневренность.

I. Надо поднять работу научной коммунистической мысли, дабы иметь возможность организованно вести линию „воинствующего материализма“. Шаги в этом отношении имеются, но они далеко недостаточны, разрознены, предпринимаются без общего плана. Имеются работающие научные ассоциации при комм. университетах (с1921 года таковая существует при Свердловском у-те); научно-исследовательская кафедра марксизма создана при университете в Одессе, „абсолютное большинство членов, сотрудников и аспирантов кафедры—члены партии“ (см. „Коммунист“, орг. Одесск. губкома, № 21, стр. 7) и т. д.

Но мы знаем, какая профессура преподает в университетах, поэтому марксистской гегемонии в кафедрах и им подобных учреждениях ожидать, конечно, трудно. Задача и состоит в том, чтобы этот вопрос

поставить в порядке дня. Начав с оживления научно-исследовательской работы в высших коммунистических школах, ни в коем случае не отказываться от „наступления“, организованного и систематического, на ученые органы при советских университетах вообще. Авангардом в этой работе должна стать наша Соц. академия. На оживление ее деятельности надо направить и силы, и средства.

Громадную роль в деле борьбы с буржуазной идеологией обязана сыграть наша советская журналистика, она уже появилась и заметно крепнет. Выходят регулярно „Красная Новь“, „Печать и Революция“, „Под Знаменем Марксизма“, ряд исторических журналов („Пролетарская Революция“, „Красная Летопись“, „Красный Архив“ и прочее), нарождаются „толстые“ журналы и в провинции (например, „Путь Коммунизма“ на Кубани). Не входя в разбор всех этих журналов, отметим только, что многое в них требует улучшения. Возьмем хотя бы библиографию, в ней нет еще надлежащей полноты и подвижности, она еще далеко не на высоте положения. Необходимо об‘единить усилия руководителей прежде всего московской и петербургской журналистики, дабы установить здесь „единый пролетарский фронт“.

В нашем распоряжении мало сил и мало средств, надо постановкой нашей столичной журалистики добиться того, чтобы не было в этом деле разноголосицы, чтобы она работала в известной степени по единому плану. Столичная советская журналистика должна пулеметным огнем самого высокого напряжения обстреливать буржуазную идеологию. Она должна следить самым тщательным образом за ее развитием, на каждый ее выпад отвечать, должна завести соответствующий задаче момента библиографический отдел и т. д.

Специальное совещание должно наметить здесь конкретный план практических мероприятий.

Растущая с громадной быстротой „мужицкая“ литература требует пристального внимания. Она подвержена самым разнообразным колебаниям. Здесь, между прочим, возникает вопрос о Пролеткульте. Почему это он как будто бы оказался вне этого литературного возрождения, и не следует ли здесь принять каких-либо мер и организационных, и лежащих в плоскости общего идейного руководства. Все эти вопросы надо практически поставить, а поставив разрешить. Это тоже одна из ближайших наших задач.

2. За последние два месяца принят ряд мер в области высшего коммунистического образования. Согласно указания партс‘езда установлено разграничение задач института Красной Профессуры Коммунистических университетов, при Соц. академии; сеть их несколько расширена, хотя число слушателей в Свердловском университете сокращено, приняты настойчивые меры к набору коммунистической профессуры и удовлетворительной постановке материальной стороны (она „зияет“ недостатками). В текущем учебном году мы будем иметь до 6.500 слушателей в партшколе высшего типа, из них 950 приходится на 4 провинциальные школы 3-й ступени. В текущем учебном году надо направить все усилия на улучшение учебной части в партийных школах высшего типа. Больным вопросом является материальное положение высших партшкол, на него надо „нажать“ во всю. Тогда мы будем иметь фундамент для расширения этой сети на будущий год. А

в этом имеется самая срочная, настоятельнейшая потребность. Ведь от постановки высшего коммунистического образования зависит наша научно-исследовательская работа. В непосредственной связи от ее результатов находится разрешение целого ряда внутрипартийных проблем. Ближайшее отношение эта работа имеет и к борьбе с буржуазной идеологией.

3. В области работы наших совпартшкол первой и второй ступени стоит также целый ряд задач. Из них надо отметить главнейшую—это ликвидацию политнеграмотности. „Бюллетень" Губ.-Черн. областкома (№№ 1-2, апрель—май) отмечает: „дело ликвидации коммунистической неграмотности является задачей очень и очень большой трудности, и в два счета ее разрешить нельзя..." (стр. 14). Несомненно, что по этой причине ликвидация политнеграмотности в партии тормозится; в большинстве губерний резолюция партс'езда осталась на бумаге.

Агитпроп Симбирского губкома констатирует: „особо заметных успехов в этом направлении отмечать не приходится" („Спутник Коммуниста", вып. 5, стр. 20). То же самое отмечается для Ново-Николаевской губернии (см. „Известия губкома № 12—13, от 15 июня, стр. 76). Но имеются и прямо противоположные итоги,—вот, например, „Известия" Калужского губкома (№ 5) пишуть: „по нашей губернии эта кампания подходит к концу; в некоторых уездах она уже закончена" (стр. 28).

Но общий вывод, на основании точных данных, может быть только один: кампания затормозилась, нужны новые усилия. Необходимо закончить учет политнеграмотных, необходимо задачу ликвидации выдвинуть, как ударную. Тщательно следить за работой чрезвычайных „троек".

Отступлений тут не может быть никаких, ибо, как отмечают все товарищи с мест, ликвидация коммунистической неграмотности в обстановке НЭП—задача первостепенная.

К работе совпартшкол непосредственно примыкает деятельность марксистских кружков и клубов. Напоминать о важности этой работы в современной обстановке не приходится, она очевидна. На марксистских кружках, особенно на кружках повышенного типа необходимо ставить доклады на различные современные темы; сюда можно перенести основную работу по раз'яснению вопросов, связанных с возрождением буржуазной идеологии. Для того, чтобы эту работу поставить правильно, следовало бы создавать при губкомах пропагандистские коллегии или постоянные (более широкие) пропагандистские совещания, которым дать ,‘в сферу влияния‘‘ кружковую работу.

Ближайшее совещание агитпропов должно будет с особенным вниманием остановиться на работе марксистских кружков, необходимо заранее собрать соответствующие материалы и под'итожить опыт работы; как часть ,,работы марксистского просвещения‘‘, с особенной настойчивостью выдвигается уже формулированное партс'ездом ,,издательство боевой агитационно-пропагандистской и марксистской литературы‘‘.

4. В области агитационной работы мы остановимся лишь на одном вопросе. Это—на под'еме в массах интереса „к вопросам

общей политики“. На это указывается в июньском номере „Известий“ Гомельск. губкома (№ 25), при чем подчеркивается, что „столь большого интереса“ не проявлялось „никогда еще за последние 2—3 года“. „Генуэзская конференция, суд над правыми эс-эрами, происходящая в связи с из'ятием ценностей революция в православной церкви, борьба за единый рабочий фронт,— все это,—читаем мы в „Известиях“,— вызывает сейчас громадный интерес среди трудовых масс„ (стр. 1). Это надо учесть в нашей и устной и письменной агитации. Газеты и газетчики должны также присмотреться к этому факту и сделать из него соответствующие выводы. Надо в сугубо конкретной форме освещать в газетах общеполит. вопросы. Надо на страницах газет продолжить работу советской журналистки в деле борьбы с „буржуазной литературой“.

В связи с Гаагой надо будет провести митинговую кампанию отчетов с разоблачением европейского империализма (финансовое банкротство, острота внутр. положения; возможность интервенции; наш урожай, вопрос о Красной армии и пр.). В связи с окончанием процесса над правыми эс-эрами надо будет провести широчайшую кампанию, использовав все факты, вскрывшиеся на процессе, выяснив еще раз перед партией и массами бандитско-контрреволюционную физономию партии эс-эров.

Надо держать широкие массы в курсе борьбы, происходящей внутри церкви, постоянно останавливаясь на вопросах религиозной пропаганды. Выдвигается с особой остротой вопрос об использовании кино для борьбы с буржуазной бульварщиной.

5. Совершенно особняком стоит важнейшая область работы, именно политпросвещение в деревне. А также и работа в Красной армии. Ее надо внимательно приспособить к обстановке переживаемого момента со всем его своеобразием и „опасностями“. Надо по настоящему ,,взять в работу'' деревенского коммуниста, дав на это дело и силы, и средства. Мы ограничимся только этим общим указанием.

6. В заключение остановимся на одном организационном вопросе, имеющем ближайшее отношение к разбираемым темам.

XI партс'езд указал партии на необходимость превращения агитпропов ,,в боевые центры борьбы за марксистскую идеологию и идейное влияние партии в массах''.

А вот ,,Известия'' Ив-Вознесенского губкома (№ 6, июнь) обращают внимание на то, что ,,медленно до чрезвычайности поворачиваем мы фронт нашей работы в этом направлении... Наш аппарат крайне неподвижен и, понятно, штабом боевой марксистской мысли в этих условиях не является'' (стр. 31).

Если же просмотреть анкеты агитпропов и издания губкомов, то в большинстве случаев найдете жалобы на слабость аппарата агитпропа, на вялость работы его и пр. И надо сказать прямо, что агитпропы в настоящее время не отвечают своему назначению. Условия текущего периода выдвигают, уже выдвинули агитпроп, как важнейший отдел парткома. Губком все больше и больше занимается агитпропработой.

А вместе с тем даже штаты агитпропов до смешного мизерны (в губкомах 1-й гр.—общ. отдел—18 чел., орготд.—11 чел., агитотд.

—6 чел.). Товарищи с мест обращают уже внимание на эту несогласованность. (См. доклад секретаря Волог. губкома, члена президиума Там. губкома и др.).

Агитпропы надо усилить, тогда они будут превращаться в „боевые центры", направляющие всю работу политпросвещения (через партком).

Этого на местах надо добиваться уже и в настоящее время.

А. Бубнов.

О ТОМ, ЧТО МОЖЕТ НАГОВОРИТЬ РАСПОЯСАВШИЙСЯ БЕЛЫЙ ПРОФЕССОР.

I.

Черная биржа ведет упорную позиционную борьбу с Советским государственным хозяйством. Через всевозможные лазейки она стремится просунуть свои липкие щупальцы, чтобы основательнее подкопаться под экономический фундамент пролетарской диктатуры.

Покупаем, продаем—таков ее лозунг. Сделать все и вся *продажным* это и значит восстановить режим священной частной собственности в России! Свободная торговля не желает знать „коммунистических привилегий" для пролетариата, для государственной промышленности и. т. д. Она не желает ни государственной промышленности, ни государственной торговли.

Деньги есть всеобщий товарный эквивалент, а все продукты суть товары в капиталистическом обществе. Разве это не законно с точки зрения буржуазии.?

Но атака на пролетариат и его диктатуру ведется не только в сфере базарной прозы, она ведется и в верхних этажах общественной надстройки, в области идеологии. Здесь уже не под фирмой „торговой демократии" Рябушинского и комп., а под ярлыком „*внеклассовой*" истины. Эта внеклассовая „истина" всегда походила на стертый медный пятачек старого царского времени, одинаковый во всяких руках. Медные пятачки внеклассовой истины всегда имели большой сбыт у российской буржуазной интеллигенции. Петр. Струве, как только узрел этот пятачок с идеалистическим клеймом Кенигсбергского профессора Иммануила Канта, тотчас же отказался от преступного увлечения молодости—марксизма.

Господин А. Волынский, ныне, через 20 лет, повторивший издание своей книжки „Что такое идеализм", и сейчас заявляет о преданности буржуазной интеллигенции медным пятачкам.

„С первых же этапов литературно-критической деятельности я отстаивал *метод идеалистический,* находя применение его к томам не только искусства, но и самой жизни, абсолютно необходимым *в интересах культуры и органически развивающейся общественности.* На этой точке зрения я стою сейчас еще тверже, еще решительнее, чем прежде, *несмотря на материалистическую революцию наших дней.* В сфере идей не случилось пока ничего нового (!). Метафизическое понимание мира не только не потрясено в своих основах, но получило возможность, применяя свои мерила к явлениям текущей жизни, к принципам граждан-

ской борьбы и раскатам утихающей военной бури, особенно глубоко проникнуться пафосом иных (!), моральных настроений. *История*, несомненно, выводит нас на дорогу чистых исканий Бога и света".

Это, как говорится: на небо поглядывает, да и по земле пошаривает. Авось, какая-нибудь контр-революция навернется!

Если вы, читатель, плохо разбираете, что означает „применение метода идеалистического в интересах органически развивающейся общественности", то можно напомнить, что таковым применением была... „конституционно- демократическая" партия—кадеты.

"Идеалистический метод"!—Милюков, это—ты!

В самом деле, вождь кадетской партии, всегда боровшийся с революцией за ее классовую „узколобость", был в качестве заслуженного профессора, так сказать, олицетворением вечной, абсолютной и внеклассовой истины!

„Внеклассовая истина" предуказывала путь Милюкову к передним царских министров во время переговоров кадет с царским правительством в 1906 г. о составлении „ответственного министерства".

„Внеклассовая истина" заставляла его в 1907 г. категорически отказываться „тащить у себя на плечах осла" и плевать на „красную тряпку". Ослом именовался побежденный царизмом пролетариат, а тряпкой—его знамя.

„Внеклассовая истина" объединила в Петербурге, Бьюкенена во время империалистической войны.

„Внеклассовая истина", в лице Милюкова на посту министра иностранных дел Временного правительства, решительно восставала в 1917 г. против опубликования тайных договоров царя с союзниками, кадетских профессоров и английского посла.

Поклонниками „внеклассовой истины" были всегда Чернов, Кускова, Прокопович, Пешехонов, Авксентьев и прочие Питиримы Сорокины.

Во имя „внеклассовой истины" меньшевики в 1917 г. приносили в жертву весь свой теоретический багаж. С энтузиазмом, с самозабвением: „да погибнет марксизм, лишь бы жила коалиция с Кишкиным —Бурышкиным"!

В силу своего промежуточного социального положения, буржуазная интеллигенция всегда и везде выискивала „внеклассовые истины", чтобы оправдать свое существование... применительно к подлости. В 1905—1907 г.г. применялись к подлости царской, в 1914—1917 г.г.— к подлости буржуазно—империалистической, в 1917—1921 г.—к подлости белогвардейской. Все под видом „иных моральных настроений"!

Нэп, вызвавший к жизни Нэпмана, вытолкнул из белого подполья и его sprachаrbeiter'а обслуживающего его блудливым языком буржуазного интеллигента.

Нет ни белой, ни красной науки, есть внеклассовая серо-пегая наука!—верещит какой-нибудь ординарный невежда.

Долой классовую исключительность! Да здравствует общественный интерес!— подвывают ему в тон приват-доценки помельче.

Михаил Бакунин однажды очень удачно заметил: „Предрассудки масс основаны на их *невежестве* и они совершенно противоположны их интересам, тогда как предрассудки буржуазии основаны именно на

интересах этого класса и только благодаря коллективному эгоизму буржуазии, могут устоять против разлагающего влияния самой буржуазной науки.

Народ хочет, но не знает; буржуазия знает, но не хочет".

Консолидацией кадетских идей—вот чем занимается сейчас непмановская интеллигенция.

Правда, дом не строят с крыши. Но капитализм подбирается, с одной стороны, снизу, через черную биржу, с другой стороны, сверху, стремясь овладеть сознанием масс, оторвать выдвигающихся из пролетариата представителей рабочей интеллигенции от своего класса, затемнить классовое сознание.

На низших ступенях материальной культуры средства буржуазного обволакивания—приманки личного комфорта и жизненных удовольствий, взятка и т. д.

В области идеологии—вне-классовая истина, превозносимая как алтарь, на котором жертвенно должна быть заклана пролетарская диктатура.

II.

Профессор, о котором идет речь в заголовке статьи, К. М. Тахтарев—„марксист"-меньшевик. Профессор социологии петербургского университета. Книжка его называется „общество и его механизм". Но это лишь для отвода глаз советским цензорам, которые иногда не во-время засыпают при чтении профессорских книжек. А следовало бы ее назвать так: „Почему нужно свергнуть Советскую власть".

О том, как близок, марксизму господин Тахтарев, можно судить, хотя бы по такой сентенции: „Классовая борьба задерживает поступательный ход общественной жизни и ее развитие, которое никогда не бывает плодом борьбы, а всегда является плодом творчества и общения людей".

В основе всякой общественной организации, по мнению сего облезлого „марксиста", лежит принцип самодостаточности. Как только общество перестает удовлетворять потребностям своих членов, как только какая-нибудь из общественно-профессиональных групп отказывается от выполнения своих функций, наступает неизбежное крушение общественной организации. Эта мудрость Менения Агриппы („руки да починяются голове!") лишь присказка, сказка же будет впереди. Профессор быстро и „почти незаметно" подменяет общество—народом, нацией, превращая, таким образом, нацию в вечную форму человеческого общежития. Затем уже все остальное не составляет затруднений.

До революции 1917 г. в России, „чувство единого общего отечества национальное сознание, было свойственно лишь наиболее сознательным (!) элементам общества, лишь тем его слоям, которые принимали деятельное, действительное участие в зарождавшейся национальной жизни. Таковы были представители развивавшейся русской национальной культуры: *выдающиеся и общественные мыслители, государственные и общественные деятели, представители российского дворянства, купечества, представители русской науки, искусства*. Только они одни понимали Россию, как единую нацию".

Остальные же были „охлос“, по изящному определению „селянского министра“ Виктора Чернова.

„Русские рабочие и крестьяне, насильно оторванные от сохи и станка и призванные в ряды действующих войск, не понимали, за кого и за что их заставляют воевать. Их начальники, представители российского правительства, дворянства, купечества и духовенства, говорили солдатам, что они воюют за Россию. А революционеры, бывшие выразителями определенных общественно—групповых, классовых чувств и понятий убеждали солдат, что их заставляют бороться за интересы враждебных им классов, что они воюют не за Россию, а за „буржуев“. Сами же они, русские крестьяне и рабочие, переодетые в солдатское платье, в большинстве случаев относились совершенно безучастно не только к этой борьбе, но и к России“.

—Кто говорит, что Иловайский умер? Иловайский жив и все слухи о его смерти „сильно преувеличены!“.

Раньше он занимался историей, теперь свое руководство он переделал в „социологию“ применительно к задачам усекновения большевизма.

В 1918 г. буржуазная сволочь расшифровывала роковые для нее инициалы РСФСР таким образом: „русские солдаты фронт сорвали, разошлись по домам“.

Именно эта „концепция“ и легла в основу меньшевистско-профессорской „социологии“.

За этим „социологическим“ об'яснением революции 1917 г. следует *апология мешочничества, как этапа национального развития России.*

Не верите?

Читайте: „Мешочничество не только способствовало познанию России ее земляками, но и имело некоторое значение и для замены прежнего узкого чувства землячеств несравненно более широкими чувствами и национальными понятиями. Мешочничество не знало никакой местной обособленности. Оно не считалось ни с какими чувствами землячества, оно не признавало никаких местных границ и застав. Оно проникало всюду, где можно было набить свой мешок каким-нибудь продовольствием, полученным за работу или в обмен на какие бы то ни было другие предметы необходимости. Оно проникало всюду, где можно было развязать и опорожнить этот мешок, все равно, для спасения от голода, или для наживы. Мешочничество проникло повсюду, несмотря ни на какие заградительные отряды. Это мешочничество часто совершенно напрасно (!) смешивалось со спекуляцией и об'являлось настоящим государственным преступлением. Оно было обусловлено не столько стремлением некоторых (!) спекулянтов-мешочников нажиться на счет своих ближних, сколько стремлением массовых „мешочников“, голодающих русских людей, как-нибудь раздобыть продовольствие, чтобы не умереть с голоду и спасти свои голодающие семьи, принесенные в жертву коммунистической авантюре и гражданской войне“.

Если вы думаете, что это из „общей свалки“, то-бишь, из „Общего Дела“, то разочаруйтесь. Есть даже штемпель „РЦ“.

И после этого нас еще упрекают, что у нас нет „свободы печати“!

Но оставим это скверное происшествие с советской цензурой в стороне. Здесь кадет-меньшевик Тахтарев дал чрезвычайно ценный

кусок *общественной психологии нэпмановской интеллигенции*, в 1918—1920 г.г., торговавшей на железнодорожных и водных путях РСФСР и словарем Брокгауза и Ефрона, и кокаином, и бриллиантами, и старыми закладными, и... затхлыми идейками меньшевизма о независимости профдвижения, свободе торговли в условиях гражданской войны и т. д. Вместе с мешочниками, вышедшими потом в нэпманов, она проделала этот путь скитаний. Вместе с ними, она стремится сейчас получить облегчение идейных Нэпманов идеологов Нэпмановской буржуазии.

Член меньшевистского ЦК Далин из-за границы аукается: „Революция в России самая что ни на есть буржуазная". Профессор социологии петербургского университета Тахтарев откликается: ,,Именно так-с! Никакого октября не было. Сначала было массовое дезертирство. А потом—массовое мешочничество. Поскольку из мешочников сейчас выходят нэпманы, они-то и есть движущая сила русской революции''.

В эпоху ожесточенной гражданской войны меньшевики всячески срывали организацию снабжения Красной армии и революционного тыла, устраивая волынки и прочее в самые трагические моменты. Более истеричные эсеры убивали Володарских и Урицких. И те, и другие идейно возглавляли мешочническую спекуляцию.

...Как, однако, оригинально преподают социологию в советских университетах!

III.

„Междугрупповая, междуусобная борьба нередко доводит борющиеся общественные группы до потери чувства своего общественного единства, доводит общество до своего рода потери чувства общественного сознания. Эта борьба, если она ведется исключительно за групповые интересы различных групп, делает их какими-то противообщественными силами и неизменно разрушает общество, если только его члены не придут во-время в чувство общественного сознания".

Такого рода ,,социология'', несомненно, более бы пристала для Врангеля, но сей барон ведет в настоящее время экстерриториальное существование и, необладая государственным суверенитетом, пользуется лишь благами... культурно-национальной автономии. Только этим и можно об'яснить, что иные ,,марксистские'' проповедники гармонии труда и капитала и братства пролетариата и буржуазии пресмыкаются перед буржуазией на *советской* территории.

,,При условиях безысходной междугрупповой борьбы, сословий и классов, приводящей лишь к их взаимному обессиливанию (!), общественно-должностная группа правителей, имеющих в своем распоряжении всю государственную машину и всю военную силу, конечно, может временно господствовать над обессиленными этой борьбой общественными группами и проявлять себя так, как проявляют себя все самодержавные правительства, которые и возникают всегда при подобных условиях безысходной междугрупповой или *классовой* борьбы. При других условиях, то-есть при более обычных обстоятельствах общественной и политической жизни, каждое правительство, заботящееся

(!) о дальнейшем своем существовании, постоянно производит учет *всех* общественно-групповых сил,—как тех, которые могут служить ему поддержкой, так и тех, которые стремятся к свержению его".

Итак, долой классовую борьбу, долой пролетарскую диктатуру во имя „демократии"!

Книжка Тахтарева издана Центральным издательским кооперативным союзом „кооперация". Это—образец меньшевистско-эсеровско-кадетской „кооперативной мысли".

Ученые мерзавцы не стесняются в Советской России. После своей филиппики против классовой борьбы и классовой диктатуры вообще, „кооперативный" профессор для ясности прибавляет: „Современная русская действительность может служить поучительнейшим примером подобного рода правительственной политики, самым убедительным образом показывающей, какое важное значение имеют различные (!) общественные группы и организации в политической жизни общества".

Даже белая социология в духе Иловайского может быть полезна. Она разоблачает классовую подоплеку „внеклассовой" идеологии и показывает, что между „торговой демократией" Рябушинского и „просвещенной демократией свободных профессий" нет никакой разницы.

И там, и тут медный пятачок господствует и повелевает. Кадетско-эсеровско-меньшевистская „наука" лишь оборотная сторона медали, лицо которой обращено к свободному буржуазному рынку.

Г. Сафаров.

К ВОПРОСУ О ЗАДАЧАХ ПАРТИЙНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В УСЛОВИЯХ НЭП'а.

НЭП несет с собой натиск мелкобуржуазной стихии на пролетарское государство и партию. Этот натиск есть лишь измененная форма прямого нападения интернациональной буржуазии и нашей белогвардейщины и рассчитан на разложение компартии. Необходима партийно воспитательная работа среди членов партии: нужна учеба, знание, дисциплина.

Нетрудно понять, почему партийно-воспитательная работа приобретает первостепенное, центральное значение в условиях новой экономической политики, связанной с частичным возрождением капитализма. Это частичное возрождение буржуазно-капиталистических производственных отношений создает психологическую, идейную и организационно-материальную опору для непрерывного, систематического, повседневного и повсеместного натиска мелкобуржуазной, частно-собственнической стихии на пролетариат, пролетарскую власть и пролетарскую партию.

В настоящее время все буржуазно-интеллигентские подворотни полны удовлетворенным урчанием по случаю роста элементов новой буржуазии. Здесь для них важна не фактическая величина этого роста, которая, сравнительно, незначительна, а то, что через эту нэпмановскую „торговую демократию" они рассчитывают проложить возвратный путь международному капитализму и белой эмиграции в Россию.

Торговля „демократизирует“ пользование материальными и духовными благами в том смысле, что при наличии свободного рынка классовые „привилегии“ трудящихся и их государственной и профессиональной организации подвергаются ежеминутной, ежечасной и ежедневной атаке со стороны этого свободного рынка. Деньги, отчасти, вновь приобретают прежнее качество „свидетельства на получение чужого дохода“ Коммерческий расчет заставляет „свертываться“ по многим направлениям. Это и дает нэпману возможность субсидировать свою литературу, науку, искусство и т. д., пускать в оборот Нат Пинкертона, кинодрамы в 10 километров и различных сенктанских „братушек“ для уловления малых сил. И в городе, и в деревне, социальный слой „середняков“, собственно мелкой буржуазии, вовлекаемый стихией рынка в торговый оборот, уходит значительно дальше от влияния Советского государства и пролетариата, что я помню в эпоху военного коммунизма.

Потерпев поражение на вооруженной пропаганде капитализма в форме белогвардейских налетов и интервенции, буржуазная контр-революция переходит сейчас к „мирной“ пропаганде капитализма, надеясь взять „тихой сапой“ то, что не удалось захватить в свои руки силой оружия. Разорвать органическую, нутряную связь пролетарского государственного аппарата с пролетарскими массами, сшибить профессиональные союзы, ведающие защитой повседневных интересов рабочих масс, с точки зрения пролетарской диктатуры, изолировать партию коммунистов в рабочем классе—вот те задачи, которые ставит сейчас себе буржуазная контр-революция и которые выдвинуты перед ней всем ходом развития классовой борьбы в России за последние пять лет.

По отношению к деревне она бьет на разрыв смычки между пролетариатом и крестьянством и старается руками полинялых меньшевистско-эсеровских интеллигентов захватить важнейший узловой пункт этой смычки — кооперацию, и, прежде всего, сельскохозяйственную и и промысловую, куда более затруднен доступ пролетарским элементам.

„Культурное наступление“ идет по пути проповеди „внеклассовой“ идеологии во всех формах и видах. Забытые в архивах старой Чека, кадетские ихтиозавры и птеродактили, белые профессора, писатели из „нейтральных“, журналисты из „Утренников“ и „Экономистов“ и... иные „сменовеховцы“, у которых зуб с буржуазно-реставраторским свистом, выстраиваются единым фронтом для проповеди „добра, истины и красоты.“.

Расчеты на взрыв коммунистической партии изнутри играют также немаловажную роль.

Если нэпман испытывает взяткой, „дружеским отношением“ и „хорошим угощением“ крепость коммунистических принципов на оконечностях советского организма, то буржуазная контр-революция полагается, главным образом, на разложение коммунистической партии пролетариата *под влиянием материално-бытовых и психологических условий НЭП'а.* Завравшись до бесчувствия, меньшевик Далин выдал этот секрет буржуазной контр-революции: „Зародыши всех новых классовых и партийных группировок заключены в единой РКП. Как из луковицы вырастают понемногу различные стебельки, так и политические группировки ближай-

шего будущего вырастают (!?!) из нынешней единой правящей партии. В ней есть крестьянские элементы, еще не сложившиеся в особое течение. В ней—значительные рабочие группы, начинающие (!) смутно сознавать свои интересы в пределах партии и государства. В ней большие интеллигентские группы, отчасти, с демократическим (!) устремлением, отчасти, с великодержавным в духе „Смены Вех“ В ней, наконец, немало мелкобуржуазных элементов“.

Истинно-берлинским меньшевикам вольно изображать РКП по образу и подобию меньшевистской Р. С.-Д. Р. П.! Однако, за откровенность можно поблагодарить: эти словоблуды контр-революционной буржуазии расчитывают, что частно-собственническое окружение возьмет пролетарскую партию *тихой сапой.*

Для того, чтобы бить врага, нужно его знать. Враг не силен. Он больше шумит и портит атмосферу, чем успевает. Но „береженного и бог бережет“. Будем бить наших классовых врагов в самую сердцевину их затаенных упований!

Партийно-воспитательная работа, которая должна *идейно воспитать и дисциплинировать* всех до единого—членов нашей славной РКП, должна развиваться по двум направлениям: *с одной стороны, преследовать задачу марксистско-классового, идейного укрепления пролетарского ядра нашей партии, с другой стороны, стремиться дать деревенским коммунистам-пролетариям и полупролетариям правильное понимание между городом и деревней в пролетарской революции.*

Главная группировка по квалификации в области партийно-воспитательной работы такова: 1) рабочие, 2) красноармейцы, 3) крестьяне, 4) советские партийные работники.

В особенности относительно последних нужно заметить, что ставшие до известной степени традиционными ссылки „на занятость“ должны быть решительно отброшены. Сейчас всем нужно упорно и усиленно *работать головой, мозгами,* чтобы укрепить фундамент пролетарской диктатуры.

Отдельные участки нашего государственного, административного и хозяйственного фронта, в буквальном смысле слова, *прикрыты отдельными коммунистами.* Раньше стихийная сила масс все покрывала и искупала, сейчас всем приходится держать *экзамен на личную годность.*

Регламентировать поведение коммунистов во всех случаях жизни каким нибудь „моральным уставом“—совсем безнадежное дело. Пролетарская партия—не ремесленный цех. Ее основа—идейная выучка, идейная спайка *и идейная дисциплина.*

Напрасны изыскания отдельных товарищей, старающихся найти „морального жандарма“ для коммуниста. Коммунист должен сообразовывать все свои поступки с требованиями целесообразности, с точки зрения рабочего класса.

Такова наша старая марксистская точка зрения и, право, не стоит „перенэпивать“ в области этики. Нужны *учеба, знание и дисциплина.*

„Научиться выгодно торговать в пользу государства, и не оторваться от масс“ возможно только *на твердой пролетарско-классовой, марксистской позиции.*

В первой половине прошлого года разногласия по организационным вопросам занимали непомерно большое место в жизни нашей партии.

Теперь мы поняли многое из того, что тогда было не совсем ясно: нельзя слишком широко расставлять локти внутри партии, не содействуя прямым классовым врагам пролетариата.

Оружие марксистского знания помогло нам победить самодержавие и буржуазию.

Этим же оружием мы победим и все трудности переходного времени!

Г. Сафаров.

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА и ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА.

(К итогам партийной конференции).

Реферат тов. Зиновьева на партийной конференции был посвящен важнейшему вопросу, стоящему теперь перед партией—борьбе с политическими последствиями НЭП'а. Буржуазная идеология поднимает голову. Нам необходимо бороться с ней, не только средствами принуждения, но и усилением нашей собственной работы в идеологической области.

Центральным пунктом партийной конференции, только что закрытой, был, без сомнения, доклад тов. Зиновьева о новых методах организации антисоветских сил и направлений. Под этим длинным заглавием скрывалось не что иное, как вопрос об отношении пролетарской диктатуры к политическим последствиям новой экономической политики, т.-е. самый важный вопрос, стоящий перед коммунистической партией России.

Господа меньшевики всех оттенков—от Мартова и Дана до Павла Леви—заявляли, что раз Советская власть принуждена экономической структурой России и международным положением делать уступки буржуазии, капитализму, то отсюда следует, по всем правилам марксизма, что она должна делать и политические уступки. Эсеры требуют в качестве этой уступки и в порядке обязательной для всякого умного человека последовательности—созыва учредилки. Господа меньшевики немножко скромнее: они учредилки уже не требуют, но требуют свободы для так-называемых рабочих партий, т. е., отбрасывая псевдоним—свободы для меньшевиков и эсеров, дабы эти „демократические“ партии могли подготовить переход от пролетарской диктатуры к так-называемому демократическому режиму, т.-е., снова, отбрасывая ненужные псевдонимы,—переход к диктатуре капитала.

Коммунистическая партия России заявляла с самого начала, когда делала первые шаги по пути новой экономической политики: многоуважаемые господа, сие совсем не следует. Бытие определяет сознание, экономика определяет политику. Но между бытием и сознанием существуют передаточные звенья, к которым принадлежит и время, экономическая база создает ей соответствующую политическую надстройку. Но этим еще не сказано, в продолжение какого времени она ее создает. Экономическая база капитализма существовала во многих странах десятки лет под покровом феодальной политической надстройки. Если бы даже в России на почве новой экономической политики созда-

лась чисто капиталистическая база, то из этого совсем не следовало бы, что она должна получить в продолжении ближайших лет буржуазную политическую надстройку. Из этого следовало бы только, что будет происходить борьба между экономической капиталистической базой и организующейся на ее почве буржуазией, с одной стороны, и политическим режимом рабочего класса с другой. Исход же этой борьбы зависит от того, как сложится мировая обстановка в продолжении ближайшего десятилетия—победит ли в европейском масштабе капитализм и поможет ли он победить русской буржуазии, или же победит в Европе пролетариат и поможет русскому пролетариату двинуть свое хозяйство по пути к социализму.

Так стоял бы вопрос в том случае, если бы новая экономическая политика являлась простой реставрацией капитализма. Но так вопрос вовсе не стоит.

Новая экономическая политика поощряет путем свободы торговли, развитие сельского хозяйства в России, этой основной базы развития русской промышленности. В области крупной промышленности новая экономическая политика не признает собственности на средства производства. Она допускает только аренду, и то только в определенной части промышленности, в известных ее областях. Главный стержень промышленности должен оставаться в руках пролетарского государства. Из этого следует, что здесь, одновременно с частичным восстановлением буржуазии, должно происходить усиление экономической базы социализма. Это еще более усиливает виды пролетариата на удержание власти даже в том случае, если победа мирового пролетариата отодвинется на продолжительный период.

Больше того, эта политика должна создать условия для фактического проведения социализма в будущем. Само собою понятно, что этот вопрос решится не программными декларациями партийных конференций, а в борьбе советского правительства с иностранным и русским капиталом, в борьбе, которая окончится нашей победой только при том условии, если мы отобьемся от натиска иностранного капитала, стремящегося навязать нам реституцию частной собственности иностранцев и обложить нас непосильной данью. Она окончится нашей победой, если мы сумеем перейти фактически, а не только на словах, на коммерческий расчет, если сумеем конкурировать с частной промышленностью в борьбе за источники сырья. Но, во всяком случае, как бы ни была трудна задача, скольких бы лет она ни потребовала для выучки, она не представляется задачей неразрешимой. *Таким образом, по азбуке марксизма (экономика определяет политику) не только не следует, что коммунистическая партия, вступившая на путь новой экономической политики, должна отказаться от своей диктатуры, но, наоборот, из этого следует, что диктатура пролетариата, возглавленного коммунистической партией, явится и впредь оружием борьбы за социалистические преобразования в России.*

Это все азбука. Новое начинается с выяснения *особых условий*, в которых теперь приходится проводить диктатуру пролетариата. В период интервенции и открытой гражданской войны надо было не только душить, но задушить буржуазию, которая сражалась с нами с оружием в руках. Чтобы её задушить, надо было атомизировать ее эконо-

мически, разбивать всякий ее экономический аппарат, даже если бы он мог нам пригодиться экономически. Всякая лавка, в которой буржуа мог принимать посетителей и при помощи телефона поддерживать связь с другим буржуазным торговцем, могла являться базой для конспиративной, подрывной работы белогвардейцев всех родов. Само собою понятно, что и теперь эта опасность еще не миновала. Но эта опасность теперь в тысячу раз менее остра. Во время гражданской войны и интервенции вся страна являлась тылом фронта, и состояние того тыла обеспечивало победу на фронте. Контр-революционные заговоры и теперь возможны и опасны, но заговором теперь нельзя причинить нам неисправимого вреда и нанести нам молниеносный удар. Теперь для буржуазии может итти речь только об использовании экономических позиций, которые она завоевывает, об ее медленной политической организации, как силы, враждебной Советскому правительству. И поэтому, *поскольку мы в данной обстановке в интересах хозяйственного восстановления страны, должны допускать, частичное возрождение буржуазии, постольку наша политическая задача—мешать ей организоваться политически на базе ее экономического восстановления. В тоже время мы не должны никоим образом тормозить процесса экономического возрождения, хотя бы он в известных своих частях шел по капиталистическому руслу.* Если в 1919 году задача борьбы против буржуазии, ее партией и ее помощников была очень простая, чекистская, то теперь эта задача очень осложняется. Происходящие в стране экономические процессы требуют, само собою понятно, научного изучения, которое не может быть проделано одними только коммунистами. Из этого следует—хотя бы в области экономической литературы—необходимость допущения издания трудов некоммунистических. Но, само собою понятно, что буржуазия, забегая вперед, пытается на почве этой необходимости мобилизовать все свои идейные силы, создать капиталистические пропагандистские органы, в которых на две деловые, необходимые статьи спецов идет десять статей буржуазного политического разврата. В области организационной антисоветские партии будут пытаться все необходимые экономические об'единения сделать опорными пунктами для организации своих политических сил. Это будут делать не только меньшевики в профсоюзах, эсеры и кадеты в кооперативах, но и самые настоящие октябристы в наших трестах и других хозяйственных организациях. Неслыханно интересно смотреть, например, на об'явления многих расплодившихся в последнее время некоммунистических журналов. Все они имеют об'явления наших трестов, Госбанка. Таким образом пытаются г.г. буржуа, сидящие в качестве спецов в наших хозяйственных органах, поддерживать материально формировку буржуазных идейных и политических группировок.

Борьба со всеми этими новыми явлениями требует у борцов пролетарской диктатуры вдумчивости, быстрой ориентировки, умения различать. Тут недостаточно огульно хватать и закрывать, тут *надо уметь поддержать то, что полезно, и отсечь то, что нам вредно*. Этим понятно, не исчерпываются новые задачи. Кроме этих задач, я бы сказал, рассудительной администрации, нужна громадная *идейная борьба с буржуазной идеологией* в ее новых конкретных проявлениях. Так же,

как нам придется конкурировать с частным капиталом в экономической области нам придется также конкурировать в области идейной, не довольствуясь тем, что мы можем запретить. *Ибо гвоздь положения в том, что не все мы хотим запретить.*

Громадная заслуга реферата тов. Зиновьева в том, что он обратил внимание партии на эти *новые вопросы*, требующие новых усилий партии. Надо взяться за работу немедленно, бросить на новый *идейный фронт* значительное количество сил, воспитывать новые идейные силы и подготовлять их для предстоящей борьбы. Это—борьба трудная, она будет требовать значительных усилий, но это борьба неслыхано благодарная, и партия укрепит в ней свои мускулы и свою идейную силу. Эту борьбу надо сразу поставить, как *наступление*. Все, что мы делали в этой области до настоящего времени—это было указывание на опасность и частичная оборона. Надо организовать наши идейные силы, создавать научную литературу, соответствующие боевые журналы. Идейно это наступление вполне возможно, *ибо хотя бы мы в России принуждены были временно отступить экономически*, что дает нашим противникам возможность разглагольствования о банкротстве коммунизма,—*в международном масштабе буржуазия переживает полнейший экономический, политический и идейный развал.*

Карл Радек.

КООПЕРАЦИЯ.

ДОКЛАД тов. КУЙБИШЕВА О КООПЕРАЦИИ НА ПАРТКОНФЕРЕНЦИИ.

Товарищи, дискуссия по тому вопросу, которому посвящен мой доклад, по существу, уже началась, и эта импровизированная невиданная стычка, которая произошла, показывает, что основные спорные вопросы кооперации лежат в плоскости политической, и что оценка кооперации, с точки зрения политики, с точки зрения взаимоотношения классов, у нас в России, по существу, является основной оценкой, которую мы должны сейчас ей дать. Но я позволю себе в начале своего доклада остановиться на положении несколько другого порядка.

Империалистическая война, разорившая массы населения всего мира, вызвала естественную тягу у разоренных классов, т.-е. прежде всего у мелких товаропроизводителей, крестьян, ремесленников и кустарей—тягу к кооперированию, к соединению своих трудовых усилий,- для достижения максимального производственного результата.

Этот факт бесспорен для всех стран, втянутых в войну, он бесспорен и для России. Мне хочется доказать здесь ту мысль, что тот переходный период, который мы переживаем, через который проходит сейчас советское государство, период так называемого государственного капитализма при наличии пролетарской диктатуры, является наиболее благоприятным для максимального развития кооперации.

Если мы возьмем потребительскую кооперацию при чисто капиталистическом строе, то все кооператоры знают и все занимающиеся этим вопросом подтвердят, что потребительская кооперация при этих условиях, при условиях чистого капитализма имеет совершенно определенные пределы своего развития, дальше которых она пойти не может. Потребительская кооперация имеет источником накопления своих материальных кооперативных рессурсов лишь меньшую часть общественных доходов, ибо источником кооперативных доходов накопления материальных ценностей для кооперации является, так называемый, переменный капитал, т.-е. заработная плата, но основной капитал не может пополнять доходов кооперации, не может служить базой для материального обогащения ее. Поэтому этот экономический предел не может сделать из потреби-

как чем ...
тельской кооперации фактора под'ема материального благополучия тех классов, которые тяготеют к кооперации.

Совершенно другое положение мы видим теперь при государственном капитализме. В капиталистическом государстве кооперация ставит своею основною целью борьбу с торговым капиталом, с его эксплоатацией потребителей, но кооперация не встречает особенной поддержки со стороны правящей буржуазии. У нас положение резко меняется и защита интересов потребителей России,—и крестьян, и рабочих—становится непосредственной задачей пролетарского государства.

Это с одной стороны. С другой стороны, пролетарское государство смотрит на кооперацию не только, как на организацию, удовлетворяющую интересы потребителя и защищающую его от эксплоатации торгового капитала, а смотрит на кооперацию, как на основное орудие товарооборота.

Мы уничтожили буржуазию, мы уничтожили крупный торговый капитал, который осуществлял функции кровообращения в хозяйстве страны. Совершенно естественно, что теперь кооперация для нас является основным аппаратом товарооброта, и не напрасно, майская конференция РКП в 1921-м году зафиксировала своей резолюцией—считать кооперацию основным аппаратом для проведения товарообмена.

Отсюда следуют: государственные задания, фонды, которые выделяет государство кооперации, кредиты, которые оказывает государство потребительской кооперации и т. д.—все это ставит потребительскую кооперацию у нас в эпоху государственного капитализма, в совершенно иные условия, чем это было в капиталистических странах.

Те восторги, которые высказали представители иностранной кооперации, не следует относить за счет способностей руководителей нашей потребительской кооперации. Их надо отнести за счет тех благоприятных условий, в которых находится кооперация.

То же можно сказать и относительно других видов кооперации. Промысловая кооперация об'единяет уже производителей, работающих в условиях разорения и нищеты, и поэтому она является об ектом непосредственной поддержки со стороны рабочих масс, сельско хозяйственная кооперация, которая призвана увеличить производительность, поднять народное хозяйство, поддержать маломощного крестьянина. Она является предметом опеки государства, целого ряда партийных и советских органов.

Переживаемый нами период создает необыкновенно благоприятные словия для развития кооперативного движения во всех его формах. Это нужно помнить и знать. Не использовав эти необыкновенно выгодные условия и все эти возможности, мы бы совершили большое преступление перед народным хозяйством в целом, ибо кооперация является большим фактором в деле под'ема этого народного хозяйства.

Я приведу некоторые незначительные цифры, которые подтверждают и доказывают мою последнюю мысль. Начну я с промысловой кооперации. Вот по исчислениям профессора Рыбникова до войны, производительность нашей промышленности, включая и крупную и мелкую, т. е. по преимуществу кустарную и промысловую, составляла 7.300.000.000 руб. Эта цифра является спорной. Некоторые исследователи нашего народного хозяйства исчисляют нашу ежегодную производительность

промышленности до войны в несколько других цифрах. Так, например, профессор Граневицкий исчисляет ее в 6.250.000.000 руб.

Но меня интересует не абсолютная цифра, сколько именно, а соотношение между крупной и мелкой промышленностью. Профессор Рыбников исчисляет взаимоотношения так: крупная индустрия давала 4.900.000.000 руб. ценностей, мелкая промышленность и городская и сельская создавала на 2.400.000.000 руб., т.-е. 33% всех ценностей, создаваемых у нас промышленностью. Особенно важны для меня исчисления, которые сделал Рыбников относительно средней производительности кустаря. Она равнялась приблизительно 461 руб. в год, будучи разной для сел и городов. Для села она была в среднем, включая музыкальную промышленность, 439 руб,—для городской мелкой промышленности—588 руб., в городе для фабрично-заводской промышленности—1.828 руб. Возьмем для осторожности среднюю производительность кустаря в селе—439 руб. Сейчас у нас имеется, учтенных статистикой, 3.000.000 кустарей в селе и в городе.

Если на время предположить, что производительность кустаря равняется довоенной, то в этом случае ценности, которые дает кустарная промышленность, равны 3.317.000.000 руб. Совершенно ясно, что производительность кустаря теперь значительно упала. На производительность влияет и отсутствие хорошего сырья, и перебои в получении этого сырья, и изношенность инструментов и целый ряд других об'ективных обстоятельств. Допустим, что эта цифра должна быть значительно понижена. Допустим что она равна миллиарду. Пусть она даже будет значительно меньше миллиарда. Но если вы сопоставите эту цифру с тем, что в заканчивающийся отчетный период дает крупная промышленность, то увидите, что это такая цифра, пренебрегать которой абсолютно невозможно. Насколько я помню, по весенним исчислениям продукции нашей промышленности, произведенной ВСНХ, эти исчисления сводились к миллиарду. Таким образом продукция, которая дается массой мелких кустарей, представляет значительную цифру по сравнению с тем, что дает крупная промышленность, значение мелкой промышленности, значение кустарного промышленного хозяйства для общего хозяйства России становится совершенно очевидно.

Из 3-х миллионов промысловых кустарей об'единено 828 тысяч, т.-е. больше одной четверти. Если подойти к кооперированным кустарям с той же маркой, как к кустарям довоенной кустарной промышленности, беря поправку на падение производительности, мы имеем цифру достаточно внушительную, чтобы не пренебречь ею, обсуждая вопрос о поднятии нашего народного хозяйства.

Возьмем другой вид кооперации—сельско-хозяйственную. Здесь предел развития этой кооперации абсолютно отсутствует, ибо она должна и имеет тенденцию охватить все сел.-хоз. России в целом, об'единить трудовые усилия многомиллионного крестьянства.

Это задача столь грандиозная, что решение ее не может измеряться месяцами или годами. Значение с.-х. кооперации для общего состояния нашей промышленности, нашего хозяйства очевидно. Малейшее об'единение трудовых усилий дает возможность сельскому хозяину значительно поднять свое производство. Оно помогает улучшить и организовать закупку инвентаря, орудий, машин, семенного материала, оно дает

возможность организовать сбыт, дает возможность вместе, коллективными усилиями, осуществлять такие большие задачи, как совместную обработку земли, постановку мельниц и т. д. Все это значительно поднимает производительность сельского хозяйства, и результат кооперативного хозяйства должен сказаться в крупной цифре повышения общего дохода нашей республики.

Наконец, потребительная кооперация является организацией не только ограждающей интересы потребителей-крестьян и рабочих, но и потребительская кооперация также мощное орудие товарооборота, и значение ее в общей системе народного хозяйства, мне кажется, неоспоримо. Доказывать значительность и важность организации обмена между городом и деревней не приходится.

Таким образом, все виды кооперации представляют огромное значение для государства и народного хозяйства.

Но помимо этой экономической, или вернее говоря, благодаря этому огромному экономическому значению кооперации, в нашем народном хозяйстве велико и политическое значение кооперации, как арены, где сейчас происходит, главным образом, и по преимуществу, соприкосновение двух классов России—крестьян и рабочего класса.

Ведь недаром на кооперацию обращают такое большое внимание враждебные нам партии, недаром все ячейки кооперации, оставшись без контроля, или без достаточного влияния государства или коммунистической партии, немедленно заполняются представителями мелкобуржуазных партий с враждебной нам идеологией.

Этот процесс является результатом не только того, что мелкобуржуазный производитель выделяет мелко-буржуазные партии, это не только химический закон, о котором говорил тов. Ленин, в одной из своих речей. Здесь налицо цель, со стороны мелкобуржуазных политических партий, овладеть кооперацией, как способом влияния на широкие массы крестьянства и рабочих, влияния через организацию, удовлетворяющую непосредственные, каждодневные нужды рабочих и крестьян. Здесь наиболее легкий способ проникновения любой политической партии.

Многие товарищи употребляют общее выражение, что в кооперации имеются политиканствующие элементы, мешающие, интригующие, саботирующие. Такая оценка получается потому, что часто несерьезно подходят к вопросу о борьбе с засильем меньшевиков, эс-эров и других антисоветских элементов. Многие думают, что этот вопрос не так важен, что это мелкое политиканство, интриганство, как они говорят, и т. д. можно известным образом терпеть, ибо оно не является еще политической борьбой. Это—глубокая ошибка. Здесь, со стороны враждебных нам партий, настоящая деловая политика. Это стремление политически враждебных нам партий направить свои усилия, свое влияние в то место, где они могут соприкоснуться с классом мелкой буржуазии, опереться на нее, противопоставлять нам не отдельные мелкие группки политических партий, разбитых Октябрьской революцией, а класс, организованный под руководством этих элементов мелко-буржуазной идеологии.

Недаром кооперация стала орудием этой политической борьбы. Этого не нужно забывать. И мы должны подойти к кооперации не толь-

ко с точки зрения экономического значения ее для нас, а и с точки зрения ее определенного политического значения. Кооперацию мы должны рассматривать, как широкую арену классовой борьбы, где нужно проводить свою политику. Политика есть соотношение классов, политика есть правильное разрешение этих взаимоотношений. И именно здесь, на арене кооперации, на той арене, где рабочий класс и крестьянство связаны между собой своими экономическими интересами, здесь и происходит основное соотношение классов, здесь и должна быть правильно решена основная политическая задача русской революции.

Эту задачу можно решить по-разному. Можно сказать, что рабочий класс преследует свои особые цели. Поэтому он должен в области кооперации защищать свои собственные интересы, а крестьянство пусть живет само собой. Конечно, можно смешать все в одну кучу, вместе в одну кашу, как это делают эс-эры, и заявить, что весь трудовой народ един, и что рабочий класс должен раствориться в массе многомиллионного крестьянства. И можно решить задачу еще одним способом—способом установления взаимоотношений между крестьянством и рабочим. Мы знаем, что должна быть гегемония пролетариата над крестьянством, предводительство рабочим классом крестьянства, не разделение и не смешение, а руководство. Всякий, кто знает историю большевизма, знает, что формула гегемонии пролетариата по отношению к крестьянству являлась основной политической формулой.

И победа большевизма в октябре, и после октября, и затем—в период, когда мы отстаивали государство от нападения многочисленных врагов, победа большевизма заключалась в том, что он умел эту формулу применить в жизнь. Все острые периоды нашей борьбы знаменовались ни чем иным, как правильным подходом со стороны коммунистической партии к этой основной задаче русской революции.

Мы всегда умели становиться в положение гегемона над крестьянством. В период гражданской войны оборонить государство от наступления помещиков и капиталистов, эта гегемония вылилась в особую форму,—в форму продразверстки,—на почве общих интересов защиты от помещиков и капиталистов. Мы наш союз с крестьянством, основанный на гегемонии пролетариата, облекали в форму продразверстки, вели крестьянина на бой с общим нашим врагом, требуя от него определенных классовых жертв в пользу этой войны.

Мы этого добились, ибо при общих целях,—с одной стороны,—мы умели давать классу пролетариата господствующую руководящую роль в этой борьбе. Мы не разделили в тот момент пролетариата от крестьянства абсолютно, не уклонились от классового боя, ибо всякий союз между классами, имеющими общую цель, является классовой борьбой.

Мы не уклонились от боя и ни противопоставили рабочий класс и крестьянство друг к другу, в борьбе строили взаимоотношения таким образом, что добивались того, чтобы пролетариат вел за собой крестьянство. То же самое и теперь—при изменившейся обстановке.

Товарищи, которые говорят о разделении потребительской кооперации, являющейся наиболее широкой ареной для осуществления смычки между крестьянством и пролетариатом, наиболее широкой ареной для осуществления гегемонии над крестьянством, заявляют, что необхо-

димо выделить рабочую кооперацию и сделать потребительскую кооперацию не единой, обязательной для каждого рабочего и крестьянина, а кооперацией, разделенной по классовому признаку, они хотят создать рабочую кооперацию, с одной стороны, и обще-гражданскую, по преимуществу крестьянскую,—с другой стороны.

Эти товарищи по существу уклоняются от правильного решения политической проблемы, от политического боя, который проходит на арене этой кооперации. Они своей позицией неизбежно ведут к тому, что рабочий класс на этой арене боя будет изолирован, разбит, подавлен. Это отделение поведет к тому, что рабочая кооперация логикой своего аппарата, своей работой будет все больше удаляться от обще-гражданской. Это противоречие будет вести к тому, что рабочая кооперация будет отделяться все больше и больше и на почве этого отделения, чем дальше, тем больше будут развиваться меньшевистские, синдикалистские, тред-юнионистские и другие течения, которые будут овладевать рабочим классом.

Если мы подойдем к вопросу, что разделяет нас с партией меньшевиков и эс-эров, конечно, главное и в основе—то, что они являются мелко-буржуазной партией, а мы партией пролетарской. В чем выражается основная разница? В чем выражалась она исторически? Она выражалась всегда в разном отношении, в разном подходе к политической проблеме взаимоотношения между рабочим классом и крестьянством, неправильное разрешение этого вопроса повело меньшевиков сначала к оппортунизму, потом по ту сторону баррикад и сделало их в конце-концов, одним из отрядов международного империализма.

Именно это неумение, неумение подойти к правильному решению этой формулы, это отделение рабочего класса, обособление его, устройство глухой стены между ним и крестьянством в стране, где большинство подавляющее большинство мелко-буржуазного населения, неизбежно ведет к ослаблению сил рабочего класса, к невозможности ставить для него какие бы то ни было политические задачи, добиваться каких бы то ни было политических результатов, ведет к неизбежной сдаче своей позиции крупной буржуазии и помещикам. Так протекала история оппортунизма меньшевиков. В чем заключается разница между ними и эс-эрами? То же неумение поставить правильно эту задачу. Мелко-буржуазная сущность толкала их на такое решение этой задачи, что они об'единяли рабочий класс и крестьянство в едином трудовом народе. В результате происходила полная потеря всякого влияния пролетариата на крестьянство, смешение его в этой общей массе и тем самым предательство рабочих интересов.

А дальше следует один этап за другим, которые, в конце-концов, из этой партии сделали наиболее верный, наиболее рьяный отряд международного империализма, импиралызма самого худшего пошиба, империализма интервенционистского, империализма, являющегося злейшим врагом рабочих и крестьян.

Вы, товарищи, понимаете таким образом все значение правильного решения этого основного политического вопроса, стоящего перед рабочим классом России, вопроса о руководстве крестьянством, который стоял перед нами всегда и повсюду, а в таком числе и в ко-

операции. Каково же должно быть разрешение этой основной задачи в России. Как же должен быть решен вопрос относительно потребительской кооперации? То обстоятельство, что в потребительской кооперации об'единены и рабочие и крестьяне и что в потребительской кооперации рабочие заинтересованы непосредственно, обеспечивает активность, пролетариям, и тем самым обеспечивает их влияние на потребительскую кооперацию в целом.

В силу этих условий потребительская кооперация представляет собою самую широкую арену для осуществления наших политических задач. Мы должны сделать потребительскую кооперацию обязательной, включив в нее всех рабочих и крестьян; должны добиться, чтобы эта потребительская кооперация была единой, чтобы пролетариат и его организация внутри этой кооперации завоевали себе влияние на ее, и чтобы пролетариат добился через свои классовые организации влияния на потребительскую кооперацию в целом.

Этот спор имел место в центральном комитете неоднократно и последнее решение было связано со с'ездом уполномоченных центросоюза. Вопрос ставился два раза. На заседании политбюро, первый раз были приняты тезисы, предложенные кооперативным совещанием при центральном комитете, в котором эта проблема решалась именно таким образом. В этих тезисах была признана необходимость об'единения рабочей кооперации, о недопущении организационных форм, ведущих к разрыву рабочей кооперации с общепотребительской, и была признана необходимость уделения максимального внимания со стороны потребительской кооперации целому ряду вопросов.

Затем эти тезисы вызвали возражение со стороны фракции рабочей кооперации, со стороны фракции общего с'езда уполномоченных союза, там были приняты поправки к этим тезисам, совершенно меняющие их содержание. С'езд уполномоченных, его фракции в целом двумя третями голосов приняли точку зрения центрального комитета и на обсуждение центрального комитета были поставлены те возражения, которые имеются во фракции рабочей кооперации. Политбюро, вторично рассмотрев этот вопрос, еще раз признало правильность позиции, принятой до сих пор, и заявило о политической вредности всех течений, которые имеются у представителей рабочей кооперации, обязав все местные организации и всех работников рабочей кооперации тщательно избегать ошибок, которые допускали представители рабочей кооперации на с'езде уполномоченных центросоюза. Я думаю, что задачей нашей кооперации является подтвердить решение нашего ЦК, подтвердить и признание ошибочности тех тенденций, которые имеются у целого ряда товарищей, предупредить все местные организации, что эти ошибки не являются лишь организационным разногласием внутри строительства потребительской организации, а что эти ошибки выходят далеко за пределы организационных интересов кооперации. Они становятся *политическими ошибками*, могущими принести нам неисчислимый вред, ибо неправильное решение основной проблемы крестьянства с рабочим классом, уклонение рабочего класса от осуществления его основной задачи, приведет само собою к неисчислимому вреду нашей политработы.

Дальше т. т., я хочу подчеркнуть значение для нас с.-х. кооперации. Экономически перед нами нет более важной задачи в настоящий момент, как под'ем с.-х. в стране. Это мне кажется бесспорным. При бедности наших рессурсов, при отсутствии возможности со стороны государства притти на помощь с. хозяйству сколько нибудь существенно и реально, совершенно естественный способ соединения трудовых сил этих мелких товаро-производителей является почти единственным средством для под'ема их хозяйства. Только соединивши свои силы, только соединив средства, имеющиеся в их распоряжении, они имеют возможность улучшить свое хозяйство в целом ряде областей. Мелиоративные т-ва, которым должен быть оказан государственный кредит, но которые должны привлечь и средства крестьян, заинтересованных в этом земельном улучшении, машинные т-ва, которые с помощью соединения своих средств дают возможность приобретения машин и орудий производства ,—это задача, которая недостижима для отдельного производителя, работающего в одиночку. Все эти способы улучшения крестьянского хозяйства возможны только при развитии с.-хозяйственной кооперации и поэтому с.-х. кооперация должна быть в центре нашего внимания.

Кроме того, с.-х. кооперация имеет и огромное политическое значение. Под'ем хозяйства крестьянина, установление устойчивости каждого отдельного индивидуального хозяйства, разрушенного и разоренного войной, является основной задачей каждого крестьянина, поскольку на этой почве происходит привлечение его к Советской власти. Определенная политическая работа на этой почве дает наибольшие плоды, наибольшие результаты. С.-х. кооперация является одним из важнейших видов всякой общественной работы в деревне, ибо она втягивает в себя огромные массы крестьян, ибо она ведет работу в интересах этих крестьян, и на почве этих интересов мы обязаны вести общественную полит ческую работу. Поэтому конференция должна подчеркнуть все значение с.-х. коперации и сосредоточить внимание нашей партии и принципиально и организационно на вопросе с.-х. кооперации. Мы должны посвящать этому вопросу больше внимания, чем это было до сих пор, мы должны давать большое количество сил с.-х. коперации.

Относительно промысловой кооперации я скажу два слова. Здесь дело обстоит более благополучно, чем в с.-х. кооперации, где наше влияние еще крайне незначительно, где дело до сих пор ограничивается установлением старой сети, разрушенной нашим прежним законодательством, т.-е. установлением той кооперации, которая была кулацкой, которая состояла из зажиточного крестьянства...

Дело вовлечения значительных масс маломощного, беднейшего крестьянства в кооперацию еще не поставлено практически. Еще не осуществлена задача об'единения колхозов с сельско-хозяйственными кооперативами, „этими проводниками пролетарской власти в деревне Все эти задачи лишь только стоят на очереди, и их нужно энергично осуществлять.

В промысловой кооперации дело обстоит значительно благополучнее. Нам удалось на последнем промысловом с'езде сельскохозяйствен-

ной кооперации одержать победу и завоевать значительное количество мест в правлении центральной промысловой кооперации. Целый ряд союзов рабочей кооперации находится уже в наших руках, и под влиянием рабочей кооперации находится уже очень много иных организаций. Но влияние это еще не достаточно сильно. Из того значения, которое имеет промысловая кооперация, как добавочный источник получения продуктов для нашего народного хозяйства, вы видите, что работа по промысловой кооперации должна быть еще энергичнее, и мы должны на это дело обратить внимание. Мы должны там усилить как можно больше наше влияние. Мы должны добиваться того, чтобы промысловая кооперация не была одной из баз враждебной нам силы.

Сельскохозяйственная кооперация, в отличие от потребительской, должна быть организована на добровольных началах, на принципах добровольного членства. Ибо мы имели дело с массой индивидуальных хозяйств. Из них каждое в отдельности имеет свои собственные обособленные интересы. И тут огульное об'единение всего крестьянства в единый сельско-хозяйственный кооператив, общий интеграл по об'единению сельскохозяйственной и промысловой кооперации, был бы ничем иным, как уничтожением этой самодеятельности, которая является основой сельскохозяйственной и промысловой кооперации. Я должен обратить ваше внимание на то, что это совершенно правильное решение вопроса, закрепленное нашим законодательством, оно вызывает все же на местах целый ряд неудобных для практики кооперативного движения явлений. В деревне в том или другом селе или волости появляется множество кооперативов. Там каждый волен организовать любой кооператив. Там появляются и сельскохозяйственные кооперативы и маслобойные и т. д. Там где появляется промысловый кооператив, там действует и потребительская кооперация.

Все это создает обстановку распыления внимания у крестьян между отдельными видами кооперации, которая каждая в отдельности должна приносить ему экономическую пользу. Он не может быть членом всех их. Происходит конкуренция между кооперативами в смысле вербовки своих членов. Даются обещания, которые не исполняются, чем подрывается доверие к кооперации вообще. Силы разрознены, нет совместной борьбы с торговым капиталом, с ростовщиком, который, пользуясь этой раздробленностью сил и конкуренцией, делает свое дело, и в конце-концов, эти кооперативы, конкурируя между собой, иногда доходят до таких методов борьбы, когда оказываются уже невозможными никакие совместные действия, никакая совместная координация сил и т. д. Вот с этими вредными явлениями нам и нужно так или иначе бороться. Некоторые товарищи выставляют идею принудительного интеграла, принудительного об'единения всех видов кооперации в единую интегральную кооперацию. Я думаю, что такое решение вопроса было бы вредным по тем мотивам, которые я уже здесь сообщал. Это при зачаточном развитии нашей кооперации сильно подорвало бы те стимулы, которые двигали ее вперед, и, без сомнения убило бы эти, по существу зачаточные ростки, ибо, что представляет из себя 14-ти-тысячное кооперативное образование в области сельскохозяйственных коопераций. У нас имеется 14 тысяч волостей, это значит, одна,

сельскохозяйственная кооперация на одну волость. В волости в среднем 10 тысяч населения. А если принять во внимание, что до сих пор наша сельскохозяйственная кооперация, в среднем, об'единяет 145 человек, то 145 кооперированных крестьян на волость, это капля в море, которая говорит о том, что сельскохозяйственная кооперация об'единяет лишь зажиточное крестьянство. Что значит 17 тысяч кооперативов промысловой кооперации, имещейся на лицо, которые об'единяют всего лишь четверть кустарей, и что значит, наконец 25 тысяч потребительских кооперативов? Эта цифра должна быть увеличена. 25 тысяч кооперативов об'язательных, но добровольные общества сюда не вошли. Если я ошибаюсь, меня поправят. 25 тысяч кооперативов, это мало для той большой, огромной страны, в которой мы живем. Все это зачатки кооперативного движения, которое при условии государственного капитализма ,могут развиться, охватить все трудовое крестьянство, всех кустарей, ремесленников, ибо нет тех сдерживающих начал, которые имелись для кооперации в период капитализма. И на этой начальной стадии кооперации говорят о принудительном интеграле, говорят об уничтожении основного стимула кооперации, когда существует заинтересованность материальная каждого при вступлении его в то или другое об'единение. Уничтожать этот стимул, значит разрушать и препятствовать развитию кооперации.

Какие же способы борьбы с теми нездоровыми явлениями, о которых я говорил? Я думаю, что мы должны итти по пути добровольного об'единения отдельных видов кооперации. Это не интеграл, это не осуществление единой кооперации, это привлечение к нему, как к добровольному об'единению тех кооперативов, которые возникают. Поэтому мы должны дать директиву партийным органам, чтобы в тех случаях, когда это вызывается экономической необходимостью и не мешает осуществлению пролетарского влияния на вновь создаваемую организацию, это об'единение должно осуществляться, должна организовываться смешанная кооперация. Тут является спорный вопрос: какую линию мы должны взять по вопросу о том, вокруг чего смешанная кооперация должна быть по преимуществу организована. Я скажу, что она должна создаваться преимущественно вокруг потребительской кооперации. Это тезис, против которого возражают представители наркомзема, внесшие в ЦК соответствующую поправку.

Почему *смешанные общества должны быть организованы по преимуществу вокруг потребительской кооперации?* Я думаю, что это ясно из того, что я сказал. Потребительская кооперация, куда входит городской пролетарий, является лучшей ареной в смысле осуществления пролетарского влияния, является большей гарантией того, что эти смешанные кооперации будут под влиянием, и влияние враждебных нам партий будет значительно ослаблено. Поэтому, *мысль о том, что эти смешанные общества должны создаваться вокруг потребительской кооперации, обязательно должна быть закреплена здесь, на этой партийной конференции.* Это будет директива места не в том смысле, чтобы принудительно об'единять вокруг потребительской кооперации. Это не будет означать, что нужно ломать систему добровольства и свободы выбора. Это значит что мы осуществляем партийное руко-

водство. Соответствующие фракции и одиночки коммунистов должны добиваться того, чтобы процесс об'единения кооперации происходил добровольно. Вокруг этого мы должны стягивать свои силы.

Если нам удается в отдельных случаях об'единить те или другие виды кооперации с.-х. или промысловые, то само собой разумеется, что это еще не является достижением задачи, тем более, что потребительская кооперация, являющаяся основным орудием товарообмена, имеет значительно большее количество государственных средств, большее количество возможностей удовлетворения непосредственно сельско-хозяйственного товаропроизводителя не только как потребителя, но и как производителя, ибо сбыт продуктов сельского хозяйства стал основной задачей с.-х. кооперации в настоящий момент. И этой задачи от с.-х. кооперации отнять нельзя.

Дальше мы добиваемся в эти отдельных видах кооперации того, чтобы совместно строить об'единенные, промышленные, хозяйственные, подсобные предприятия путем акционирования, путем договорных отношений и т. д. *Нужно уничтожить дух вражды, дух конкуренции и разлада между этими видами кооперации.* Нужно, чтобы коммунисты, здесь работающие, сумели находить общий язык, сумели, примерять кажущиеся противоречия между этими видами кооперации и соорганизовывать совместно хозяйственные предприятия, что будет наилучшим способом уничтожения конкуренции и борьбы. Должна быть установлена торговая связь. На почве кредита, в котором заинтересованы все виды кооперации, прежде всего и легче всего об'единять эти отдельные виды кооперации. Поэтому несомненно, *кредитные функции должны быть одним из могучих средств для уничтожения этой раздробленности*, разрозненности отдельных видов кооперации. Нет надобности доказывать, что это задача трудная—об'единение различных видов кооперации, но для достижения ее надо устраивать *смешанные товарищества, смешанные общества*, смешанные *союзы* различных видов кооперации и это должно проводится обычным, нормальным кооперативным путем на основании существующего законодательства, ни в коем случае не мешающего самостоятельности и самодеятельности прав разных видов кооперации. Мы должны пользоваться методами нашего влияния, органической постоянной работы, завоевывать это влияние и, завоевав его, осуществлять задачу об'единения, согласования и, наконец, слияния отдельных смешанных кооперативов.

Заканчивая, товарищи, свой доклад, я хочу остановиться на том обстоятельстве, что теперешнее положение кооперации, ее значение для народного хозяйства и значение ее как политической арены для осуществления нашего влияния на крестьянство в целом, все это диктует нам переход от случайного эпизодического, нерегулярного, несистематического влияния на кооперацию к постоянной органической и систематической работе и руководству. Мы должны не ограничиваться тем, что интерес того или другого парткома проявляется к кооперации в моменты с'ездов, в моменты выборов того или другого руководящего органа. Мы не должны ограничиться тем, что партийные комитеты разбирают конфликты между отдельными коммунистами и между кооперативами в целом. *Мы должны кооперативную работу держать под пос-*

тоянным пристальным вниманием всей нашей партии, всех наших партийных организаций. Мы должны установить с работниками, работающие в области кооперации, органическую, непрерывную связь, мы должны добиться того, чтобы были выявлены все фракции, все ячейки, все единичные коммунисты, работающие в кооперации, чтобы между ними была установлена определенная органическая связь. Межу ними в первую очередь и также между ними и партийными комитетами. Мы дожны создавать такие условия, при которых партийные комитеты могли бы систематически, изо дня в день, исполнять эти функции и таким образом добиться своего влияния в промысловой и с.-х. кооперации.

То обстоятельство, которое, я подчеркнул в начале своего доклада, это старание враждебных нам политических партий, использовать потребительскую кооперацию, ставит перед нами эту задачу с особенной остротой. Мы не должны давать возможности развиваться мелко-буржуазным проявлениям, вызванным нами к жизни, благодаря изменению нашей экономической политики. Мы не должны дать им укрепиться и не должны создавать для них возможности оформления. Мы должны принять все меры к тому, чтобы разрушить надежды мелко-буржуазных и контр-революционных организаций и отнять от них ту возможность, за которую они так охотно и так радостно ухватились.

Теперь разрешите мне огласить те поправки, которые были внесены тов. Осинским в мои тезисы.

Тов. Осинский предлагал изменить пункт тезисов, говорящий, что об'единение должно происходить вокруг потребительской кооперации, но комиссия ЦК признала необходимым оставление этого пункта, согласившись с моими доводами, что об'единение должно происходить по преимуществу вокруг того вида кооперации, на который рабочий класс и наша партия имеют наибольшее влияние.

Тов. Осинский предлагал добавить еще один тезис об оказании административного давления со стороны государственных и партийных органов на кооперацию. Этот тезис комиссией ЦК не был принят, ибо, с одной стороны, мы уже имеем соответствующее постановление партийной конференции и даже XI Партийного С'езда, где говорится о необходимости избегать этого административного давления, а с другой стороны, я лично полагаю, что это излишне еще и потому, что перегибает палку и могло создать из тезисов баррикаду для антисоветских элементов и враждебных нам политических партий. Я полагаю, что если хозяйственное положение потребует тех или иных политических уступок, эти уступки будут сделаны. Решение политической проблемы, т.-е. завоевание всей кооперации в целом нашей партией, не будет производиться нашей партией и нашими партийными огранизациями, вопреки и в ущерб экономическому и хозяйственному значению кооперации.

ПАРТРАБОТА В КООПЕРАЦИИ.

(Тезисы т. Куйбышева).

1. После введения продналога и установления свободы товарооборота, кооперация должна играть значительную роль в народном хозяйстве страны, являясь лучшей формой товарообмена с одновременной защитой интересов потребителя от эксплоатации торгового капитала. С другой стороны, кооперация служит важнейшим, в условиях острой экономической разрухи и отсутствия рессурсов у государства, средством под'ема производительных сил крестьянского хозяйства и увеличения общего количества продуктов в стране.

Вместе с тем, кооперация об'единяющая широкие массы рабочих и крестьян на почве защиты их непосредственных экономических интересов, является лучшим способом связи пролетария с крестьянином, и потому должна быть всемерно использована партией для осуществления смычки между этими классами и обеспечения руководства многомиллионным крестьянством со стороны пролетариата.

2. Потребительская кооперация, об'единяющая и рабочих и крестьян, как потребителей, и непосредственно выполняющая задачи товарообмена между городом и деревней, является наиболее широкой ареной для осуществления экономического союза рабочих и крестьян. Непосредственная заинтересованность рабочего, как потребителя, обусловливает его активное участие в строительстве потребкооперации и тем обеспечивает его влияние в ней, а через потребкооперацию и на кооперированное крестьянство. Это отличие потребкооперации от других видов, не включающих в свой состав городского пролетариата, диктует необходимость сохранения обязательного характера потребкооперации, с включением в ее состав всех рабочих и крестьян, расширяя тем самим, осуществляемый через кооперацию, союз рабочих и крестьян до пределов союза между двумя классами.

3. С этой точки зрения является совершенно недопустимым выделение рабочей кооперации из общегражданской или даже установление таких взаимоотношений, которые бы шли в направлении этого выделения. Рабочий класс, осуществляя основную задачу революции—руководство крестьянством, должен, не строя обособленной системы рабочей кооперации, добиться решающего влияния своих классовых организаций на потребкооперацию в целом, при одновременном максимальном внимании к делу улучшения снабжения рабочих и укреплению первичных ячеек рабочей кооперации.

4. Гарантированный состав потребкооперации, обеспеченность ее государственными заданиями и фондами для их выполнения, ни в коем случае не должны превращать потребкооперацию на данной стадии развития в технический аппарат товарообмена и распределения. Деятельность потребкооперации, как и других видов кооперации, должна быть основана на самодеятельности кооперированного населения, на основе материальной заинтересованности участников. Как способы для увеличения этой заинтересованности при добровольности паевых

взносов, - могут явиться: предоставление преимуществ по паевым, целевым и другим взносам, распределение прибылей, участие в отдельных операциях, преимущественное обслуживание тех, кто внес паи или средства на специальные цели и другие способы поощрения активных участников. Боевой экономической и политической задачей потребкооперации является в настоящий момент упрочение связи с кооперированными массами, расширение действительно обслуживаемого контигента потребителей, наиболее полное удовлетворение его нужды и вовлечение кооперированных крестьян и рабочих в активную работу в кооперация.

5. Исходя из настоятельной необходимости всемерного развития и укрепления сельского хозяйства, поднятия его производительности и сохранения хозяйственной устойчивости маломощных крестьянских хозяйств, необходимо признать, что строительство сельско-хозяйственной кооперации, развитие ее сети, вовлечение в с.-х. товарищества маломощного и среднего крестьянства, должно стать важнейшей задачей партии в области кооперации.

Дальнейшее развитие с.-х. кооперации и переход от преобладания торгово-посреднических функций к преобладанию функций производственных зависит, главным образом, от достаточно широкой постановки кредитного дела. Поэтому необходимо, на-ряду с организацией государственного с.-х. кредита, усиление организационной работы по созданию кредитной кооперации, на основе декрета от 24-го января 1922 г. В целях обеспечения влияния пролетарских элементов деревни на с.-х. кооперацию, необходимо добиться в возможно близком будущем полного и организационного слияния колхозных об'единений с общей с.-х. кооперацией.

В настоящий момент, когда перед с.-х. коперацией стоит задача изменения социального состава, превращения из организации, об'единяющей по преимуществу зажиточные слои крестьянства, в организацию, охватывающую все слои крестьянства, когда с.-х. кооперация становится основной формой общественной работы в деревне, необходимо значительное количество коммунистических сил бросить для работы в с.-х. кооперацию.

6. В результате усиления партийной и хозяйственной работы, промысловая кооперация, способствующая увеличению общего количества продуктов в стране, в настоящее время находится под значительным влиянием коммунистических элементов. Это влияние пока еще недостаточно устойчиво и его необходимо расширить и углубить систематической партийной и советской работой по укреплению промкооперации, усилению в ней коммунистического влияния и привлечению к промкооперации наиболее близких пролетариату трудящихся кустарей.

7. С.-х. и промысловая кооперация, об'единяющая мелких производителей с многообразием индивидуальных особенностей их хозяйства и потребностей, должна строиться на принципе добровольности и хозяйственной заинтересованности. Поэтому необходимо признать установленную действующим законодательством о кооперации, свободу в выборе форм социальных (с.-х., кустарно-промыслового производства и кредитных) кооперативов целесообразной и ответствующей задачам поднятия народного хозяйства.

8. Однако множественность форм кооперации и произвольность их возникновения создают на месте явления, причиняющие вред общекооперативной работе и неудобства для самого населения.

В борьбе за свое существование различные виды кооперативов ведут между собой конкуренцию, развивают параллелизм и дублирование в работе, зазывая каждый в свою организацию, дают неисполнимые обещания, теряя авторитет и доверие членов,—в результате, средства распылены по различным организациям и, как распыленные, не могут фактически влиять на рынок, отсутствует согласованный кооперативный план борьбы с торговцем и посредником, деревня и город не могут найти достаточно технических и административных сил для руководства кооперативной работой. В существующих хозяйственных условиях невозможно полное и строго определенное функциональное размежевание деятельности между отдельными видами кооперации: сбыт продуктов сельского хозяйства стал основной задачей потребительской кооперации, одновременно с.-х. и промысловая кооперация неиз'ежно должны были заняться снабжением своих членов, взяв на функции потребительской. Было бы грубой ошибкой пытаться разрешить создавшиеся противоречия построением принудительного кооперативного интеграла. Такое решение убило бы самодеятельность и лишило бы деревенскую кооперацию основных стимулов развития.

9. Борьбу между отдельными видами кооперации, а равно и развивающуюся вредную конкуренцию, необходимо устранять путем согласования хозяйственной деятельности кооперативов, не чиня препятствий подсобной хозяйственной деятельности, хотя бы она и относилась к области деятельности другого вида кооперации. Как меры к согласованию деятельности кооперации и устранению борьбы между отдельными видами, могут быть выдвинуты:

а) Добровольное слияние отдельных видов кооперации в смешанные кооперативы и их союзы в тех местах, где это вызывается ходом хозяйственной жизни, и, особенно, в тех случаях, где обеспечено пролетарское влияние на создаваемую вновь организацию, смешанные формы строительства кооперации должны быть поощряемы преимущественно вокруг потребительской кооперации при обязательном условии максимального удовлетворения производственных нужд сельского хозяйства и его отдельных видов.

б) Постановка об'единенных общих для одельных видов кооперации промышленных и хозяйственно-подсобных предприятий, путем акционирования, установления договорных и иных соглашений.

в) Взаимная торговая связь и взаимное хозяйственное обслуживание на основах коммерческой целесообразности, а также об'единение кредита, функций, с задачей устранения посредников между отдельными видами кооперации.

г) Постановка общих организационно-кооперативных мероприятий в области учебно-курсовой, издательской и проч.

д) Согласование деятельности отдельных видов кооперации на местах и вытекающие директивы для партработников должны проводиться в нормальном кооперативном порядке, на основах существующих декретов о кооперации, ни в коей мере, не подавляя развития хозяйственной инициативы и самодеятельности.

10. В новых условиях работы кооперативных организаций настоятельно необходим переход от случайного руководства, исчерпывающегося обычно участием в предвыборных компаниях, формированием руководящих органов или разрешением назревших конфликтов, к постоянному систематическому руководству со стороны парткомов коммунистическими фракциями кооперативных организаций.

Каждый партком должен выявить всю сеть ячеек, фракций и одиночек-коммунистов, работающих в различного рода кооперативах данной местности, установить между ними и соответствующим парткомом взаимную связь, обеспечивающую единство работы и возможность систематического, изо дня в день, руководства.

ЗЕМЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА.

ДОКЛАД тов. МЕСЯЦЕВА НА 3-й СЕССИИ ВЦИК.

Товарищи, законопроект о трудовом землепользовании, который роздан членам ВЦИК и предлагается на ваше рассмотрение, разработан на основании заданий 9-го Всероссийского С'езда Совета и на основе тех принципиальных положений, которые 9-м С'ездом были установлены. 9-й С'езд Советов, рассматривая вопрос о поднятии сельского хозяйства, указал, что особенно важное значение для поднятия сельского хозяйства имеет, *„создание правильного, устойчивого, приспособленного к хозяйственным и бытовым условиям пользования землей, которая незыблемо должна оставаться собственностью государства"*. Одновременно с этим, С'езд отметил необходимость пересмотреть земельное законодательство и привести его в полную ясность и согласование с новой экономической политикой.

Товарищи, когда год тому назад была установлена новая экономическая политика, когда вслед за этим началась сдача предприятий в аренду, то в земельные органы стали поступать запросы от прежних владельцев, которые требовали с одной стороны возврата имений, а с другой стороны—запрашивали о возможности получения этих имений в аренду. Такие же требования поступали и от более мелких бывших землевладельцев. Таким образом, ясно, что в умах прежних владельцев новая экономическая политика преломлялась в том виде, что они считали возможным поднимать вопрос о частной собственности на землю. Но мы определенно указывали им, что ни в какой мере частная собственность на землю восстановлена быть не может. Я полагаю, что и настоящая сессия ВЦИК укажет определенно, что частная собственность, отмененная Октябрьской революцией, никогда не будет восстановлена. В законопроекте о трудовом землепользовании мы исходим из основного положения—отмены частной собственности на землю, и признаем единственным распорядителем земли рабоче-крестьянское государство. Поэтому мы тщательно избегаем указаний, даже косвенных, которые вселяли бы недоразумения в том смысле, что в каком то виде и в какой то мере эта частная собственность на землю восстанавливается. В законопроекте вы не найдете слова «владение», ибо это слово обозначает собственность, а все трудовые земледельцы рассматриваются, как пользователи землей; слово «владение» заменяется там словом «пользование».

В ст. 14-й прямо указывается, что никакие сделки на землю: продажа, купля, запродажа и дарение не разрешаются, и виновные в нарушении этого лишаются права на землепользование. Даже временный залог земли и то запрещается. И мы сочли необходимым это особенно подчеркнуть, потому что ряд буржуазных экономистов все время указывает на-то, что необходим залог земли, так как без него немыслимо развитие сельско-хозяйственного кредита. Мы же считаем, что залог при этом вовсе не является необходимостью, и кредит может быть построен на другом начале. Введя залог, мы делаем некоторый шаг в отношении восстановления частной собственности.

Таким образом, в законопроекте со всею решительностью проводится мысль, что земля не является предметом частной собственности, что единственным распорядителем ее является государство, и что теперешний трудовой пользователь землей является лишь пользователем. Но в законопроекте вполне определенно осуществлены те задания, которые 9-й Всероссийский С'езд Советов дал для разработки, а именно —устанавливается твердость и устойчивость прав трудовых земледельцев на землю. Если мы обратимся к прошлому и попытаемся определить тот земельный строй, который был у нас, то мы должны будем отметить, что земельный строй развивался у нас постепенно, прежде, чем он дошел до национализации земли, которая конкретно раскрыта в проекте о трудовом землепользовании.

Первоначально, после отмены частной собственности на землю, в законе о социализации земли, после Октябрьской революции, и в более позднем законе, этот земельный строй характеризовался таким образом, что земля считалась находящейся в пользовании всего народа, и считалась общенародным достоянием. Эта формула, несколько расплывчатая для настоящего времени, для того времени вполне определяла потребность жизни, ибо тогда рабоче-крестьянское государство только еще организовывалось, и революция в области земельной шла путем захвата помещичьих земель, при помощи инициативы на местах; тогда говорить об идее государственной собственности на землю было совершенно невозможно. В то время можно было проводить идею, что земля является общенародным достоянием, дабы толкнуть крестьянство к обладанию той землей, которая давно уже по праву трудящихся ему принадлежала.

Но в дальнейшем после того, как помещичий класс, класс землевладельцев был экономически обессилен, и земля перешла в руки трудового населения, и по мере того как государственная власть все больше и прочнее распространяла свое влияние на всю территорию России, необходимо было внести определенное организующее начало, и в законе о социалистическом землеустройстве, изданном в 1919 г., проводится уже мысль о том, что *«вся земля является единым государственным фондом»*, но право на эту землю получает тот, кто землю будет обрабатывать. В этом законе проводится мысль, что эта земля является собственностью государства, которое распределяет ее соответствующим образом между трудовыми земледельцами.

Но в этом законе, изданном в период военного коммунизма и острой борьбы, был ряд недоговоренностей: некоторые вопросы не были достаточно ясно освещены, и это приводило к ряду недоразумений на местах. В частности, положение о социалистическом землеустройстве рассматривает вполне справедливо, как идеальную форму землепользования, советские хозяйства, коммуны, артели и товарищества, и предлагает смотреть на все виды единоличного землепользования, как на виды хозяйства, отживающего, но никакой оценки этим хозяйствам не давало. Поэтому до самого последнего времени, до осени минувшего года, наблюдались случаи совершенно разнообразного отношения в различных губерниях к единоличным формам землепользования. В то время, как в одной губернии запрещался переход на единоличные формы землепользования, в других не ставилось запрета, а в третьих—ставились известные условия, напр., разрешалось выходить на единоличное землепользование для групп в 5 дворов. Это обстоятельство приводило к целому ряду недоразумений, которые чрезвычайно вредно отражались на нашем сельском хозяйстве. Необходимо теперь все это устранить, дабы и земельные органы, и само население твердо и определенно знали те права на землю, какими они обладают.

Когда мы переходим к вопросу о правах на землю трудовых землепользователей, то пред нами возникает следующий вопрос: каким образом мы должны себе представить современное землепользование? В современном землепользовании ясно различаются три разряда земель: земли, находящиеся в непосредственном государственном пользовании в виде советских хозяйств; земли, принадлежащие городам, земли коммунальные,—и, наконец, огромный процент (96 слишком) принадлежит крестьянам—трудовым землепользователям. И поэтому, когда мы стремимся создать

известное твердое устойчивое пользование землей, то перед нами встает задача, создать твердое устойчивое землепользование по отношению именно к этим 96% трудовых землепользователей.

Каковы права этих трудовых землепользователей на землю? До последнего времени в законе на это не было ясных указаний. И хотя государство совершенно не намеренно было и не должно было посягать на трудовую землю, тем не менее все-таки возможны всякие недоразумения и бывают случаи известного административного вмешательства. Поэтому, когда мы говорим об известном праве трудовых землепользователей на землю, мы должны будем точно и ясно сказать, в каких случаях трудовой землепользователь может быть лишен земли и в каких случаях он теряет право на землю. Эти случаи должны быть установлены, и в соответствующих статьях законопроекта вы найдете указание на то, что трудовой землепользователь не может быть лишен земли, кроме тех случаев, о которых сказано в законе. А в законе указаны следующие случаи, которые характеризуются одним общим понятием, что право на данный участок земли прекращается тогда, когда весь хозяйственный двор полностью прекращает ведение сельского хозяйства на этом участке. Другой случай, когда землепользователь может быть по суду за некоторые преступления лишен права на пользование землей. И третий случай, когда государству для определенной государственной надобности, скажем, для проведения железной дороги или для иных государственных нужд, потребуется отчудить известный участок земли. За исключением этих трех случаев не может быть отнято право у трудовых землепользователей на ту землю, которой они пользуются в настоящее время и на которой они ведут сельское хозяйство.

Там уже указываются случаи и временного лишения земли на определенный срок, не более одного севооборота, при чем это лишение может быть произведено не иначе, как в судебном порядке и только в том случае, когда землепользователь без уважительных к тому причин оставит землю без хозяйственного использования или когда он сдаст ее в аренду с нарушением закона. Вот те случаи, при которых трудовой землепользователь может быть лишен земли. Во всех остальных случаях земля остается в его пользовании, и он не может быть ее лишен.

Тут возникает следующий вопрос: куда же поступает та земля, которая от землепользователя при временном или постоянном лишении может быть отнята? В законопроекте проводится мысль, в полном соответствии с обычаями и практикой, что эта земля поступает в распоряжение того земельного общества, где находилось хозяйство, лишенного прав на землю.

Перехожу теперь к вопросу о том, какие права, в смысле выбора порядков и форм землепользования, имеет трудовой землепользователь на том участке земли, который ему от государства предоставлен. Здесь после 9-го Всероссийского С'езда Советов установлена свобода выбора форм землепользования. Однако, мало еще сказать, что землепользователь может совершенно свободно выбирать любую форму или любой порядок землепользования. Мы прекрасно знаем, как переход к другой форме землепользования или выдел из общины неизбежно связан с переделами. Если бы мы предоставили в данном случае полнейшую свободу и не выработали бы определенного правила, то мы нарушили бы полностью весь хозяйственный строй: начались бы безконечные переделы, и несомненно, никакой устойчивости не получилось бы. Поэтому, зная, что всякий переход к новым формам неизбежно вызывает передел, мы должны будем в данном случае выработать такие правила, которые это отрицательное явление свели бы по возможности к минимуму.

В законопроекте устанавливается, что во время общих переделов любой двор, или любой землепользователь может выйти из общества. Передел все равно происходит и во время этого передела каждой группе граждан предоставляется право избирать ту форму землепользования, которую он считает по своим хозяйственным соображениям наиболее отвечающей и наиболее для него подходящей. Кроме того, когда большинство домохозяев постановит перейти от существующих форм землепользования к иной форме, то закон предоставляет им это право. Но право выхода

из общества и право перехода на другие формы землепользования в другое время может быть предоставлено отнюдь не каждому отдельному домохозяину, и отнюдь не какому угодно числу домохозяев потому что, повторяю, здесь совершенно неизбежен новый передел. Здесь в одном случае необходимо не стеснять хозяйственной инициативы меньшинства, которое, очевидно, в недрах общины не в состоянии вест сколько-нибудь удовлетворительно свое хозяйство, а с другой стороны, надо предупредить безконечные переделы. И когда над этим вопросом мы задумались, какому числу предоставить право выхода из общества, то остановились на размере одной пятой числа дворов, а для крупных поселков, имеющих свыше 250 дворов,—когда этого потребует число домохозяев не менее 50-ти. Конечно, эта норма для различных районов должна быть различна. К сожалению, установить в этом отношении какое-нибудь соответствие с районами до сих пор не представляется возможным. Однако, все сведения и справки, которые мы собирали по этому поводу, указывают на то, что эта норма удовлетворительна для большинства районов нашей России.

Тут возникает и другой вопрос: при выделах из общины к одному месту с каким количеством земли данный двор может выйти из общества? И в этом случае, в отличие от прежней столыпинской практики, законопроект о трудовом землепользовании устанавливает совершенно одинаковые условия и одинаковые размеры как для тех, кто остается в обществе, так и для тех, кто выходит из общества. При всяких выделах общество предварительно устанавливает определенную разверсточную единицу, проверяет, какое количество для каждого домохозяина, выходящего или остающегося, должно быть оставлено земли, и только с этим количеством, которое таким образом установлено, и может выйти домохозяин из общества.

Когда впервые ставился вопрос о свободе выбора форм землепользования и когда указывалось на то, что государство не должно, по хозяйственным соображениям, препятствовать даже переходу к единоличным формам, то многие указывали на то, что в данном случае мы воскрешаем в высшей степени отрицательную практику столыпинского законодательства. Однако, я должен отметить, что здесь сходство чисто внешнее, что между тем, что было в прежнее время, и тем, что имеется в настоящее время, огромная разница. В прежнее время переход к единоличной форме рассматривался, как создание определенного класса собственника. Домохозяин, выходя с землей к одному месту, мог вести хозяйство, а мог его и не вести совершенно. Он мог землю продать, зарастить лесом, мог просто запустить в пустырь. Теперь же мы ставим непременным условием, чтобы данный домохозяин продолжал это самое хозяйство, и только в том случае, когда он будет вести хозяйство и полностью использовывать землю, эта земля останется у него. Как только он прекращает вести хозяйство, он теряет всякое право на землю, хотя бы она и была выделена из общества к одному месту.

Другое различие заключается в том, что в прежнее время давалось огромное преимущество тем, кто выходил из общества, и в первое время государство даже брало на себя известные расходы по выделу. Мы же никаких расходов по выделу не несем, а, наоборот, все выделы производятся за счет самого заинтересованного населения. Кроме этого, мы всех ставим в совершенно одинаковые условия, и в законе есть прямое указание на то, что всякий выдел должен совершаться с соблюдением обоюдных удобств, как для тех, кто остается в обществе, так и для тех, кто выделяется из общества.

И, наконец, хуторянин или отрубщик, получив определенный участок земли, не имеет право распорядиться им по своему, не может его ни продать, ни заложить, ни совершить какой-либо другой с ним земельный оборот. Таким образом, мы видим, что государство в настоящее время дает хозяйственному и старательному меньшинству, которое не может в пределах данной общины вести хозяйство так, как ему кажется целесообразным, дает возможность выйти из общества, но отнюдь не дает ему возможности стать в данном случае собственником.

Чем это вызывается? А вызывается это тем, что наша Россия в сельскохозяйственном отношении настолько разнообразна, что в отдельных районах, наиболее хозяйственно-приспособленными и жизненными являются совершенно различные формы. В то время, как в центре России существует общинная форма, и хутора нигде не получают развития и не получали развития в прежнее время, даже тогда, когда им оказывалось содействие; на западе, наоборот—хуторская форма и отрубная не только не задерживались во время революции, но, наоборот, всячески развивались, и земельные органы были совершенно бессильны вести какую-либо здесь борьбу.

Тогда, когда это было совершенно запрещено, наблюдались такие обходы, что группы хуторян об'единялись в коллектив, получали землю, как коллектив, а через некоторое время расселялись на отдельные хуторские участки. Очевидно, существуют какие-то природные и хозяйственные условия, которые заставляют землепользователей переходить к единоличной форме землепользования. С другой стороны, и самая история единоличных форм землепользования в течение революции определенно показывает, что в некоторых районах она совершенно исчезла, например, на юго-востоке—в Поволжьи, где она возникла под известным административным давлением, но в связи с хозяйственными условиями, во время революции мы наблюдаем там значительную ликвидацию форм единоличного землепользования, а на западе России—наоборот—эта форма развивается все время. Таким образом, там, где она развивается (а опыт 4 лет показал, что мы бессильны бороться с этой формой и это дает определенные указания), необходимо в данном случае предоставить самому крестьянству свободно избирать ту форму землепользования, которая кажется ему наиболее целесообразной и которую он считает наиболее подходящей по природным и экономическим условиям. Государство должно отказаться, и оно уже отказалось от административного вмешательства, сохранив за собою известное экономическое влияние и экономическое руководство. Устанавливая нейтралитет в области землепользования, государство, конечно, не будет безразлично относиться к различным формам землепользования и будет влиять, но не административным путем и не путем запрета, а путем своей экономической политики, на переход к наиболее совершенным формам и порядкам землепользования.

Переходим теперь к следующему вопросу. В законопроекте у нас указано, что повсюду право устанавливается для земельных обществ, но так как там совершенно не определено, что такое представляют собою земельные общества, то здесь возникает вопрос о том, являются ли земельными обществами, существующие коллективы. Мы считаем, что все существующие коллективы, как высшая форма землепользования, так и всякого рода об'единения, представляют собою земельные общества. Нужно определенно отметить, что у нас по традиции сохранилось до сих пор название общины. По существу же существующие общины далеко не похожи на ту общину, которая была до революции. В современных законах на это нет указаний, и в законопроекте о трудовом землепользовании, для того, чтобы не загружать его, мы не сочли невозможным давать необходимое определение, ибо этот законопроект, разросся бы в чрезвычайно большой закон, но в кодексе земельных законов, нами этот вопрос разобран со всей полнотой и со всей тщательностью.

Здесь мы должны ответить на следующий вопрос: поскольку мы считаем наши коллективы земельными обществами, мы можем предоставить им право на выбор форм землепользования. Можно ли допустить, чтобы коллективы могли перейти к единоличному землепользованию? Могут ли члены коммуны или артели просто расселиться и разбиться на отрубные участки? В данном случае мы встали на следующую точку зрения. Мы учитываем, что коллективы образованы на двух категориях земель: с одной стороны, на землях государственных, скажем—бывшее помещичье хозяйство, а с другой—на землях крестьянских. Когда коллектив образовывался в помещичьем хозяйстве, он получил от государства дом, инвентарь. Мы считаем, что это хозяйство есть государственное, а коллектив является лишь вре-

менным пользователем, и до тех пор, пока им пользуется, имеет на него неот'емлимое право. Если же он хочет распорядиться им по своему, государство заинтересовано в том, чтобы это хозяйство оставалось в целом виде, и мы такие хозяйства изымаем из действия настоящего закона. А для всех остальных коллективов, образованных на крестьянских землях, мы считаем совершенно невозможным делать такой запрет, потому что крестьяне, увлеченные новыми формами, хотели построить жизнь по новому и перешли к этим новым формам, но убедились, что работать так не могут, что для этого еще не созрели, и поэтому мы не можем запрещать им изменять форму. Они могут перейти к другой форме, чтобы в будущем, подготовившись, перейти к высшей форме землепользования. Это, правда, шаг назад, это разрушение более высокой формы землепользования, но мы считаем, что тактически неизбежно этот шаг сделать, и допускаем возможным эту форму изменить.

Что касается вопроса об устойчивости земельных отношений, то эта устойчивость определяется 4 моментами. Во-первых, той определенностью и ясностью прав на землю, которую закон должен установить для землепользователей, во-вторых—защитой этого землепользования, которая точно так же в законе должна быть установлена таким образом, что помимо земельного суда, помимо того органа, который будет установлен по особому декрету о порядке рассмотрения земельных споров, никто иной в область землепользования вмешиваться не будет. В третьих, вопрос относительно устойчивости при всяких переделах. Здесь мы приводим принцип, что в том случае, когда данное земельное общество определило ту или иную форму землепользования и, когда известная часть граждан вышла из общества с землей, то следующие выходы и следующие, так сказать, самоопределения тех, кто остался в обществе, могут быть произведены не иначе и не раньше, как по прошествии трехкратного севооборота, т.-е. устанавливается тот срок, который принят нами для переделов. Если бы этого мы не установили, у нас не было бы твердости и устойчивости поземельных отношений для общины и мы совершенно сознательно и искусственно разрушили бы общину в то время, когда к этому совершенно нет никакой необходимости

И, наконец, в четвертых, необходимо прекратить наблюдающуюся междуселенную уравнительность. До самого последнего времени у нас происходит поравнение земель между деревнями. Здесь я прошу особенно ясно различать уравнение внутри деревни, уравнительное перераспределение земли в определенных разверсточных единицах внутри данного об'единения, от уравнительности между деревнями. Мы отнюдь не собираемся отказаться и не откажемся от уравнительности внутри, но уравнительность между деревнями должна быть возможно больше ограничена, потому что в течение революции земля была уже более или менее перераспределена между соответствующими об'единениями: распределялись как помещичьи земли, так даже и крестьянские, при чересполосице. Эта уравнительность, кроме того, связана с выработкой определенных норм, а я должен совершенно откровенно сознаться, что эти нормы ни в какой мере совершенными быть не могут, что ими никогда сколько-нибудь идеальной уравнительности достигнуть нельзя. В хозяйственном отношении это сущий пустяк, а между тем это мешает хозяйничать. В самом деле: каким образом будет развертывать свое хозяйство данное об'единение, данная деревня, когда над ними висит постоянная угроза, что их земля будет перераспределяться?

И поэтому мы считаем совершенно необходимыми закрепить то количество земли, которое находится к настоящему времени за данным с. х. об'единением, но отнюдь не самые границы, потому что может существовать значительная чересполосица, которая должна быть устранена, ибо границы вообще могут быть нелепы. Предлагаемая мера, создавая известную устойчивость в области землепользования, дает возможность ускорить проведение землеустройства.

До сих пор, прежде чем приступить к проведению землеустройства, мы должны были произвести сложные операции по обследованию, по вычислению, прикинуть, от кого отобрать и кому дать. Теперь эта работа упрощается, и мы должны разрешить только технический вопрос, чтобы на основе определенных размеров дать

известную форму, приемлемую для всех. В тех же местах, где земля находится в удобном расположении, и где границы определены, то закрепить существующие размеры и количество в порядке простой записи землепользования.

В соответствии с этим, мы полагаем, что государственное землеустройство, отныне должно быть ограничено небольшим количеством случаев очень сложных отношений, большой чересполосицы; в остальных же случаях оно заменяется местным землеустройством на средства заинтересованного населения. Землеустройство, которое государство обязалось производить по законам социалистического землеустройства, мы проводить не в состоянии, на это потребовалось бы огромное количество техников, колоссальные средства, большое количество времени. Та мера, которая предлагается нами, дает возможность притти к этому быстрым и ускоренным путем.

Касаясь теперь вопроса относительно земельного оборота, я должен сказать в дополнение к тому, что сказал в начале речи—никакого полного земельного оборота в связи с тем, что у нас нет частной собственности на землю, быть не может. Однако, если полного земельного оборота не может быть, если нельзя покупать, продавать и закладывать землю, то может ли существовать временный земельный оборот—аренда? Законопроект отвечает, что аренда, как таковая, рассматривается лишь, как временная переуступка права на землепользование, при чем аренда допускается краткосрочная, на срок не более одного севооборота, чтобы арендатор мог окупить затраты, произведенные им на обработку земли, а с другой стороны, чтобы срок не был очень длинен. Только в исключительных случаях этот срок может быть удлинен до двух севооборотов. Для того, чтобы не было недоразумений, я должен оговориться, что аренда земель государственных (совхозов) будут регулироваться другими правилами. Здесь же мы говорим только об аренде земель трудовых.

Когда мы задавались вопросом, кому предоставить право сдавать земли в аренду, мы пришли к заключению, что это право должно быть предоставлено отнюдь не всем, а лишь тем хозяевам, хозяйства которых временно, в силу известных стихийных бедствий или в силу убыли рабочей силы, ослабли. Им это право необходимо предоставить потому, что иначе они лишаются определенного количества земли, если мы проведем принцип, что вся земля должна быть обработана (а мы к этому должны всемерно стремиться). Но поскольку существует пустующая земля, поскольку она должна быть отобрана, было-бы несправедливым отбирать эту землю от тех, кто не по своей вине, но в силу бедствия не в состоянии ее обработать. Если умер домохозяин, а у вдовы подростают дети, то через 5 лет у нея увеличится количество рабочих сил и она будет в состоянии обработать свой земельный участок. Мы полагаем необходимым предоставить для таких хозяев сдавать землю в аренду. Для районов же многоземельных, каким является Сибирь, для районов, куда уходят переселенцы,—для таких районов было бы совершенно ошибочным вводить какие бы то ни было ограничения. Переселенец в первое время может вести хозяйство только путем аренды. Поэтому здесь должны быть более гибкие правила, чем в том случае, когда существует малоземелье и большой спрос на землю.

На вопрос о том, кто может арендовать, мы отвечаем, что арендовать может всякий, но в известных пределах, для того, чтобы не было большого скопления земли в руках одних домохозяев. Мы знаем, что в деревнях, при ослаблении хозяйств, очень легко на этой почве развивается кулачество и эксплоатация, поэтому здесь государство должно следить за тем, чтобы положить известный предел для этой эксплоатации, и мы устанавливаем, что арендовать можно в таком количестве, какое данное хозяйство в состоянии вместе со своим наделом обработать своим трудом.

Тут возникает такой вопрос: почему в настоящий момент мы стремимся задержать развитие крупных хозяйств в деревне? На этот вопрос должно ответить следующим образом: в настоящий, совершенно исключительный момент, в момент когда у нас очень слаб отход из деревни, а, наоборот, наблюдается движение в деревню, когда земля является единственным источников поддержания рабочей силы,

вследствие остановки или слабого развития нашей промышленности, в настоящий момент нам приходится особенно зорко следить за тем, чтобы те рабочие, которые устремились в деревню и вынуждены временно там жить, имели бы возможность получать средства к существованию путем работы на земле. Этот вопрос перед нами возникает и тогда, когда у нас начнут вновь развиваться промышленность и промыслы, когда начнется вновь отход из деревни, тогда этот вопрос вновь встанет пред нами. Теперь же мы вынуждены поддерживать ту форму мелкого земледелия, сторонником которой мы отнюдь не являемся. Но мы считаем, что временно в настоящий период мы вынуждены стоять на этой точке зрения. Если мы теперь представим возможность развиться крупным хозяйствам в деревне, там будет расти кулачество в самой беспросветной форме, потому что поскольку в деревне спрос на рабочую силу будет не велик, постольку будет развиваться эксплоатация. И, в интересах бедняков, нам необходимо с одной стороны, известное ограничение мобилизации земли в руках одного домохозяина, а с другой стороны—защита тех, кто сдает землю в аренду, потому что мы знаем, что сдавать землю в аренду будут бедняки и ослабленные хозяйства. Поэтому мы вводим условие, чтобы аренда осуществлялась в определенном договоре в письменном, или внесенном в книгу договоров, чтобы можно было, во всяком случае, в суде найти определенную защиту.

Еще один вопрос, на который я обращаю ваше внимание. Это вопрос о том, кто же будет выполнять продналог и другие повинности с арендованной земли: тот ли, кто сдает землю в аренду, или, наоборот, тот, кто берет эту землю в аренду. С точки зрения землепользования было бы, конечно, наиболее целесообразным, чтобы все платежи по земле выполнял тот, кому эта земля принадлежит, а не тот, кто ею временно пользуется, потому что иначе, как будто бы, получается слишком большая переуступка прав на землепользование. Но, с точки зрения удобства, с точки зрения обеспечения крестьянской бедноты, с одной стороны, и государства с другой стороны—необходимо все повинности переложить именно на арендатора, потому что мы знаем, что и в прошлом аренда при известных условиях, вернее арендная плата, была чрезвычайно низкой, и она иногда не покрывала падающих на землю платежей и повинностей. Когда бедняку придется сдавать свою землю в аренду и арендаторов будет сравнительно мало, то, в этом случае возникнет опасность, что ему будет дана такая ничтожная плата, что придется еще даже приплачивать. Поэтому в законе проводится принцип, что все платежи, все повинности, все налоги падают на арендованной земле на арендатора, конечно, на срок аренды.

Второй вопрос, который в связи с этим возникает, это—вопрос о наемном труде при землепользовании. Нужно сказать, что по этому вопросу была большая неясность в наших законах до последнего времени. С одной стороны, приводился принцип, что землю получает тот, кто ее обрабатывает личным трудом, а с другой стороны, мы прекрасно знаем, что без известного найма вести сельское хозяйство невозможно, и даже бедняк, не имеющий лошади, вынужден нанимать работника с лошадью. Таким образом, на практике наемный труд, конечно, процветал, но в законах не было ясных указаний и теперь совершенно необходимо на этот вопрос дать определенный и ясный ответ. Мы считаем, что сколько-нибудь серьезных препятствий для применения наемного труда при землепользовании нам ставить не следует. Тем более не нужно ставить каких-нибудь формальностей и ограничений. В полном соответствии с решением последнего партийного с'езда мы установили в законопроекте лишь только некоторые правила, отнюдь не стесняя применение их определенными формальностями. Поскольку мы в настоящий момент боремся против того, чтобы не было определенной мобилизации земли в руках одних хозяев, постольку применение наемного труда в земледелии не может нас пугать.

Здесь мы ставим некоторые условия, исполнение которых мы считаем совершенно необходимым. Основное условие заключается в том, что пользоваться наемным трудом могут только те, у кого все работники, наличные члены в данном хозяйстве, трудоспособные, работают в этом хозяйстве. Это совершенно необходимо.

опять-таки в силу той борьбы за землю, которая теперь происходит, так как в деревне находится много народа, пришлого с фабрик и городов.

Возникает такой вопрос: а кто же будет следить за правильностью применения наемного труда и аренды? Первоначально мы предполагали поставить это под надзор волостных исполкомов или местных земельных органов. Но затем, после решения партийного с'езда, мы отказались совершенно от такой регламентации и считаем, что само общество и население, заинтересованное в том, чтобы хозяйство на земле развивалось более или менее удовлетворительно, будет следить за выполнением закона.

Поэтому мы, устанавливая известные рамки, известные условия, предоставили возможность самому обществу следить, наблюдать за тем, чтобы этот закон соблюдался. Поскольку же он нарушается, они имеют право по суду требовать осуществления этого закона и известных кар за его нарушение.

Заканчивая свой доклад, я должен обратить ваше внимание на то, на что и в печати делались указания, и в личной беседе мне приходилось об этом слышать, что новый законопроект о трудовом землепользовании далеко не на все вопросы трудового землепользования дает ответ. Мы себе и не ставили этой задачи. С'езд Советов дал определенное поручение—ответить на те вопросы, которые являются основными и важнейшими. Но, с другой стороны, поскольку у нас не будут охвачены во всей своей полноте вопросы о трудовом землепользовании, до тех пор не будет полной ясности в этом деле. Поэтому прямым дополнением к этому законопроекту является свод законов о трудовом землепользовании. Там, вопросы, возникающие при рассмотрении законопроекта о трудовом землепользовании, находят ответ; так, напр., вопросы о том, что представляет собою земельное общество, каковы виды этого общества, оценка различного характера земельного общества, взаимоотношения между ними и двором, взаимоотношения между членами двора и т. д. Все эти вопросы там освещены с достаточной полнотой. Конечно, мы не скрываем от себя, что в силу некоторой поспешности эти крупнейшие вопросы, может быть, в некоторых случаях разрешены неудовлетворительно. Для нас в высшей степени ценны те указания, которые будут внесены на сессии ВЦИК работниками с мест. Мы не успели этот свод законов провести через СНК и президиум ВЦИК. Мы предполагаем что сессия ВЦИК, рассмотрев его, как предварительный законопроект, дав соответствующие замечания, внеся поправки, дальнейшую детальную разработку и утверждение поручить президиуму ВЦИК. Но нам очень важно выслушать те указания, которые мы можем получить от работников с мест.

Наконец, из этого законопроекта вытекает вопрос о том, в каком порядке должны рассматриваться земельные споры. Поэтому этот закон был бы неполным, если бы не было дополнительного закона о том, в каком порядке, каким образом и какими органами будут рассматриваться земельные споры. Проект декрета о земельных судах, который находится на рассмотрении СНК, будет прямым дополнением к законопроекту о трудовом землепользовании. После этого уже неясности не будет. Для каждого землепользователя будут определены его права. Он будет знать, куда обращаться за защитой своих прав, если они будут нарушены.

В заключение я должен отметить, что пред нами в земельном вопросе стоят две задачи: с одной стороны, мы должны будем создать известные устойчивые формы с тем, чтобы на их основе могла развиваться производительность нашего сельского хозяйства.

Вопросы развития производительных сил сельского хозяйства и создания наиболее для этого благоприятных условий—вот основной вопрос, который является отправной точкой при выработке законопроекта. Но пред нами стоял и другой вопрос—о классовой борьбе и классовом неравенстве в деревне. Мы не выполнили бы своей задачи, если бы подошли к вопросу о трудовом землепользовании только с точки зрения поднятия производительности сельского хозяйства, ибо, стоя на этой точке зрения, мы должны были бы дать простор развитию крепкого мужичка. Но, как государственная партия, которая заботится, чтобы не было разрыва между

пролетариатом и крестьянством, которая опирается на определенные пролетарские и близкие к ним слои, мы не должны были забывать и удалять из своего поля зрения пролетарские и полупролетарские низы деревни. Мы должны были два стоящие пред нами направления сбалансировать, ибо, если бы мы увлеклись в одну сторону, то не создали бы для земледелия устойчивых и приспособленных форм землепользования. Не знаю, вполне ли удовлетворительно, но мне все же кажется, что с этой задачей мы справились.

При установлении определенных порядков землепользования, временного земельного оборота в виде аренды, наемного труда, мы в должной мере, с одной стороны, даем просто для развития производительных сил сельского хозяйства, а с другой—защищаем интересы бедняков. Мы считаем, что поскольку наше сельское хозяйство сейчас является мелким (а статистика показывает, что мы имеем чрезвычайное измельчание сельского хозяйства за время революции, что мы имеем более половины сравнительно мелких хозяйств), мы не разрешили бы основной задачи поднятия производительных сил сельского хозяйства, если бы не считались с существующими условиями. Если большая половина хозяйств является мелкими хозяйствами, то, несомненно, вопрос о поднятии производительности сельского хозяйства может быть разрешен только тогда удовлетворительно, когда мы дадим возможность этим слабым хозяйствам подниматься и крепнуть. Вот те задачи и то конкретное выражение основных задач, которое мы дали в законопроекте.

Я не сомневаюсь, что товарищи внесут в этот законопроект поправки, сделают его более жизненным, внесут практику и опыт мест; я не сомневаюсь также в том, что в основе этот законопроект будет принят, ибо он подвергался проверке на местах и обсуждению, и основная линия нами взята правильно. Уже предварительное опубликование законопроекта имело значительное влияние на наше сельское хозяйство: мы наблюдаем поднятие интереса к сельскому хозяйству, и я думаю, что окончательное утверждение законопроекта таким авторитетным органом как сессия ВЦИК, несомненно, сыграет еще большую роль. К сожалению, мы не могли это сделать до весенней посевной кампании, так как сессия собралась несколько поздно, но мы полагаем, что он будет иметь огромное влияние в ходе нашей осенней посевной кампании.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВЦИК О ТРУДОВОМ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИИ, ПРИНЯТОЕ НА ЗАСЕДАНИИ 3-й СЕССИИ ВЦИК 22 МАЯ 1922 ГОДА.

В целях создания правильного, устойчивого и приспособленного к хозяйственным и бытовым условиям трудового пользования землею, необходимого для восстановления и развития сельского хозяйства, Всероссийск. Центральн. Исполн. Комитет, на основании постановления IX Всероссийского С'езда Советов по земельному вопросу (п. 6), в изменение и дополнение соответствующих узаконений, постановляет утвердить нижеследующий основной закон о трудовом землепользовании:

РАЗДЕЛ I.

О порядках трудового землепользования.

1. Со времени издания настоящего постановления каждое земельное общество в праве сохранить или по постановлению большинства полноправных его членов (достигших 18-летнего возраста, мужского и женского пола без различия) избрать любой способ землепользования.

2. Способ землепользования в земельном обществе может быть: а) общинный (с уравнительными переделами земли между дворами); б) участковый (с неизменным размером права двора на землю в виде чресполосных, отрубных или хуторских участков); в) товарищеский (с совместным пользованием землею членами общества.

составляющими с.-х. коммуну, артель или товарищество с общественной обработкой земли) и г) смешанный (с разными способами пользования по различным хозяйственным угодьям).

3) Право свободного выбора способов землепользования распространяется и на с.-х. коллективы, образованные на крестьянских надельных и купчих землях, а также на землях, бывших владельческих, если они были распределены между населением в трудовое пользование на основании постановлений земельных органов или с'ездов советов. На членах таких с.-х. коллективов, выходящих из них с землею, остается обязательство возвращения приходящейся на их долю части государственной денежной или материальной ссуды, полученной коллективом.

Примечание. Условия и порядок прекращения сел.-хоз. коллективов, образованных на землях, нераспределенных ко времени образования коллектива в трудовое пользование между населением (земли совхозов, городских поселений и другие государственные земли, отведенные различным учреждениям, организациям и предприятиям),—определяются особыми правилами.

4. При полных переделах и разверстаниях земель в обществе любое число хозяйств, а также и отдельные дворы, имеют право выходить из общества без его на то согласия, и требовать выдела земли к одним местам в таком размере, какой им причитается по производящемуся переделу, с принятием при этом во внимание также качества земли по сравнительной расценке, при чем на выделенных землях, могут быть устанавливаемы также любые способы землепользования.

5. В тех случаях, когда не происходит полных переделов или разверстаний земли в обществе, выход из общества с землею без его на то согласия допускается, если этого потребует не менее 1/5 состоящих в обществе хозяйств (дворов) и не менее 50 хозяйств в обществе, имеющем свыше 250 хозяйств. Но на пустопорожние и естественно обособленные участки допускаются без согласия общества выделы любого числа хозяйств (дворов) и во всякое время, если такими выделами не вызывается общий передел земли в обществе.

6. При каждом выделе обществом предварительно устанавливается разверсточная единица (по едокам, рабочим силам или смешанная) и количество земли для выделяющихся из общества рассчитывается по числу приходящихся на их долю разверсточных единиц. При этом разверсточная единица должна быть одна и та же по всем переделяемым угодьям (пахотным, луговым и пр.) и одинакова как для выходящих из общества с землей, так и для остающихся в нем.

Примечание. Пользование усадебными, землями и строениями определяется особыми правилами.

7. Все выделы земель должны производиться с соблюдением наибольших обоюдных удобств землепользования для остающихся в обществе и выходящих из него с землею, т. е. устранением взаимной чресполосицы, вклинивания земель, дальноземелья, неправильности границ, недостатков обеспечения водою и дорогами и с соблюдением всех прочих требований поземельного устройства, устанавливаемых особыми правилами. Все дела по выделам земель рассматриваются в порядке ст. 11 настоящего постановления.

8. После перехода земельного общества от одного способа землепользования к другому с производством выделов в порядке настоящего постановления, дальнейшие выделы, требующие досрочных общих переделов земли, допускаются лишь с согласия общества и с соблюдением условий, указанных в декрете СНК о переделах земель от 30 апреля 1920 года (Собр. Узак. 1920 г., № 35, ст. 170).

9. Губисполкомам предоставляется право по предложениям Губземотделов и с утверждения Наркомзема издавать обязательные постановления об установлении разверсточных единиц по губернии или отдельным ее районам, применительно к местным условиям и системам хозяйства. Впредь же до издания таковых постановлений разверсточная единица при переделах земель устанавливается самим Земельным обществом по решению большинства полноправных его членов. В этих слу-

чаях последующее издание Губисполкомом обязательного постановления о разверсточных единицах не обязывает общество производить досрочный передел.

Примечание. Постановления, принимаемые в порядке настоящей статьи Наркомземами автономных республик и облземотделами автономных областей, предварительно согласуются в установленном для сего порядке с Наркомземом РСФСР.

10. Применительно к декрету СНК от 27 мая 1920 г. (С. У. 1920 г. № 52, ст. 226), при переделах земли не должны допускаться передвижки, отрезки и разделы обособленных от общественной земли и улучшенных трудовых хозяйств.

11. При всяких изменениях способов землепользования, производимых на основании настоящего постановления, а равно выделах земель из общества или производстве общих переделов устанавливается нижеследующий порядок:

а) все вопросы обсуждаются предварительно на общем собрании (сходе) членов данного земельного общества;

б) при отсутствии споров и жалоб постановление общества проводится в жизнь после регистрации его в уездном земельном управлении, которое обязано такие дела рассматривать не позднее месячного срока со дня их поступления;

в) в случаях возникновения земельных споров, недовольная сторона имеет право обжаловать постановление общества в порядке, установленном для рассмотрения земельных споров и только после окончательного рассмотрения и разрешения дела производится соответствующая регистрация Уземуправлением;

г) в случаях, предусмотренных в ст. 5, выделы из общества точно так же рассматриваются и проводятся в жизнь применительно к пунктам б и настоящей статьи, т.-е. в случае согласия общества—в порядке простой регистрации, а при отсутствии согласия общества—в порядке рассмотрения земельных споров.

РАЗДЕЛ II.

О праве трудового пользования землей.

12. Никто из трудовых землепользователей не может быть лишен земли, кроме случаев, прямо указанных в законе, а размеры, границы и местоположение их земельных участков могут быть изменены лишь при землеустройстве, а также при земельных переделах в тех обществах, где существует общинный порядок землепользования.

13. Право на землю, предоставленную трудовому землепользователю, прекращается в случаях: а) добровольного отказа от земли всех членов двора; б) прекращения двором ведения самостоятельного хозяйства полностью; в) выморочности двора; г) окончательного переселения его в другое место с прекращением в прежнем месте самостоятельного хозяйства; д) лишения прав на пользование землей по суду за указанные в законе преступления; е) занятия земли в установленном порядке для государственных и общественных надобностей (пути сообщения, разработка ценных ископаемых и т. п.).

14. В случае ухода отдельных членов хозяйства на военную службу, призывов по мобилизациям или выборов на советские и общественные должности, приходящаяся на их долю часть земли сохраняется за хозяйством на все время службы его членов. При отходе же на трудовые заработки, земля, приходящаяся на долю ушедшего, сохраняется за хозяйством, к составу которого он принадлежит, на срок двух севооборотов, считая со времени отхода, а при возвращении его в хозяйство после этого срока он наделяется землею из земельного запаса в случае его наличия, а при его отсутствии наравне с прочими членами земельного общества при ближайшей разверстке земли.

15. Если земля трудового землепользования будет в установленном порядке из'ята для государственных или общественных надобностей (ст. 13), то взамен ее отводится земля в другом месте с возмещением убытков землепользователю на общих основаниях.

16. Если землепользователь без уважительных причин оставит землю без хозяйственного использования или сдаст ее в аренду с нарушением закона (Раздел Ш), то он может быть временно, на срок не более одного года, лишен права пользования этой землей в порядке, установленном для рассмотрения спорных земельных дел.

17. При прекращении землепользования, свободные участки земли поступают в местный земельный запас и предназначаются в первую очередь для удовлетворения потребностей в земле того земельного об'единения, где находилось хозяйство, лишенного права пользования землею.

18. Покупка, продажа или запродажа, дарение, а также залог земли запрещаются, и совершенные в нарушение этого запрещения сделки считаются недействительными, а лица, виновные в их совершении, помимо наказания в уголовном порядке, лишаются земли, находившейся в их пользовании.

РАЗДЕЛ Ш.

О трудовой аренде земли. (Временная переуступка прав на землепользование).

19. Для трудовых хозяйств, временно ослабленных, вследствие стихийных бедствий (неурожай, пожар, падеж скота и т. п.), либо недостатка или убыли рабочей силы (за смертью, временным отходом из хозяйства на трудовые заработки, призывами по мобилизациям, советская и общественная служба по выборам и пр.) допускается сдача всей или части земли в аренду за уплату деньгами, продуктами или другими видами вознаграждения и с соблюдением условий, указанных в нижеследующих статьях.

20. Сдача в аренду допускается на срок не более того времени, которое потребно для проведения на арендуемом участке одного севооборота, а при отсутствии правильного севооборота-на срок не более 3-х лет.

21. В исключительных случаях предельный срок аренды может быть с разрешения волостных исполкомов удлинен, но не свыше срока 2-х кратного севооборота, а при отсутствии правильного севооборота—не более 6-ти лет, при чем если и по истечении этих сроков, сдатчик не окажется в состоянии вести самостоятельное хозяйство, на сдававшейся в аренду земле, то последняя зачисляется в местный запасный фонд для удовлетворения потребности в земле других членов данного общества.

22. Аренда (ст. 19) допускается только трудовая: никто не может получить по договору аренды в свое пользование земли больше того количества, какое он в состоянии дополнительно к своему наделу обработать силами своего хозяйства.

23. Договор аренды вступает в силу после регистрации его местным волисполкомом, если в аренду сдается не меньше $^3/_4$ всей земли сдатчика и местным сельсоветом, если в аренде будет находиться меньше этого количества.

24. Договор аренды может быть заключен как в письменной, так и в устной форме; устный договор должен быть изложен сторонами в присутствии уполномоченного на то члена волисполкома или сельсовета (ст. 23) и занесен в особую книгу договоров.

25. Сдача в аренду не разрешается, если сдающий землю двор полностью прекращает ведение самостоятельного хозяйства, вследствие окончательного переселения или перехода к другим занятиям.

26. По договору аренды, с'емщик обязывается вести хозяйство на арендуемой земле, как старательный и предусмотрительный хозяин и не вправе передавать от себя землю другим лицам. При этом, падающие на сельское хозяйство сдатчика сборы, налоги и повинности в течение срока аренды уплачиваются арендатором в части соответствующей количеству арендованной им земли.

27. Арендный договор может быть досрочно расторгнут в случае нарушения арендатором указанных в ст. 26 требований или неисполнения им условий аренд-

ного договора. Расторжение договора и установление проистекающих отсюда имущественных последствий для сдатчика и с'емщика производится в порядке разрешения земельных споров.

28. По окончании срока аренды, земельный участок возвращается сдатчику со всеми улучшениями, произведенными с'емщиком и неотделимыми от земли без ущерба для хозяйственной годности участка, при чем взаимные расчеты по аренде, в том числе и за неиспользованные с'емщиком улучшения, производятся на основании договора или дополнительных договорных соглашений.

РАЗДЕЛ IV.

О вспомогательном наемном труде в трудовых земледельческих хозяйствах.

29. Вспомогательный наемный труд в трудовых земледельческих хозяйствах допускается в тех случаях, когда хозяйство по состоянию своей рабочей силы или инвентаря не может выполнить своевременно необходимые с.-х. работы; однако, наемный труд может быть допущен при непременном сохранении применяющим его хозяйством своего трудового строя, т. е. при условии, если все наличные трудоспособные члены хозяйства наравне с наемными рабочими работают в своем хозяйстве.

30. В местностях малоземельных применение наемного труда допускается полностью для хозяйств, временно ослабленных (для которых допускается и сдача земли в аренду)—на время их маломощности, для прочих же хозяйств—лишь на отдельные сезоны, когда хозяйство по состоянию своей рабочей силы не имеет возможности справиться с отдельными работами (покос, уборка урожая и пр.). В местностях же многоземельных, а также при образовании хозяйств на новых местах, в порядке расселения или переселения, наемный труд допускается в размерах, необходимых для скорейшей обработки и наиболее полного использования всей с.-х. площади.

31. Наемный труд применяется при условии исполнения во всех случаях его применения законов и распоряжений об охране и нормировке труда.

РАЗДЕЛ V.

Об укреплении трудового землепользования и землеустройстве.

32. В целях скорейшего создания прочности и устойчивости трудового землепользования, со дня издания настоящего постановления за волостями, селениями и другими с.-х. об'единениями признается закрепленным в постоянное трудовое пользование все то количество земли, которое ныне находится в их фактическом трудовом пользовании и было законно предоставлено им постановлениями земельных органов или с'ездов советов (волостных, уездных и губернских), из земель, предназначаемых к распределению в трудовое пользование.

Примечание. В случае невозможности точно установить границы и размеры фактического пользования землей, спорная ее часть распределяется в порядке разрешения земельных споров между соответствующими селениями и другими с.-х. об'единениями соразмерно количеству едоков и их земельному обеспечению.

33. В тех же целях дальнейшее поравнение земель между волостями и селениями в обязательном порядке прекращается, и землеустройство впредь производится для создания населению наибольших удобств в землепользовании путем устранения чересполосицы, дальноземелья и пр.

Примечание: Землеустроительные работы, по которым ко времени опубликования настоящего постановления проекты землеустройства утверждены или представлены в земельные органы на утверждение, заканчиваются в порядке ранее действовавших узаконений.

34. Обязательные землеустроительные работы по почину земельных органов производятся лишь в случаях: а) образования земельного фонда для переселения и расселения из свободных и излишних земель и б) устранения значительной межволостной и межселенной чересполосицы, если она будет признана земорганами, по хозяйственным соображениям подлежащей намедленному устранению. Во всех же прочих случаях землеустроительные работы должны быть выполняемы на средства заинтересованного населения и по его ходатайствам, в соответствии с чем сплошное и обязательное землеустройство прекращается.

35. В районах, где не имеется запутанности поземельных отношений между селениями и другими с.-х. об'единениями земельные органы производят в порядке государственной записи землепользования (земельной регистрации) по особым о том правилам лишь оформление существующего пользования землей, с установлением размеров и границ и выдачей населению соответствующих документов.

РАЗДЕЛ VI.

Заключительные постановления.

36. Народному Комиссариату Земледелия предоставляется право издавать для руководства земорганам соответствующие инструкции и распоряжения по применению настоящего закона.

37. Настоящий закон распространяется на РСФСР, автономные, договорные и дружественные республики. Видоизменения его, вызываемые местными особыми условиями, проводятся через Федеральный Комитет по земельным делам при президиуме ВЦИК в установленном для сего порядке.

Председатель ВЦИК *М. Калинин.*

Секретарь ВЦИК *А. Енукидзе.*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВЦИК О ПОРЯДКЕ РАССМОТРЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ СПОРОВ.

Сессией ВЦИК утверждено 24 мая.

В дополнение к постановлению ВЦИК о трудовом землепользовании и в целях обеспечения устойчивости поземельных отношений, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановляет утвердить нижеследующее Положение о Земельных Комиссиях:

1. Для разрешения споров по земельным делам учреждаются Земельные Комиссии: Волостные, Уездные и Губернские, при чем дела в Земельных Комиссиях рассматриваются в порядке состязательного процесса.

2. Ведению Земельных Комиссий подлежат все спорные дела, возникающие при землеустройстве, а также все споры о правах на землепользование, как то: групповое или индивидуальное землепользование, выделы земли из общества, общие и частные переделы земли, полное или частичное лишение пользователей находящейся в их пользовании земли в установленных законом случаях, изменение размеров, границ, мостоположения и состава землепользования (землеустройство, мелиорация, дорожное строительство, отчуждение для государственных и общественных надобностей и т. д.), семейные разделы в части, касающейся раздела земли, и другие споры по землепользованию.

3. Никакие местные органы Республики, кроме указанных в настоящем положении не имеют права принимать к своему производству земельные споры и вмешиваться в их рассмотрение, приостанавливать исполнение, изменять или отменять вынесенные ими постановления.

4. Волостные Земельные Комиссии состоят при Волостных Исполнительных Комитетах и образуются в составе председателя из числа членов Волостного Испол-

нительного Комитета по его назначению и 2-х членов, избранных на волостном с'езде советов. Для замещения отсутствующих членов избираются таким же порядком 2 кандидата к ним. Все члены Волостных Земельных Комиссий и кандидаты к ним утверждаются Уездными Исполнительными Комитетами.

5. Уездные и Губернские Земельные Комиссии состоят при уездных и губернских земельных органах и образуются в составе председателя и 2 членов: Зав. Отделом Землеустройства и Народного Судьи.

6. Председатели Уездных и Губернских Земельных Комиссий и их заместители избираются, а остальные члены и кандидаты утверждаются по представлениям соответствующих органов Губер. и Уездными Исполнительными Комитетами.

7. Все члены Земельных Комиссий при отправлении ими судейских обязанностей пользуются правами Народных Судей. Выборные члены Земельных Комиссий избираются на один год.

8. Ведению Волостной Земельной Комиссии подлежат в пределах волости: а) споры, возникающие при междуселенном и внутриселенном землеустройстве и б) споры о правах на землю в пределах волости отдельных лиц или дворов, а также земельных обществ.

9. Ведению Уездной Земельной Комиссии подлежат: а) в качестве первой инстанции—споры, возникающие при междуволостном землеустройстве, а также при землеустройстве совхозов, колхозов, предприятий и учреждений, и споры о праве на землю, в коих хотя бы одной из сторон являются государственные и общественные учреждения и б) в качестве второй инстанции—дела, подведомственные Волостной Земельной Комиссии, если на ее решение последовала жалоба.

10. Ведению Губернской Земельной Комиссии подлежат дела: а) в качестве первой инстанции—межуездные земельные споры, а также споры о землепользовании между учреждениями и предприятиями губернского и государственного значения и окрестным населением, возникающие при землеустройстве и б) в порядке кассации—дела подведомственные Уездной Земельной Комиссии.

11. Порядок рассмотрения дел в Земельных Комиссиях, отвод их членов, представительство сторон, вызов свидетелей и сведущих лиц, их вознаграждение, последствия их неявки и проч. определяются соответствующими правилами, установленными для рассмотрения дел в Народных Судах.

12. Жалобы на решения Земельных Комиссий приносятся через Земельную Комиссию, постановившую обжалуемое решение, не позднее 2-х недельного срока со дня об'явления решения в окончательной форме. Жалобы вместе с делом представляются Комиссией, постановившей решение, в высшую инстанцию не позднее 2-х недельного срока после ее подачи. Жалобы на медлительность и на непринятие заявления подаются в следующую инстанцию непосредственно.

13. Решения Земельных Комиссий не приводятся в исполнение впредь до истечения срока на их обжалование по существу или в порядке кассационном. Принесение таких жалоб приостанавливает решение до окончательного разрешения дела.

14. Заявления о восстановлении срока, в случае пропуска такового, по уважительной причине, рассматриваются той же Земельной Комиссией, на решение которой приносится жалоба. Обжалование отказа в принятии заявления о восстановлении срока производится в порядке обжалования решения Земельных Комиссий.

15. Высший контроль по спорным земельным делам и рассмотрение кассационных жалоб на решения Губернских Земельных Комиссий производится Наркомземом совместно с Наркомюстом в Особой коллегии высшего контроля по земельным спорам, при чем председатель коллегии и остальные 2 члена утверждаются Президиумом ВЦИК: Председатель и один член по представлению Наркомзема, а второй член по представлению Наркомюста.

16. Наркомзему по соглашению с Наркомюстом предоставляется право издавать в руководство земельным комиссиям правила по применению настоящего положения.

Председатель ВЦИК *М. Калинин.*
Секретарь *А. Енукидзе.*

КОДЕКС ЗАКОНОВ О ТРУДОВОМ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИИ*).

РАЗДЕЛ I.

Общие положения.

1. Революционной волею рабочих и крестьян право частной собственности на землю в Российской Совет. Федерации отменено с 26 октября 1917 года навсегда.

2. Все земли Российской Совет. Федерации составляют *единый государственный земельный фонд*.

3. Право непосредственного пользования землями из состава единого государственного земельного фонда на установленных законом основаниях предоставляется: а) государственным учреждениям и предприятиям; б) городским поселениям и в) трудовым земледельцам и их об'единениям. Земли, не находящиеся в непосредственном пользовании указанных выше землепользователей, состоят в распоряжении государства и могут предоставляться иным учреждениям, обществам и лицам на особых условиях.

4. Земли, предназначенные для ведения сельского хозяйства личным трудом земледельцев, именуются *землями трудового пользования* и подлежат действию настоящего кодекса.

5. Граждане, желающие получить землю в трудовое пользование, наделяются землею или земельными обществами, в состав которых они входят, или земельными органами, если в распоряжении последних имеется запасная земля, предназначенная для трудового пользования.

6. Обращение земель трудового пользования под не сельско-хозяйственные промыслы и производства допускается лишь с разрешения уездных земельных органов.

7. Земельные права трудовых земледельцев обоего пола без различия и их об'единений (дворов и земельных обществ) определяются общими законами РСФСР, настоящим сводом, узаконениями и распоряжениями, издаваемыми в их развитие, а также уставами или приговорами земельных обществ и местными обычаями в случаях, когда применение обычаев не противоречит закону.

РАЗДЕЛ II.

О существе права на землю трудового пользования.

8. Право на землю, предоставленную в трудовое пользование, бессрочно и может быть прекращено только по основаниям, указанным в законе.

9. Право на землю трудового пользования признается в виде: а) право на земельный участок в одном или нескольких местах (хутор, отруб, чресполосные участки); б) права на долю земли из надела земельного общества; в) права на участие в совместном пользовании угодьями земельного общества.

10. Право на землю может быть осуществляемо землепользователем: а) в составе земельного общества, с подчинением установленному обществом порядку землепользования, или б) отдельно, без вхождения в состав земельного общества.

11. Право на землю трудового пользования возникает путем: а) отвода земли земельными органами; б) предоставления земли земельным обществом и в) трудовой заимки земли.

12. Отвод земли земельными органами производится по особым правилам землеустройства.

13. Предоставление земли обществом производится по правилам земельного устава общества или по его приговору, а в случае отсутствия устава или приговора, по принятому в обществе обычаю, с соблюдением соответствующих постановлений закона.

---

*) Рассмотрен и утвержден земельной комиссией III сессией ВЦИК 21 мая 1922 г. Силы закона пока не имеет (см. резолюцию на стр. 48).

14. Трудовою заимкою считается приложение личного труда к свободной (не находящейся в чьем-либо пользовании и состоящей в распоряжении государства) земли с целью постоянного ее использования для надобностей с.-х производства. В течение трех лет трудовая заимка должна быть зарегистрирована в ближайшем земельном органе.

15 и 16. Из основного закона о трудовом землепользовании: ст. 13—14.

17. Добровольный отказ от права на землю делается с согласия всех членов двора, посредством заявления на имя того земельного общества, в котором состоит хозяйство, или на имя местного земельного органа, если земля находится в отдельном от общества пользовании.

18. Прекращением хозяйства считается действительное неиспользование земли для хозяйственных надобностей землепользователя без уважительных причин в течение не менее трех лет. Прекращение права на землю по этому основанию устанавливается земельным судом.

19. Переселением считается перемена землепользователем местожительства при отводе ему в особом порядке земли в новом месте, с прекращением ведения в прежнем месте хозяйства.

20. Из'ятие земли при землеустройстве, а также для мелиорации, дорожного строительства или иных государственных либо общественных надобностей производится по особым правилам.

21. Если земля трудового пользования будет в установленном порядке из'ята для государственных или общественных надобностей (ст. 20) полностью или в такой ее части, без которой дальнейшее использование остающейся земли является хозяйственно-затруднительным или нецелесообразным, то взамен ее отводится земля в другом месте, с возмещением убытков землепользователю на общих основаниях (ст. 15 осн. зак.).

22. Землепользователь имеет право: а) вести хозяйственное использование земли способом, избранным им по своему усмотрению с указанными ниже ограничениями; б) возводить, устраивать и использовать на земле строения и сооружения для хозяйственных и жилищных надобностей, и в) предоставлять другим лицам посредством дозволенных законом договоров и иных актов право пользования своей землей в целом или в частях.

23. Ограничения, указанных в пунктах а и б ст. 22 прав землепользователя входящего в состав земельного общества, определяются земельным уставом или приговором общества, либо, в случае отсутствия устава или приговора, принятым в обществе обычаем, независимо от иных ограничений, устанавливаемых для землепользователей соответствующими узаконениями и издаваемыми на основании их распоряжениями земельных органов.

24. Землепользователь не имеет права совершать на своем земельном наделе действия или устраивать сооружения, нарушающие существенные интересы соседних землепользователей.

25. Все сооружения и постройки, а также растения, посевы и вообще все, соединенное с землею, принадлежат землепользователю, если это его право законно не перешло к другому лицу.

26. Никакое постороннее, не основанное на законе, вмешательство в хозяйство землепользователя или воздействие на его землю не допускается. В случае такого вмешательства или воздействия, земельный суд, по просьбе землепользователя, обязан восстановить нарушение хозяйства или землепользования до разрешения спора о нарушенном праве по существу.

27. Из основного закона ст. 16.

28. Землепользователи, имеющие в запасе удобрение и вместе с тем умышленно уклоняющиеся, в ожидании земельных переделов, от удобрения, состоящих в их пользовании участков полевых земель, могут быть лишены этих земель, по

постановлению уездного земельного суда, полностью или частью, без замены их другими землями при переделе. Ст. 10 декрета СНК от 30 апреля 1920 г.).

29. Из основного закона ст. 18.

РАЗДЕЛ III.

О трудовой аренде земли.

(Временная переуступка права на землю трудового пользования).

30—39. Из основного закона раздел III, ст. 19—28.

РАЗДЕЛ IV.

О вспомогательном наемном труде в трудовых земледельческих хозяйствах.

40—42. Из основного закона раздел IV, ст. 29—31.

РАЗДЕЛ V.

О земельном обществе.

Глава I.

Об образовании и составе земельных обществ.

43. Земельным обществом признается об'единение отдельных землепользователей или дворов (хозяйств), имеющих обособленный земельный надел на основании: а) общего отвода земли в порядке поземельного устройства; б) бесспорного фактического пользования землей по обычаю, или в) раздела общей земли с другими об'единениями.

44. Земельное общество должно состоять не менее, чем из трех дворов или из пяти трудовых земледельцев, если они не об'единены во дворы (в коллективах).

45. Порядок пользования различными земельными угодьями в земельном обществе и правила по всем земельным и земельно хозяйственным делам общества устанавливаются уставом общества или соответствующими приговорами, с соблюдением требований закона.

46. Каждое земельное общество регистрируется уездным земельным органом, по предоставлению волисполкома, отказ в регистрации может последовать только в том случае, если способ образования общества или установленный им порядок землепользования противоречит постановлениям настоящего кодекса или другим действующим узаконениям.

47. В земельное общество входят все землепользователи обоего пола: а) состоящие в обществе во время регистрации отдельно (в коллективах) или в составе дворов и б) вступившие впоследствии в общество со стороны, а также дворы, образовавшиеся в дальнейшем посредством семейных разделов.

48. Вступление в общество новых дворов со стороны, с правами на трудовое пользование землей общества, допускается не иначе, как с его согласия, за исключением обществ, признаваемых в установленном порядке, имеющими излишние земли, для использования каковых допускается доприселение по распоряжению земельных органов, на основании особых правил.

49. Землепользователь, утративший по каким либо причинам все свои земельные права, считается выбывшим из земельного общества.

50. Выход землепользователей из общества с сохранением прав по землепользованию допускается с соблюдением правил о выделах земли (Раздел IX).

Глава II.

Об органах управления земельных обществ.

51. Земельно-хозяйственными делами земельного общества ведают: общее собрание членов общества (сход) и уполномоченные по земельным делам. Кроме того, общество может учреждать и другие органы для управления названными делами.

52. В обществах с общинным или участковым порядком землепользования, не выделяющихся из состава сельских обществ в отдельные земельные общества с специальным уставом, особые уполномоченные по земельным делам не избираются, и дела эти состоят в ведении соответствующих сельсоветов и их органов.

53. Общее собрание (сход) разрешает все вопросы, касающиеся земельного общества в целом, а именно: а) устанавливает и изменяет порядок пользования различными угодьями в обществе; б) составляет земельный устав и в случае надобности вносит в него изменения и дополнения; в) разрешает ходатайства о зачислении в общество новых землепользователей со стороны и о выходе из общества с землею; г) постановляет о производстве землеустройства, расселения, перехода на широкие полосы, на отруба, хутора и пр.; д) разрешает вопросы о разделе земли между селениями и о выделе выходящих из общества землепользователей; е) производит земельные переделы и разверстки, согласно установленному порядку пользования землей; ж) разрешает, при чресполосном пользовании землей, вопросы об общем севообороте, общей пастьбе скота и пр.; з) распоряжается угодьями общего пользования и свободными земельными участками; и) избирает уполномоченных и устанавливает порядок контроля над ними и к) решает другие, касающиеся общества земельно-хозяйственные вопросы.

54. В общем собрании (на сходе) могут участвовать все домохозяева, независимо от возраста, и другие землепользователи мужского и женского пола без различия, не моложе 18-ти летнего возраста, входящие в состав земельного общества

55. Общее собрание (сход) считается законным, когда на нем присутствуют члены, по крайней мере, половины дворов, состоящих в обществе; по делам, касающимся установления или изменения порядка землепользования, общее собрание (сход) считается законным, когда на нем присутствуют члены, по крайней мере, двух третей дворов. В обществах, состоящих из землепользователей, не об'единенных в отдельные дворы, для законности собрания (схода) требуется присутствие в первом случае половины и во втором двух третей наличных землепользователей.

56. Дела, касающиеся установления или изменения порядка землепользования, решаются в общем собрании большинством 3/4 голосов присутствующих членов; остальные дела решаются простым большинством голосов. Каждый участник собрания (схода) имеет один голос.

57. Уполномоченные избираются общим собранием (сходом) из членов земельного общества, не моложе 18 лет; число уполномоченных и срок их полномочий, не свыше одного года, устанавливается общим собранием (сходом), при чем в малых обществах может быть избираем один уполномоченный; при выборе же нескольких они составляют совет уполномоченных.

58. Уполномоченные дают отчет о своей деятельности общему собранию (сходу) и отвечают перед ним за все свои упущения и неправильные действия; сроки для представления отчетов уполномоченных устанавливаются общим собранием (сходом).

59. Устройство, предметы ведения и порядок деятельности других органов земельного общества, а также правила для уполномоченных устанавливаются общим собранием (сходом) земельного общества.

60. При разрешении земельных дел как общее собрание, так и другие органы земельного общества руководствуются настоящим законом и другими действующими узаконениями, а также принятым земельным уставом или приговорами общества и местными обычаями, если последние не противоречат закону или уставу, либо приговорам общества.

61. Каждое постановление общего собрания должно быть записано в протокол (приговор), в котором обозначаются: время и место его составления; количество согласных и несогласных с ним участников собрания и другие существенные по делу обстоятельства. Протокол (пригов р) должен быть подписан председателем и секретарем собрания, а также большинством присутствующих на собрании землепользователей.

Глава III.

О правах земельных обществ.

62. Из основного закона, ст. 1.

63. Тоже, ст. 3 и примечание.

64. Земельные участки и доли членов общества: выморочные, отобранные в случаях, указанных в настоящем кодексе, и остающиеся после лиц, отказавшихся от земельного надела или лишенных его по суду, поступают в распоряжение данного земельного общества.

65. Состоящие в земельном обществе угодья общего (нераспределенного) пользования: выгоны, прогоны, воды, неудобные земли и т. п. находятся в непосредственном распоряжении общества.

66. Земельное общество может от своего лица приобретать имущество, заключать договоры, искать и отвечать на суде, ходатайствовать в других учреждениях и иметь другие права, предусматриваемые в его уставе.

Глава IV.

О прекращении земельных обществ.

67. Земельное общество признается прекратившимся, если в нем останется число участников меньшее указанного в ст. 44, или если оно в полном составе вступит в другое земельное общество, либо разделится на новые общества.

РАЗДЕЛ VI.

О дворе.

68. Двором признается семейно-трудовое об'единение лиц, совместно ведущих сельское хозяйство. Двор может состоять и из одного бессемейного лица (без различия пола).

69. Право на землю, находящуюся в трудовом пользовании двора (хозяйства), принадлежит всем членам двора в полном его составе.

70. Каждый двор регистрируется сельсоветом в подворных списках, с поименным указанием всех членов двора и его домохозяина.

71. Состав членов двора может изменяться в силу естественных причин рождения и смерти, а также путем брака, приема в состав двора новых членов и выхода из него прежних участников.

72. Прием в состав двора новых членов, за исключением случаев вступления в него посредством брака, производится с согласия всех членов двора и регистрируется установленным в ст. 70 порядком.

73. Члены двора имеют право, согласно местному обычаю: а) участвовать в пользовании теми плодами и выгодами, какие дают земли, состоящие в трудовом пользовании двора, и его общее хозяйство, и б) требовать при выходе из состава двора долю из означенной земли посредством раздела в установленном порядке.

74. Разделом двора считается выход из него членов с выделом им доли из земельного надела двора; каждый такой раздел регистрируется в установленном ст. 70 порядке.

75. Образующийся посредством раздела новый двор имеет право требовать от земельного общества отвода ему из свободного запаса земель, участка для возведения жилых и хозяйственных построек, если ему не произведено достаточного выдела из усадебного участка прежнего двора.

76. В регистрации приема во двор нового члена и раздела двора может быть отказано, если прием или раздел противоречит закону или земельному уставу общества. Жалоба на отказ в регистрации может быть принесена в 14-дневный срок волостному земельному суду.

77. Представителем двора по его хозяйственным делам признается домохозяин (мужчина или женщина). Домохозяин является также блюстителем прав и интересов (опекуном) находящихся в составе двора малолетних сирот, если умершие родители их или земельное общество не избрали для сего особое лицо.

78. В случае нерадивого ведения хозяйства двора, ведущего к его разорению, или дурного обращения с членами двора, домохозяин может быть, постановлением волисполка, заменен другим лицом, по заявлению членов двора и по заключению сельсовета.

РАЗДЕЛ VII.

О порядках трудового землепользования.

Глава I.

Общие положения.

79. Из основного закона, ст. 2.

80. Для различных угодий земельным обществом могут быть установлены различные порядки пользования (смешанные формы землепользования), но основным считается тот порядок, который устанавливается для главных хозяйственных угодий.

81. При переходе земельного общества от одного порядка землепользования к другому, несогласные на такой переход члены общества могут оставаться при прежнем порядке, выделив свои земли к одному месту по установленным в сем своде правилам о выделах земель (Раздел IX).

Глава II.

Об общинном порядке землепользования.

82. При общинном порядке землепользования за каждым состоящим в обществе двором признается право на долю земли из надела общества, предоставляемую в виде земельного участка и изменяемую в целях уравнительного распределения земли между членами общества.

83. Уравнительное распределение земли в обществах с общинным порядком землепользования производится посредством общих земельных переделов или скидки и накидки земельных наделов по отдельным дворам.

84. Общие правила уравнительного распределения земли излагаются обществом в его земельном уставе или приговоре, в котором должно быть определено: а) какие из состоящих в обществе угодий (пахотные, сенокосные, лесные и пр.) переделяются; б) на какую единицу (на едока, на рабочую силу и пр.) определяется при переделах доли из разных угодий и в каком виде (по площади земли, по урожаю и т. п.); в) через какие сроки производятся переделы и г) как используются нераспределенные угодья.

85. Из основного закона, ст. 9 и примечание к ней.

Глава III.

Об участковом порядке землепользования.

86. При участковом порядке землепользования за каждым состоящим в обществе двором признается бессрочное право на землю в неизменном размере в виде участков: а) чресполосных; б) отрубных и в) хуторских.

87. При участковом *чресполосном* землепользовании полосы однородных угодий одного и того же землепользователя располагаются в различных местах земельного надела общества, чередуясь с полосами других землепользователей.

88. При *отрубном* землепользовании весь надел землепользователя или однородные угодья (напр., пашня) сводятся к одним местам, с оставлением дворового места в общем поселении.

89. При *хуторском* землепользовании дворовое место землепользователя включается в состав участка, сведенного к одному месту из всех или некоторых угодий.

90. Участковый порядок землепользования признается существующим в тех обществах, где он был установлен для главных угодий актами поземельного устройства, либо приговорами самого общества, и впоследствии не подвергся изменению.

91. Действующие и вновь устанавливаемые в обществе общие правила участкового пользования главными хозяйственными угодьями излагаются в земельном уставе или приговорах общества, с указанием в них также принятого порядка пользования другими угодьями.

92. При установлении участкового порядка землепользования *вновь*, размеры землепользования каждого двора определяются постановлениями (приговорами) земельного общества на общих для всех основаниях; в тех же обществах, где участковый порядок землепользования *уже существует*, размер участка каждого двора определяется по бесспорному фактическому пользованию, а в случае споров, по надлежащим актам и документам и другим доказательствам (свидетельскими показаниями и пр.).

93. Местоположение и границы земельных участков отдельных дворов при участковом *чресполосном* порядке землепользования могут быть изменяемы, независимо от согласия владельцев, при проведении мер государственного или внутринадельного землеустройства, или в случае из'ятия земли для государственных или общественных надобностей. Местоположение и границы *хуторских и отрубных* участков, на которых ведется улучшенное хозяйство (декрет 27 мая 1920 года), могут быть изменяемы без согласия на то их пользователей только в исключительных случаях особой необходимости.

Глава IV.

О товарищеском порядке землепользования.

94. При *товарищеском* порядке землепользования за каждым состоящим в обществе землепользователем признается право на пользование земельным наделом товарищества *без отвода* определенных участков главных угодий в натуре.

95. В земельном обществе с товарищеским порядком землепользования земельные доли, причитающиеся каждому члену общества, могут быть или заранее установлены (артели, или товарищества с общественной обработкой земли) или оставлены без определения (с.-х. коммуны).

96. Земельные общества с товарищеским порядком землепользования образуются на основании добровольного соглашения входящих в них землепользователей посредством соединения всех или некоторых ранее состоявших в их пользовании угодий в общее землепользование, либо посредством общего отвода товариществу земли.

97. В артелях или товариществах с общественной обработкой земли доли членов артели или товариществ в хозяйственных угодьях могут быть установлены или в постоянном размере, или на началах последующего уравнительного перераспределения.

98. Хозяйственные угодья при товарищеском порядке используются посредством общей обработки их членами товарищества, согласно правилам принятого ими устава.

99. Для образования товарищества должны быть составлены: 1) учредительный приговор (договор), 2) устав и 3) акт об отводе земли. При образовании товариществ временного характера акт об отводе земли и устав не обязательны.

100. В учредительном приговоре (договоре) обозначаются: а) число и наименование землепользователей, входящих в товарищество (артель или коммуну); б) количество земли, соединяемой для товарищеского землепользования или отводимой для него, и в) размер долей каждого землепользователя в хозяйственных угодьях, если такие доли устанавливаются.

101. В уставе земельного общества с товарищеским порядком землепользования кроме его названия и местонахождения должны быть определены: а) условия приема в товарищество новых членов и выхода из него наличных участников, б) порядок приобретения и использования инвентаря, в) степень общности труда, средств производства и другого имущества членов товарищества, г) порядок общей обработки земли и правила участия членов товарищества в хозяйственных работах, д) общие правила распределения продуктов, получаемых с угодий общей обработки, е) способ образования общих средств (капиталов), ж) порядок прекращения товарищества и другие условия и правила, какие члены товарищества признают необходимым установить.

102. Отвод товариществу хозяйственных угодий производится с обязательным отграничением земли по возможности к одному месту по правилам о выделах земли и о землеустройстве.

103. Каждый из членов товарищества имеет право, отказавшись от своих земельных прав в пользу товарищества, выйти из его состава и получить возмещение за свой неиспользованный труд и за оставляемую товариществу долю в общем имуществе (инвентаре, запасах и пр.).

Право выхода из товарищеста отдельных его членов с выделением для них земли, определяется уставом товарищества, а при отсутствии указаний об этом в уставе допускается лишь с согласия товарищества.

104. Выходящий из товарищества член его имеет право потребовать или возмещения за неиспользованный труд и за оставляемую товариществу долю в общем имуществе (инвентаре, запасах и пр.), или пособия на обзаведение самостоятельным хозяйством.

Размер возмещения и пособия устанавливается согласно устава товарищества, а при отсутствии указаний в уставе, земельным судом.

105. В случае перехода товарищества к общинному или участковому порядку землепользования, либо прекращения товарищества по постановлению общего собрания его членов, земельная доля каждого члена товарищества в товарищеских угодьях определяется в натуре, согласно устава товарищества, а при отсутствии указаний на этот предмет в уставе, на основании постановления общего собрания членов товарищества. Если же земельное общество с товарищеским порядком землепользования будет признано прекратившимся, вследствие того, что в нем окажется менее пяти участников, то размер земельных долей отдельных членов товарищества из надела последнего устанавливается уездным земельным органом.

РАЗДЕЛ VIII.

О переделах земли.

106. Каждый передел земли производится по особому приговору земельного общества, с указанием в нем: а) переделяемых угодий, б) рода разверсточных единиц (едоки, рабочие силы и пр.), в) количества земли, причитающейся по разверстке на каждый двор, г) срока, на который производится передел, и д) порядка пользования запасными земельными участками, если таковые оставляются при переделе.

107. Распределение земли по переделу производится, соответственно разверсточным единицам, между всеми состоящими в обществе дворами на одинаковых основаниях.

108. Участки земли, находящиеся под хозяйственными и иными строениями и огородами, а также участки, занятые садами, виноградниками и другими особоценными насаждениями, переделам в натуре не подлежат, но площадь их может быть принята в расчет при определении отводимого отдельным дворам количества прочих угодий.

109. Участки, на которых произведено коренное улучшение земельных угодий и в частности искусственно-орошенные или осушенные, при переделах сохраняются по возможности за прежними их пользователями; в случае перехода их к другим лицам, последние обязываются возместить прежним их пользователям стоимость неиспользованных ими особых затрат.

110. Из основного закона ст. 10.

111. В промежутках между переделами отдельным дворам предоставляется право, по взаимным их соглашениям производить обмен отведенных им полос в в целях лучшего их хозяйственного использования.

112. Пахотные угодья переделяются на срок не менее того времени, какое потребно для трехкратного проведения обычного в обществе севооборота.

113. Досрочный передел угодий может быть допущен в случаях перехода общества к улучшенным формам землепользования и хозяйства (от мелкополосицы к широким полосам, от трехполья к многопольному севообороту и т. п.), а также для распределения земли в случаях принудительного из'ятия части угодий, выделов земли, либо проведения землеустройства.

114. Приговоры общества о переделах приводятся в исполнение по регистрации их волисполкомами. В регистации приговора о переделе может быть отказано в случае несоблюдения установленных для переделов правил или нарушения законных прав отдельных членов общества, с указанием допущенных в приговоре неправильностей, которые общество должно устранить или же отказаться от передела.

115. В промежутках между переделами—скидка и накидка наделов производится в каждом отдельном случае по приговорам общества, указанием дворов и лиц, с которых снимаются или которым даются наделы, оснований скидки и накидки, а также числа снимаемых или накидываемых наделов.

116. Приговоры общества о скидке и накидке наделов приводятся в исполнение, если на них не принесено жалоб в 14 дневный срок; в случае принесения жалобы, приговор приводится в исполнение только по его рассмотрении в порядке разрешения земельно-судебных дел.

РАЗДЕЛ IX.

О выделах земли.

117. При общинном и участковом чресполосном порядке землепользования каждый двор имеет право, отдельно, или совместно с другими дворами, во всякое время с согласия общества отказаться от существующего порядка землепользования, с выделом своей земли к одному месту.

118.—122. Из основного закона ст. 4—8.

123. Из основного закона ст. 11.

РАЗДЕЛ X.

Об укреплении и устройстве земель трудового пользования.

114—127. Из основного закона ст. 32.—35.

РАЗДЕЛ XI.

Заключительные постановления.

128—129. Из основного закона. ст. 36—37.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

